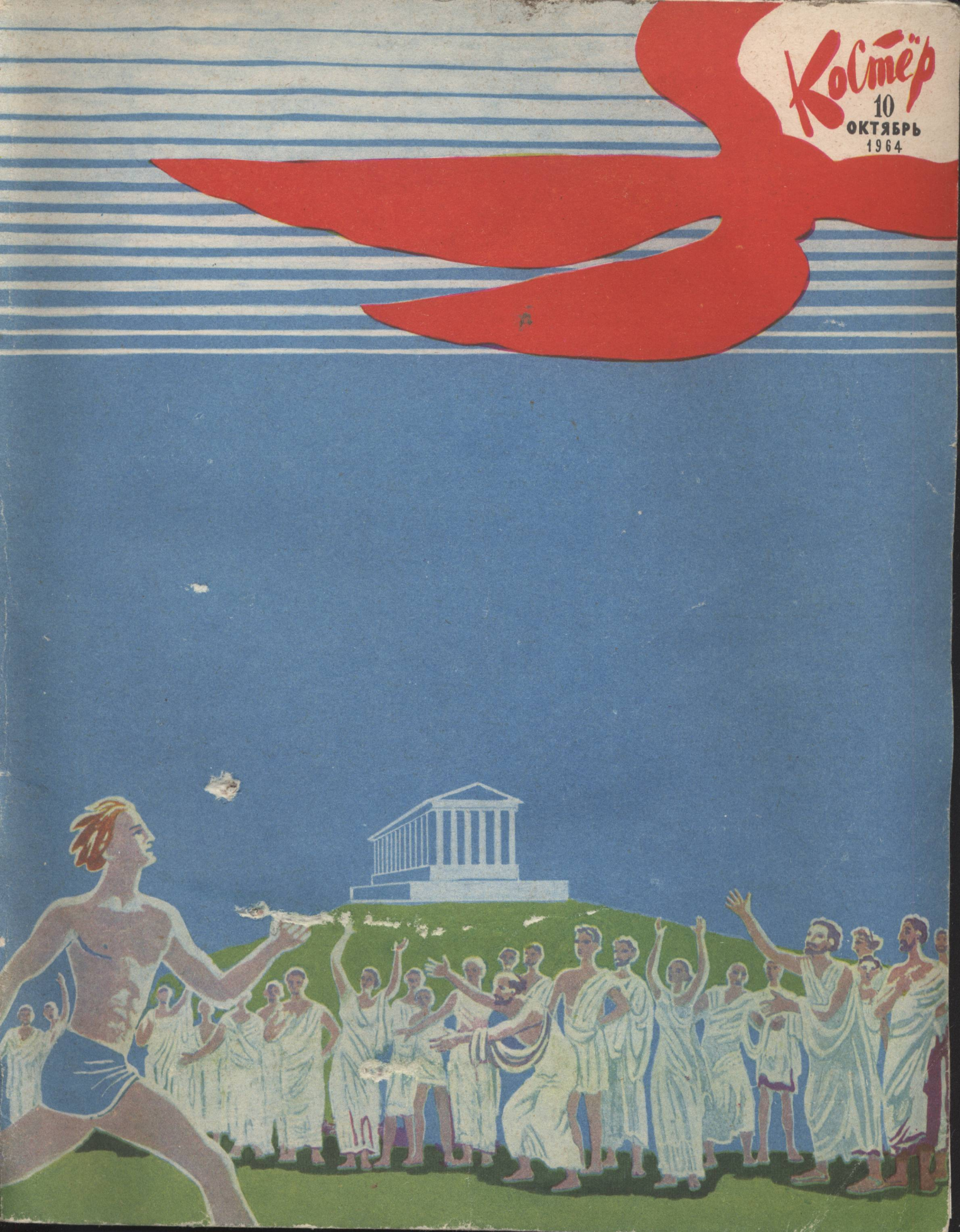
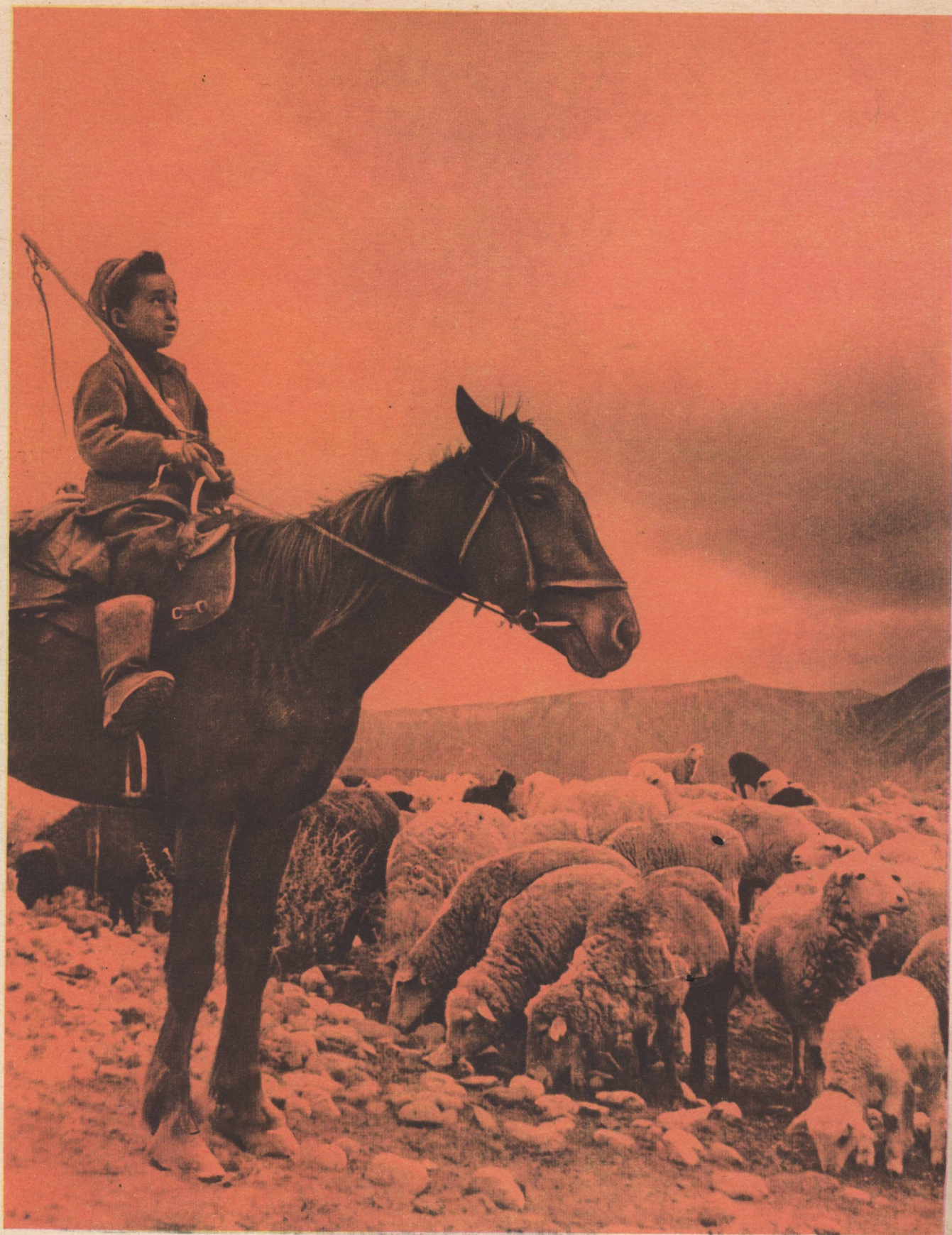

Колтёр
10
ОКТАБРЬ
1964

ЮНЫЙ ЧАБАН

Фото Г. Бирика, Алма-Ата

Ко всем читателям и юнкорам!

Ко всем друзьям журнала!

Клуб юнкоров „Костра“ принимает эстафету пионерских дел в честь 50-летия Советской власти. Начинаем экспедицию под девизом:

„МОЯ СЕМЬЯ, МОЯ ШКОЛА, МОЙ ДОМ“.

Первый слет участников экспедиции состоится в майском номере „Костра“ 1965 года.

Участником экспедиции будет считаться тот, кто пришлёт в „Костер“ рисунки, фотографии, стихи или рассказы о жизни и труде своей семьи, школы, дома.

Каждая улица и дом, каждая семья и школа — это частички нашей большой Родины. В их судьбе, как в капле воды, отразились победы и успехи, трудности и потери, которые пережил наш народ за годы Советской власти.

Юнкоры, юные фотографы и художники, в путь!

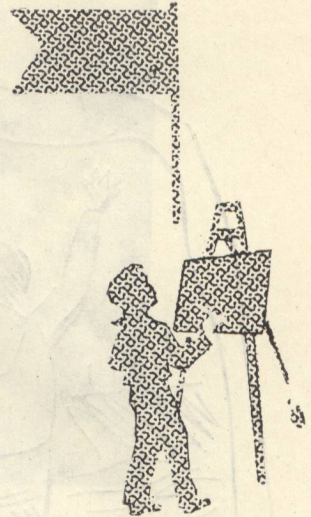
Совсем не обязательно искать знаменитых людей. Вот ваша мама. Она ничем не знаменита. Но она труженица. А на тружениках держится Советская власть. Попросите маму рассказать что-нибудь о себе и запишите интересный случай, который она припомнит.

Чего только не знают ваши отцы, деды, бабушки! Многие из них наверняка помнят, как шла борьба за Советскую власть в ваших краях, многие — участники Великой Отечественной войны.

А сколько нового появилось за эти годы в семьях, школах и в домах! Эти новости вы сумеете разглядеть и без помощи взрослых. На то вы и юнкоры — Зоркие глаза!

Фото, рисунки, стихи и рассказы присылайте до 15 января 1965 года. На конверте рисуем эмблему экспедиции: красный флажок.

СОВЕТ КЛУБА ЮНКОРОВ

ОТКУДА ТЕЧЕТ ОХТА

Этот коллективный репортаж мы посвящаем Локомотиву, Вратарю, Боксеру и другим мальчишкам из третьего отряда пионерлагеря «Победа». Хотите узнать, почему — дочитайте до конца и вам все станет ясно.

Если уж путешествовать, так за тысячу верст. Лучше по Африке, в крайнем случае — по Енисею. Все мы немножко заражены болезнью, имя которой экзотика.

В самом деле, не так-то просто выбрать маршрут для первого путешествия юнкоров «Костра». Целую неделю мы шуршим метровыми картами Атласа СССР, спорим и не можем решить...

А решение рядом, под боком. В трех трамвайных остановках от редакции. Там, где кондуктор объявляет: «Комаровский мост, Охта!». Там, где Охта впадает в Неву.

Один из нас живет в этом районе Ленинграда. Однажды он приходит в редакцию, видит людей, склонившихся над Атласом, и говорит:

— Давно я хочу узнать, откуда Охта течет...

Воистину, любознательность — двигатель прогресса! В тот же день было решено: идем по матушке, по Охте, от истоков к устью! До верховьев — автобусом, обратно — пешком.

...А теперь вспомните-ка загадочное сообщение, напечатанное в прошлом номере «Костра»: «...группа ленинградских юнкоров... путешествует по реке, в устье которой 261 год тому назад был построен их родной город...» Припомнили? Кое-кто из вас наверняка уже решил, что это Нева. Нет, товарищи, ошиблись: это Охта!

1. Не верьте старым картам

У нас в руках старая довоенная карта. На карте написано: «р. Охта». Картографы имели в виду р(еку), но при ближайшем рассмотрении она оказалась р(учьем). Вначале мы ручей перепрыгивали, потом перешаги-

вали, а теперь его остается только переступать: всю ширину потока можно перегордить ступней.

Мы обижены. Такого мы не ожидали и громко ехидничаем по адресу ручья. А он, знай се-

бе, журчит. Погодите, мол. Я еще себя покажу.

И показывает: вот прямо перед нами свежие отпечатки лосиных копыт. Они ведут к воде. Эге, ребята! Из Охты лоси пьют!

А ручей все журчит: погодите, то ли еще будет...

П-ф-р-р!! Из-под ног шумно взлетает тяжелая птица. Тетерка! За ней, врассыпную, пушистые, неуклюжие тетеревята. Фотографы, какой снимок проморгали!

А ручей журчит. Бежит по камешкам, по корягам, вдоль зеленых бережков и играет с нами в прятки, не предусмотренные старой картой. То нырнет в колючий густой кустарник (попробуй, продерись!), то скользнет в изумрудный лужок (ой, братцы, болото!). Не успеешь оглянуться — он уже за спиной журчит. Ринешься напролом через кусты, а его и след простыл: во-он, петляет между берез!

Уморил...

Голодные, мокрые, искусанные комарами, мы стоим на краю болота. Давно здесь никто не был. Может, еще от самой войны. Ржавая колючая проволока в пять рядов преградила нам путь. Стоим и смотрим, как оттуда, из-под

С таким проводником никакие дебри не страшны!

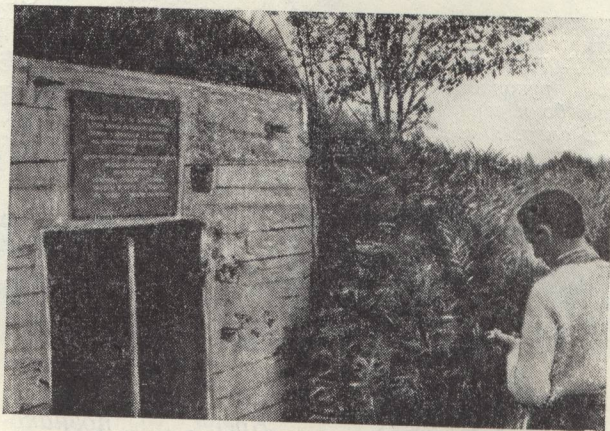
проволоки, болотной змейкой выползает ручей. Так вот она где начинается, Охта... Отсюда до города — если бы все водой — не меньше семидесяти километров.

2. „Семерка“

Здесь проходила линия обороны Ленинграда. По этой осоке, по этому кустарнику, и по этой ромашке. Взять отсюда траншеи вправо — придешь к небольшому старому доуту. Из его спины торчат покарженные куски арматуры, а рядом, в густой траве, алеют спелые земляничины. Из казематов тянет сыростью. Ласточка слепила себе гнездо под холодными сводами и взмывает оттуда к солнцу. А внизу темно. И глядят в амбразуры неподвижные ржавые орудия.

У входа в дот красная дощечка:

«С 3 сентября 1941 года по 31 марта 1942 года в этом боевом сооружении сражался гар-

Из походных блокнотов

...палаток — 4, спальных мешков — 12, кастрюль — 3, сгущ. молока — ?, не забыть лавр, лист для уха...

...Кто-то из ребят придумал увлекательное занятие: смотреть через бинокль в реку. Чудеса! Всё приобретает фантастические размеры. Один раз в окуляры попала лягушка. Глаз не оторвать, какие краски! Описать невозможно. Люди, берите бинокли и — в лес!

...Никита задремал у костра, «поджарился» и просит: «Выключите костер!»

низон в количестве 12 человек под командованием лейтенанта Петрова. Ценой своей жизни личный состав гарнизона выполнил боевую задачу. Враг не прошел! Вечная слава героям, павшим в боях за Родину! Их подвиг — пример поколениям!»

Какая трагедия произошла за этими бетонными стенами? Нам удалось собрать только скупые факты.

...Восемь месяцев не могли белофинны уничтожить дот № 07. Восемь месяцев гарнизон «Семерки» держал под обстрелом всю долину

реки Охты и близлежащие высоты. 31 марта 1942 года против двенадцати защитников дота враг бросил большие силы. Под прикрытием дымовой завесы финны ворвались в нашу траншею, перерезали связь и двинулись на штурм. Последнее, что успел передать радист: «Враги подходят к доту!»

Бой продолжался до темноты. Уже ночью белофинны привезли на волокушах взрывчатку и, окружив дот, предложили гарнизону сдаться. В ответ раздалась команда: «Огонь!» Тогда, подложив большое количество тола, белофинны взорвали «Семерку». Весь гарнизон дота был уничтожен взрывом. Погибли

сержанты Веденин, Колосов, Смирнов, бойцы — Ковылин, Семичев, Иванов. Фамилии остальных шести героев пока неизвестны. Случайно остался жив командир дота лейтенант Петров. В день штурма он был вызван на командный пункт. Есть сведения, что именно он возглавлял контратакующую группу. Также известно, что после войны Петров демобилизовался, но где он сейчас и как его зовут — мы не знаем.

Дот был отбит у врага, восстановлен и до конца войны оборонял Ленинград от врагов. А о защитниках «Семерки» даже песню сложили. Вот бы ее узнать...

Сержант Смирнов — заместитель коменданта ДОТ-07. 31 марта 1942 года руководил последним боем гарнизона. Погиб смертью героя.

РЕБЯТА! НИ ОДИН ПОДВИГ НЕ ДОЛЖЕН ОСТАТЬСЯ БЕЗВЕСТНЫМ! НИ ОДНО ИМЯ — ЗАБЫТЫМ!

Пока живы люди, хорошо знавшие гарнизон «Семерки», надо найти их, хорошенько расспросить и записать то, что они расскажут.

ЗАПОМНИТЕ:

Гарнизон дота № 07 («Семерка») входил в состав 123 дивизии 22 укрепленного района и держал оборону на Карельском перешейке в районе реки Охты и Термолловского шоссе, с сентября 1941 по март 1942 года.

ПОКАЖИТЕ ЭТОТ ЖУРНАЛ УЧАСТНИКАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ЕСЛИ ВАМ УДАСТСЯ УЗНАТЬ КАКИЕ-ЛИБО ПОДРОБНОСТИ О ГАРНИЗОНЕ «СЕМЕРКИ», НАПИШИТЕ В «КОСТЕР». ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

Сержант Веденин — начальник пулемета в ДОТ-07. В бою 31 марта погиб смертью героя.

У нашего походного костра — кандидат биологических наук Константин Александрович Бреев. Мы познакомились с ним на животноводческой ферме, где он с помощниками изучает личинок овода, и пригласили в гости.

...Вы любите молоко? А известно ли вам, что 25% всего молока в северном полушарии попада-

ет по вине этого насекомого (Константин Александрович достает из коробочки и показывает всем обыкновенного овода)... 25%! Это значит, что из каждых 100 человек вовсе не получают молока 25! А наше государство из-за овода теряет в год на 500 миллионов рублей молока!

Мало того, личинки овода — сами меньше миллиметра! — способны превратить шкуру животного в решето.

И наконец, последнее: взрослая самка овода не имеет рта. Да-да, есть ей нечем! А живет она за счет веществ, накопленных личинкой за время ее паразитирования в организме. Представляете себе, как беззастенчиво обворовывает личинка организм коровы, если впоследствии самка овода может так безбедно существовать!

3. У нашего костра

Для того, чтобы справиться с этим злом, надо как следует его изучить. Этим мы сейчас и занимаемся...

ПОТОМ РАЗГОВОР ЗАШЕЛ О КОМАРАХ.

Вряд ли кому-нибудь везло так, как нам в этот вечер: быть окруженными мириадами комаров и беседовать об их уничтожении с самым настоящим антикомариным ученым. Мы сразу же поддели Константина Александровича: как же так — Большая Химия, а с комарами справиться не можете?

Константин Александрович заметил наш лозунг «Садитесь с нами у костра, кто не боится комара!» и осудил его, как чересчур легкомысленный. Он предложил заменить этот лозунг другим: «Прежде чем убить комара, подумай о последствиях!»

— ????

— Не удивляйтесь, — сказал Константин Александрович и поведал нам следующую историю.

В одном из водоемов США, в месте выплода комаров, был рассеян препарат ДДТ, дей-

ствующий на комариные личинки. Через некоторое время в этом водоеме стали гибнуть гагары. Вскрытие и анализ показали: в организме птиц произошло губительное накопление ДДТ!

Как он туда попал? Ученые поставили ряд опытов и выяснили вот что:

Вначале ДДТ накапливался (аккумулировался) планктоном.

Планктон поедался растениемядными рыбами. В их организме происходила дальнейшая аккумуляция ДДТ.

Растениемядных пожирали хищные. Снова накопление ДДТ, еще более мощное!

И наконец, хищные рыбы попадали на обед к ничему не подозревавшему гагарам, в организме которых аккумуляция ДДТ достигла смертельной дозы...

— Воздействовать на природу надо очень осторожно, — заключил Константин Александрович, — внимательно изучать ее законы, не нарушать равновесия ее сил...

Бац! Константин Александрович прихлопнул надоевшего комара.

Из походных блокнотов

...Поселок Вартемяки принадлежал до революции графу Шувалову. Как рассказывает местная жительница бабушка Кастрюлькина, лично знавшая графа, — он был страстный рыбак. Охта никогда не отличалась изобилием рыбы и по приказу графа в парке выкопали небольшой пруд. Рыбу привозили издалека, в бочках, и опрокидывали в водоем. Таким образом, преимущество графа Шувалова перед другими рыбаками заключалось в том, что он всегда знал, кого ловит.

...Сережа держит в руках банку со сгущенным молоком и читает на этикетке: «...жиры, белки, углеводы, минеральные соли, вода... А где же сгущенное молоко?!»

...Каждый вечер прямым и открытым голосованием мы выбираем «маму». Мама целый день заботится о пропитании членов группы. Сегодня мама — Боря.

...Ночью дневальный заснул. Проснулся от странных звуков. Видит: рядом стоит пега корова, смотрит на него благодарными глазами и дожевывает буханку хлеба.

4. Как ручей речушкой стал

Вот уже два часа мы стоим с удочками на излуине под обрывом. Сверху вода бежит неслышно, потом с плеском и глухим ворчаньем продирается сквозь преграждающие ей путь камни и кидается дальше. Бурлит у левого берега на мели и с тихим шипеньем крутится в яме. Это уже не ручей, а маленькая свояправная речушка. И чтоб через нее перебраться, надо закатывать брюки до колен.

Вартемяки

Одна из многих дорожных встреч. Ленинградец Саша Подгурский приобрел талонную книжку «Автостопа» и решил испытать ее силу на дорогах области. Мы встретили Сашу на перекрестке Ленинград — Приозерск — Токсово, когда он терпеливо провожал пятую машину...

5. Накречушка речной стала

Жарко. Солнце в зените. Выкупаться бы! А что если попробовать? С этой стороны Охты нам еще незнакома.

- Ох, толкий бережок!
- А тут глубоко! До дна не достать...
- Ура!
- Ныряю!
- Эй, кто стометровку!?

Плеск, звонкие голоса, тучи слепней. Ну вот, это уже речка: здесь купаться можно.

Сярги

6. Удивительное рядом

Человек в победоносной позе стоит у разрытого березового пня, сжимая в одной руке какой-то пестрый сук, а в другой — огромный топор. Внимательно вглядываемся в извилистый сучок и вдруг видим, что он оживает. Вот черная головка, вот глазки. Да это же змея! Веселый добродушный уж, даже желтые пятнышки на спинке! И все-таки это сучок. Чтоб увидеть в нем ужа, нужна капелька фантазии.

МОН ТУРИСТСКИЕ БОТИНКИ

До тленья вас сушили у костра,
В траве бросали в мокрую погоду
На произвол судьбы, на риск,
на страх...

Короче — вы прошли огонь и воду,
То от огня, как сухари тверды,
То ноги в вас, как в двух озерах,
тонут,

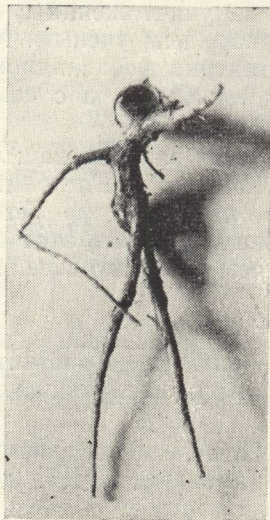
И от холодной охтенской воды
Становитесь вы — каждый — весом
с тонну.

Всего два дня осталось прошагать
По охтенским маршрутам нашим.
Послушайте, не надо бунтовать!
Не запросите каши!

Марина Сироко

Так началось это увлечение. Как только мы разбивали лагерь, двое-трое сразу уходили на поиски. Вернувшись с добычей, мы пытались угадать, что должен изображать корешок в руках у товарища: то ли веселого Буратино, то ли нескладного и печального Дон Кихота? Длинношеего доисторического ящера или

Благородный идальго,
Дон Кихот Ламанский...

изящную балерину?.. В последний день похода была раскрыта Тайна Охты — каждый получил на память какой-нибудь «живой» сучок или корень. Одному достался Арлекин в колпаке. Другому — старая еловая шишка с обломком сучка — ни дать не взять взъерошенная мышь с хвостиком! Мы так радовались этим подаркам, так хвастались ими! И совсем забыли, что сами всю неделю собирали эти корешки и сучки.

Уже в городе, выгружаясь из трамвая, кто-то крикнул: «След!» И мы с радостными воплями столпились вокруг солидного булыжника, похожего на человеческую ступню.

Из походных блокнотов

...В поселке Агалатово познакомилась с ребятами из 165 школы. Они помогают колхозу, живут в палаточном лагере. Вечером пригласили нас на костер. У них гитара, баян. Сколько песен перепели!

А утром спор: хорошо ли записывать песни в тетрадь и копить их, как копят марки или этикетки? (Такая тетрадь была у одного из давешних мальчишек.) Некоторые утверждают, что это мещанство и пошлость. А я думаю так: если песни — хорошие, то какая же эта пошлость?!

...Сегодня я вспомнила Чернавку из «Сказки о спящей царевне и семи богатырях». На Охте есть маленькая, пахнущая болотом речка Чернавка — приток Охты. По обеим берегам Чернавки — Большеохтинское кладбище, старое и большое. Здесь, говорят, похоронена няня Пушкина, Арина Родионовна.

Новая школа в Вартемяках будет на славу. Огромная, светлая. Вместе с бригадой пятиклассников мы отработали на строительстве школы целую смену. Убирали мусор, подметали помещения. А Лена рисовала. Вот ее наброски.

7. Где начинается город

Мы стоим у железнодорожной насыпи и размышляем:

- Где начинается город?
- Наверно, там, где кончается.

Из походных блокнотов

...На берегу Охты в 17 веке была возведена шведами крепость Ниеншанц с шестью бастионами. Северная война за выход России к Балтийскому морю положила конец господству шведов. После сильной артиллерийской бомбардировки шведы стали «бить шамад», то есть выкинули сигнал о капитуляции. Шведский гарнизон покинул крепость с распущенными знаменами, барабанным боем, четырьмя пушками и, по обычаю того времени, с пулями во рту.

...На братской могиле у крепости Ниеншанц солдаты Петра I насыпали холм и, как гласит предание, Петр посадил на холме дуб в честь первой победы над шведами. Этот дуб был первым памятником нашего города. Во время Великой Отечественной войны дуб сгорел от прямого попадания авиабомбы.

Из исторических документов.

- А где он кончается?
- Там, где начинается...

Границы города зыбки, почти неуловимы. Вот он выбежал в поле и разбросал по траве веселые крыши нового рабочего поселка. А там, смотрите, березовый лесок пробрался за городскую черту! Это в нем горожане — десять минут от дому! — собирают осенью упругие подосиновики.

Охта удрала от нас; скрылась за кирпичной стеной какого-то завода и петляет теперь между серыми корпусами рабочего предместья. До свидания, Охта! Мы скоро снова увидимся с тобой. А сейчас нам пора в гости. Мы идем к человеку, который не сомневается, что живет на самом краю города. И пока он прав. Его дом — последний! Дальше — железная дорога, виадук, и — поля, леса...

А ну как завтра начнут копать котлован для фундамента по ту сторону железной дороги?

8. Писатель

Яков Длуголенский мог бы записать в своем дневнике

...В субботу я получил телеграмму: ВСТРЕЧАЙ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЕЧЕРОМ ЗПТ НАКРЫВАЙ СТОЛ ДВЕНАДЦАТЬ ПЕРСОН ТЧК ГРУППА ОХТА ТЧК

— Вот это да! — подумал я. — Что-то будет?

Однако все обошлось благополучно. В полоннадцатого в квартиру ввалилась дюжина веселых ребят. Первым делом они сели на полу в кружок и спели свою ритуальную песню. Потом узнав, что у моей жены день рождения, они подарили ей тетеревиное гнездо со скорлупой и пухом (!), а мне — замысловато переплетенный корень под названием «Марсианская дружба».

Вот что значит жить на краю Охты!.. *

9. Чем пахнет Охта

Прощаемся с радушными хозяевами и идем вечерними улицами. Мы угадываем их запахи. Каждый уголок здесь пахнет по-своему. Этот — краской и пилеными досками, тот — свежим хлебом и гарью. От летней кухни, сооруженной на стройке, пахнуло на нас дымом. Со всем как от костра.

* Примечание для неленинградцев: район Ленинграда, где река Охта впадает в Неву, тоже называется Охтой.

Мы сбрасываем рюкзаки у Комаровского моста. Может быть, он и в самом деле назван в честь комаров, которыми так богат бассейн реки Охты?

Спускаемся к воде. Эх, какая же невеселая, мутная, с пятнами нефти и мазута! А запах от нее какой тяжелый! Здесь ни рыбы, ни водоросли не вздохнуть. Решаем: послать по одному экземпляру журнала директорам тех заводов, которые спускают в реку всякую гадость! А вдруг в них совесть заговорит?

Охта, Охта, если бы ты знала, какой бурливой, прозрачной и чистой ты можешь быть!

10. Обращение к третьему отряду, которому посвящен этот репортаж

Привет, ребята! Мы встречаемся с вами второй раз. Первый — в лагере «Победа», в Сяргах, на берегу Охты — помните? Еще Колька-Локомотив заявил тогда, что не любит давать интервью.

Не без умысла мы посвятили вам свой репортаж. Вы целый МЕСЯЦ жили на берегу Охты и НИЧЕГО не узнали о ней. Вам было некогда. Вы гоняли мяч. С утра до вечера. И тратили на это все свои несметные силы.

Даже когда вам представилась возможность пойти на два дня в поход (а два дня — это ТРЕТЬ нашего путешествия!), даже тогда вы

ухитрились обвалить соседний отряд в зубном порошке, после чего вас, конечно, никуда не пустили. «Ну и что, — решили вы, — погоняем шарик...»

А рассветы проходили над Охтой мимо вас, пока вы крепко спали в своей даче после очередного матча. Рыба плескалась в Охте — вы не слышали ее. Костры горели на песчаных откосах и в горячей золе пеклась картошка — вы не катали ее в ладонях и не пробовали на зуб.

Мы не без умысла посвятили вам свой репортаж. А вдруг, прочтя его, вы раззадоритесь, рассердитесь и будущим летом, закинув за плечи рюкзаки, уйдете в зеленое царство Охты!

Если так — счастливого вам пути!

Из походных блокнотов

...— Змея! — кричит Никита и бесстрашно хватает ее руками. Девочки визжат и благоговейно смотрят на героя. Через секунду в его руках остается лишь кусочек желтого хвоста. — А где змея? — Вы хотели сказать, безногая ящерица? Она удрала...

...Ночью лежали в спальнях мешках на сцене колхозного клуба и пели. Такого концерта клуб еще не видывал!

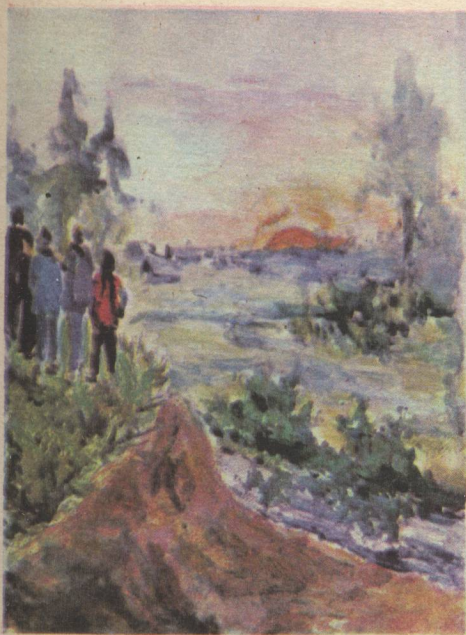
...Афоризм А. А.: «В лесу грязи нет». А сам заставляет кастрюли драить. Где логика?

Репортаж вели юнкоры: Мира Букштейн, Сергей Журавин, Ира Мостовая, Никита Охотин, Дагмара Погорельская, Марина Сироко.

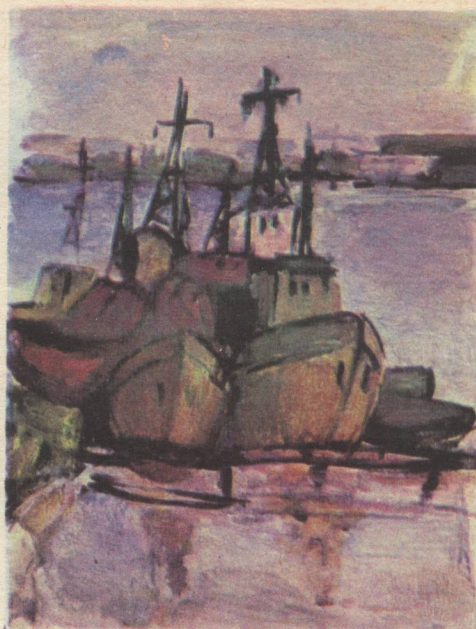
Рисунки Лены Богод и Иры Наместниковой.

Фото Бори Капулкина.
Руководители похода — журналисты Вл. Арро и А. Крестинский.

Фотографии героев «Семерки» любезно предоставлены нам полковником в отставке Г. Н. Масловским.

Какие рассветы над Охтой!
А вы когда-нибудь встречали
рассвет над рекой?

Корабли на Охте... 261 год назад
с Охтенской верфи был спущен
на эти воды первый шлюп.

Буратино всегда с
нами. В пути он бол-
тался на шее, а на
привалах сторожил
палатку.

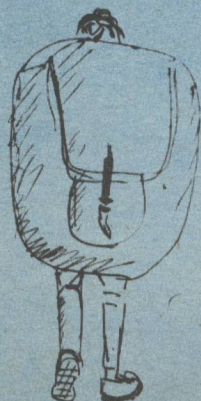
Сереза отдыхает. Это случается не часто.

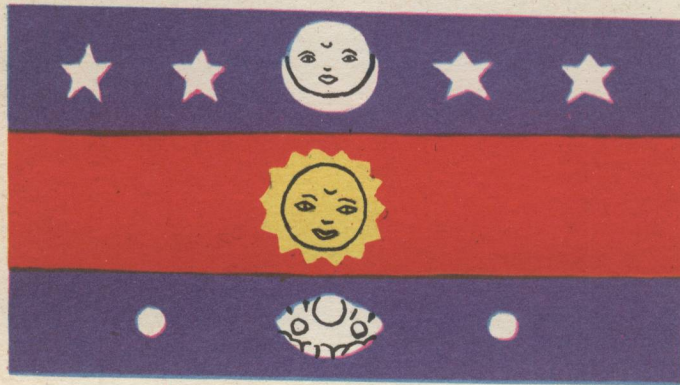
Наш верный друг — костер...

„Пусть всегда будет солнце!“

Человек-рюкзак, хозяин лесных тропинок.

Флаг Джунгахоры

Герб Джунгахоры

Будьте готовы, Ваше Высочество!

ПОВЕСТЬ

Лев Кассиль

Рисунки В. Куприянова

ГЛАВА I

Принц из Джунгахоры

— Так. Принца вот только мне и не хватало, — сказал директор лагеря в телефонную трубку.

Все поглядели на директора. Кое-кто не совсем расслышал его слова. Другие подумали, что он шутит — директор слыл по всему побережью человеком веселым. Впрочем, сейчас ему, видно, было не до смеха. Должно быть, из Москвы, срочный телефонный вызов откуда неожиданно прервал заседание в кабинете директора пионерского лагеря «Спартак», сообщили действительно что-то важное. И верно там, в Москве, тоже не совсем хорошо разобрали, что ответил директор, потому что он повторил громко, с хмурой усмешкой, поглядев на сидевших в кабинете:

— Я говорю, вот принца только, как раз, в нашем хозяйстве не доставало.

Но в Москве, должно быть, не были расположены к шуткам. «Кхя-кых-кагых-кыкыр» — строго и отрывисто прокаркала трубка, и директор четко проговорил в телефон:

— Ясно. Я вас понял.

Потом он сделал знак сидевшему рядом с ним бухгалтеру, чтобы тот прикрыл окно. Прибой в этот день был шумный. Бухгалтер, товарищ Макарычев, плотно закрыл окно, выходящее прямо на море. В комнате сразу стало тихо и душно, но волны, подбегая под самый

домик директора, словно из любопытства вскидывались на цыпочки и будто старались заглянуть в окно. Директор Михаил Борисович Кравчуков отнял телефонную трубку от уха. Некоторое время смотрел он в ее чашечку, словно ждал, не выскочит ли еще что-нибудь из нее, а потом с размаху бросил трубку на рога старомодного, похожего на маленького оленя, аппарата. Бросил и повернулся к сидевшим. Вид у директора был неважный, но он бодрился, надул щеки, покачал головой, подмигнул сам себе...

— Ну, поздравляю, — сказал он, — как это там у Гоголя в «Ревизоре»?.. Должен сообщить пренеприятное известие... К нам едет принц.

— То есть, в каком это смысле? — спросил Макарычев, бухгалтер лагеря.

— В самом обыкновенном, точнее сказать в самом необыкновенном. Принц. Нормальное его королевское высочество, будь он неладен! Младший брат джунгахорского короля, ныне здравствующего, царствующего и прочая и так далее, и так далее, и тому подобное, и так его и эдак! Наследный принц престола. А?.. В «Артек» что ли позвонить? Пусть поделятся опытом. У них уже там жили какие-то принцы и принцессы из Лаоса или из Камбоджи, кажется. Сообщали об этом. М-да, всю жизнь

мечтал воспитывать у себя в пионерлагере августейших особ.

— А почему августейших? — встрепенулся бухгалтер. — Сейчас же еще июль. Это что же, в счет августовского плана заезда?

— Ох, товарищ Макарычев, — вздохнул ди-

ректор, — ты что, только календари и инструкции в жизни читал?

— Зачем же, — обиделся тот, — неверно заявляете, Михаил Борисович, я и в газету гляжу, что ни день — прорабатываю.

Директор только рукой махнул.

ГЛАВА II

*Совершенно секретная**

Теперь стоп! Минуточку! Знаю, знаю я отлично, дорогие вы мои мальчишки и девчонки, что предисловий к книгам вы вообще никогда не читаете. Но на этот раз, я вас очень прошу, обязательно прочтите его. Для этого я и всунул это вступление в серединку. Кроме того, я не хотел, чтобы его читали взрослые. А то взрослые обязательно станут скучно и назойливо спорить с вами, уверяя, что все в этой книжке только сказка, и ничего подобного на свете не происходило в самом деле. И даже страны такой Джунгахоры тоже будто бы нет. Они станут тыкать вас в карту носом и твердить при этом, что все это выдумка, ничего больше...

Прошу вас, не спорьте. Делайте вид, что вы соглашаетесь. Ладно, пусть себе считают все это сказкой. Нам с вами так будет даже лучше и спокойнее. А то пойдут еще всякие разговоры, начнутся уточнения, где да что, да кто и откуда. И, возможно, возникнут еще какие-нибудь дипломатические осложнения и пойдут

международные, так сказать, неприятности. Нет уж, пусть лучше взрослые думают, что все это лишь сказка. А вам, одним лишь вам, я скажу по секрету, что все это совсем не выдумка, никакая это не сказка, так все и было, как я написал в этой книге. Только мне пришлось пока что изменить название страны, которую я имею в виду, чуточку переместить ее на географической карте и дать некоторым героям моей правдивой повести другие имена.

Но все остальное — правда истинная, правда сущая и ничего, кроме правды. Скажу вам больше того, друзья! Я обещаю вам, как только можно будет, открыть подлинное название страны Джунгахоры, показать вам ее на карте. И, знаете, я твердо верю, что смогу это все сделать до того, как вы сами станете взрослыми и, чего доброго, начнете еще утверждать, будто все удивительное и неизвестное вам на свете — это сказки. Обещаю вам.

А пока — стоп! Тихо! Пусть себе взрослые думают, что вы читаете сказку.

ГЛАВА III

Передается важное сообщение

Итак, в пионерском лагере «Спартак», расположенном на побережье Черного моря, стало известно, что вместе с нашими ребятами будет отдыхать настоящий принц из Джунгахоры.

Вообще-то, директор Михаил Борисович не хотел придавать этому особое значение и заранее оповещать ребят о приезде не совсем обычного гостя. Но во время разговора по телефону с Москвой он, попросив закрыть окно в кабинете, не заметил, что сквозняком приоткрыло дверь, а в дверях стоял некто по имени Тараска и по фамилии Бобунов. Этого маленького и круглощекого пионера знал весь «Спартак» и он знал решительно всех, потому что более пронырливого и разговорчивого маль-

чишки не было в лагере, а может быть, и на всем побережье Черного моря. Недаром его звали и Тарасконом из Тартарена, и Трензельбубен, и Транзистором, и Гарантеллой, и Тарантасом. Заметив его, наконец, в дверях своего кабинета, директор горестно качнул головой:

— Так. Ты уже, конечно, тут как тут. Слушай ты, Тарас-тарантас, ты можешь не болтать о том, что слышал, до поры до времени? Пока, понимаешь, то да се.

— До поры до времени могу, — сказал Тараска твердо.

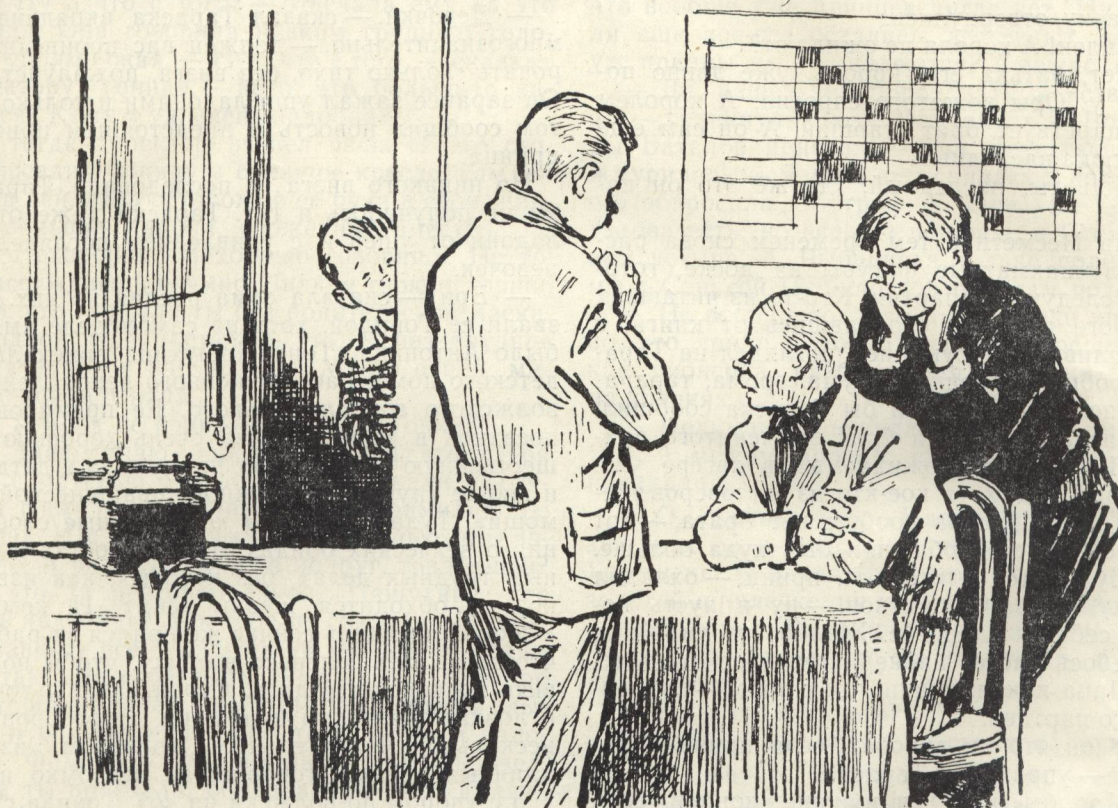
На пора да время наступили для Тараски тотчас же, как только он оказался за дверью директорского кабинета. Правда, сперва он решил быть верен обещанию, которое дал директору. Ему было даже лестно, что вот, ска-

* Лишь для детей до 16 лет — (Автор)

жем, идет он, пионер Тарас Бобунов, совершенно обыкновенный с виду и не всеми даже, в достаточной мере, уважаемый, идет — и никто не знает, какой важной, может быть, даже государственной тайной он облечен. Прошли навстречу двое ребят из верхнего лагеря. Прошли, бедняги, даже не подозревая о том, что знает Тараска. А принц тем временем едет, и об этом знает только он, Тарас.

гие решали у входа в палатку кроссворды, третьи играли в шахматы на скамье возле палатки.

— Ну, ребята, — начал Тараска (голос его таил что-то совершенно необыкновенное), — если обещаете без шума, грома, тарарама и вытерпите помолчать до поры до времени, я вам такое сейчас скажу, что закачаетесь. Только это секрет, предупреждаю.

Но вскоре тайна эта стала прямо-таки лезть из него. Тайна стала чесаться в ухе, корябаться в горле, как ни откашливался Тараска. Она сушила губы, которые приходилось то и дело облизывать языком. А языку было уже совсем скверно. Он так и елозил во рту, каждую минуту грозя сболтнуть что-нибудь такое, что даст вырваться на волю подслушанному секрету.

В конце концов Тараска сдался и, влекомый тайной, направился в свою палатку номер четыре, где жили самые закаленные, самые дружные пионеры, заслужившие право обитать в палатках на берегу, а не в парковых дачах.

Волна на море была в этот день большая, и ребята не купались. Мальчишки занимались своими делами. Одни что-то мастерили, дру-

Никто даже не посмотрел на Тараску. Все продолжали заниматься своими делами. Только кто-то, находившийся в палатке, буркнул оттуда:

— Хо! Можно себе представить!

— Пожалуйста, считайте меня трепачом, — Тараска повернулся к палатке.

— Мерси вам за разрешение, мы и без того считаем, — послышалось из-за брезентовой стенки.

— Да, пожалуйста. И звонарем.

— Тоже учтем, — донеслось из палатки.

— И Тарасконом, Тарантасом, как хотите.

— И это нам известно, — неумолимо ответствовала палатка.

— А теперь вот вы все убедитесь раз навсегда, что я говорю только правду.

Тараска говорил все это в стенку палатки,

но сам косил глаза назад, туда, где сидели ребята.

— Может, хватит тарыхтеть? — Рослый пионер Ярослав Несметнов поднял голову от шахматной доски, на которой он только что дал мат своему партнеру.

— Вы же сами не даете сказать, — взмолился Тараска. — Так вот имейте в виду, у нас будет жить принц. Из Джунгахоры.

Тут и те, кто только что лениво посмотрели на Тараску, отвернулись.

— Силен! А короля не ожидают?

— Нет, батька его, король, уже давно помер. Я у Юры вожатого спросил. А королем у них царствует брат старший. А он сам еще принц пока наследный.

— Ишь ты, наследный, где же это он наследил?

Ярка Несметнов тем временем снова ставил шахматные фигуры на доске, готовясь к следующей партии. Кто-то из читавших на пороге палатки, оторвавшись от книги, с насмешливым недоумением поглядел на Тараску. Вообще особенного шума, грома, тарарамы не получилось. Если бы Тараска сообщила, что приехал младший брат знаменитого вратаря Льва Яшина, ожидаемый в лагере уже не первый год, хотя кое-кто из маловеров уверял, будто у Яшина вообще нет брата, — вот тогда бы успех сообщения был куда больше.

— Ну и что с того, что принц, — охладил Тараску Слава Несметнов, — ну и пусть поживет себе на здоровье. Жалко что ли? У них там небось насчет пионерлагерей не очень-то.

— Цаца какая, принц, что с того, — поддерживал его партнер.

— А он что ли виноват, если принцем родился? — упрямылся Тараска.

— Мог бы отречься в конце концов, если он сам против монархизма.

Тут уж Тараска, который почему-то решил заранее взять принца под свою защиту, возмутился:

— Откуда ты знаешь? Дай срок, может быть, он отречется, когда ему заступать надо будет на этот... как его... трон, что ли. Ну, в общем, на престол.

Мальчик, читавший на пороге палатки книжку, поглядел на всех внимательно:

— Ребята, а где эта самая Джунгахора, между прочим — в Африке или в Австралии?

— Заехал, ау! — осадил его Несметнов. — На обратном пути не заблудись.

Но тот встал, потянулся.

— Я все-таки в библиотеку сгоняю — там справочник есть по всем странам, с фестиваля еще остался. Так и называется — «Коротко о странах».

— Правильно, — сказал Ярослав Несметнов, не отрываясь от доски, — коротко и ясно. Между прочим, — проговорил он, обращаясь уже к своему партнеру, — не знаю, как принц, а королеву твою я ем.

Не слишком восторженно отнеслись к сообщению Тараски и девочки. Они сидели на крыльце большой белой дачи. Кто вязал, кто читал, кто раскладывал на ступеньках коллекцию камешков, собранных на пляже.

— Девочки, — сказал Тараска вкрадчиво и многозначительно, — должен вас проинформировать. Только тихо, без визга, пожалуйста. — Он заранее зажал уши ладонями и только потом сообщил новость о предстоящем приезде принца.

Но никакого визга не последовало. Тарарамы не получилось и тут. Тараска даже отнял ладони от ушей и с удивлением поглядел на девочек.

— Ври! — сказала сама рослая из них. Все звали ее Тонидой, хотя на самом деле имя ее было Антонида. Тоня Пашухина приехала из детского дома, расположенного неподалеку от волжского города Горького. Ее премировали поездкой в «Спартак» за очень хорошую общественную работу. Она придумала в детдоме и школе «пункт неотложной товарищеской помощи». Туда поступали немедленные сообщения о всяческих обидах, неприятностях и разных трудных делах, без которых, как известно, не обходится жизнь ребят. И комитет «Скорой помощи» сейчас же брался за работу, чтобы не дать человека в обиду, чтобы поправить поскорей его дела. Стройнюшкая, точная и ловкая в каждом движении, строгобровая, с несколько медлительным взглядом из-под длинных ресниц, говорившая негромко и веско с упором по-волжски на «о», Тонида сразу же завоевала авторитет среди лагерных девочек. Они считали ее самой справедливой, но чуточку побаивались, так как она не любила девчачьих нежностей, и если кто из подружек с визгом бросался к ней на шею после того, как она показывала какой-нибудь физкультурный фокус в море, сразу слышалось: «Отлипни. Не мусолься...» И Тонида сурово высвобождалась из объятий подруг.

Мальчишки предпочитали уважать ее издали, так как уже после первой же попытки подразнить ее почувствовали на себе крепость ее характера и кулаков. А она на зависть всем плавала как дельфин, лучше всех умела «печь блины» брошенным вскользь по поверхности моря камешком. А однажды на спор с мальчишками прыгнула в Лягушачьей бухте с высокой скалы прямо в воду под визг подруг и восхищенный свист палаточников. После этого

у нее был, правда, не очень приятный разговор с директором.

— Так у нас, дева прекрасная, не пойдет, — сказал ей тогда Михаил Борисович, — если тебе своей жизни не жалко, то моей посочувствуй. Я за тебя в ответе. И у меня тут не альпинистский лагерь и эти самые скалозубы, тьфу... шут меня взял!.. эти самые скалолазы, то есть, тут мне ни к чему. Свернешь шею, разобьешься, что тогда?

— Ну и что с того? — отвечала ему на это Тонида. Она говорила низким грудным голосом, упрямо окая. — Ну и что с того, — сказала директору Тонида, — кого это больно-то касается? Кому я уж очень надобна?

И тогда директор вышел из-за своего стола, посадил Тониду в большое кресло, сам сел перед ней, взял осторожно ее руки в свои сильные большие ладони, сложенные вместе.

— Нехорошо... Нехорошо говоришь. Не то. И рассуждаешь неумно. Знаю я твою историю, знаю, что выросла ты без родительской ласки. Не одной тебе досталось это. Через трудное время народ у нас прошел. Много отцов, матерей война отняла...

— У меня не война, — сказала Тонида.

— Знаю. Знаю, дорогая ты моя, что у тебя отца с матерью отняло. Но разыскали их следы и фамилию узнали, и их фамилию ты носишь. И с честью носишь, насколько мне известно. А разве нет у тебя подруг, товарищей? Что это за разговор такой, Пашухина, «не очень надобна»? Как тебе не совестно. От тебя это зависит все — будешь ли ты нужна людям или так, для себя жить будешь. А я ведь про все хорошие затеи у вас там под Горьким слышал и в «Пионерке» про тебя читал и запомнил. Фамилию твою в списке смены прочел, когда ты приехала, обрадовался. Вот, думаю, сама Антонида Пашухина к нам пожаловала. А ты дуришь. Что же ты сама себя так мало уважаешь, лезешь куда не надо, на глупый риск? Честное слово, не дело это, Тоня. Не надо так...

Звали ее в лагере Тонидой-Торпедой или Тонькой-Боеголовкой, потому что девчонки послушно следовали за ней, ощущая в своей атаманше Боеголовке какую-то справедливую, хотя иной раз грубоватую властность. Сейчас она глядела на Тараску из-под своих густых, почти сросшихся на переносице, бровей, всегда придававших ей непреклонный вид.

— Подумаешь, принц! — проговорила она и, сняв с макушки полукруглую гребенку, провела ею по волосам со лба назад, словно забрало шлема откинула. Большие серые глаза с вызовом и неудовольствием оглядели Тараску, который даже поежился от этого взгляда

и пожалел, что явился к девчонкам. — Мне-то что от того? — продолжала Тонида. — Можешь передать твоему принцу, когда он приедет, что мы к нему в подданные покуда что записываться не собираемся.

— Докатились в общем, — сказала одна из самых ехидных девчонок лагеря Зюзя Махлакова, — скоро уже царей в пионерлагери принимать начнут.

— А я думала, — сказала другая девочка, — что вообще уже принцев нигде нет. Ну, король еще кое-где остались, доживают свое, но уж принцы на что надеются? Смешно прямо.

— Да, нашел чем порадовать, действительно, — хихикнула Зюзя Махлакова. — Вот если бы Баталов приехал! — Она мечтательно зажмурилась. — Я бы с ним снялась и подписать его попросила автограф. У меня уже три Баталова есть, но все без подписи, и Стриженовых четыре. А Рыбникова только половинка, мы с Сонькой Пушкаревой пополам поделили.

— Но вообще-то, девочки, все-таки интересно, что принц, — робко подала голос маленькая пионерка, разбиравшая камешки у себя на коленях.

— Подумаешь, не видали мы!

— А между прочим, где это ты принцев навидалась?

— О, сколько раз... Например, в «Золушке», как он с модельной туфелькой носился. Хорошенькая такая, лодочкой, без задника на золотой шпилечке, ну не больше чем тридцать первый номер. Всем примерял на ногу.

— Дурында ты. Это же не в театре будет, а на самом деле.

— Ну и что ж такого?

Тонида грозно оглядела своих подружек.

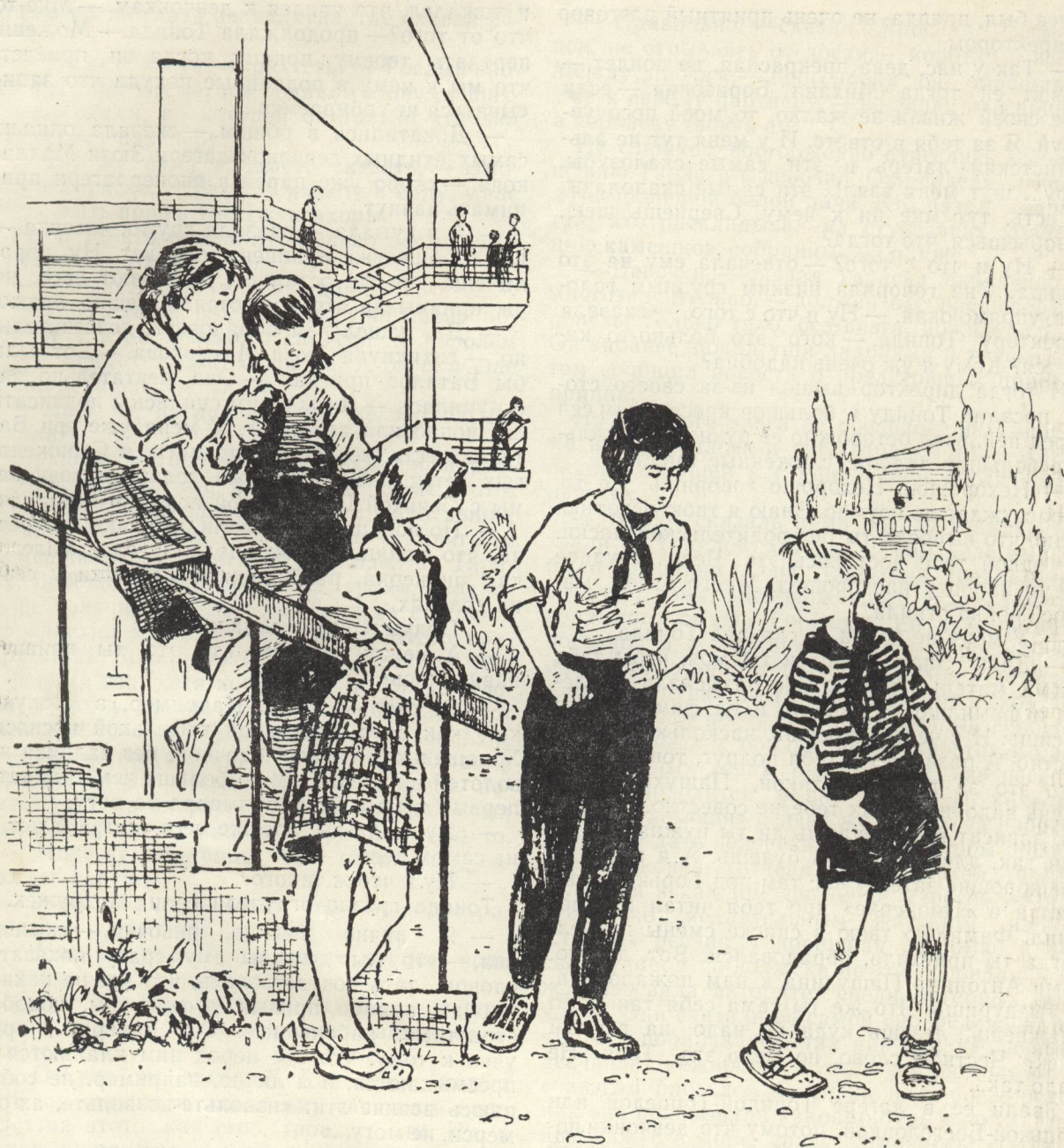
— Я лично считаю, девочки, — сказала она, — что мы должны ему сразу показать, словом, дать почувствовать, что мы не какие-нибудь, как он привык у себя там, подобострастные, раболепные. Он, наверно, приучен к тому, что все перед ним кланяются и пресмыкаются, а я лично, например, не собираюсь всякие эти: «извольте-позвольте, ах-ох, мерси, не могу...»

— Вон у Маруськи Серебровской отец главный маршал самых важных войск и то она не важничает, — сказала Зюзя.

Тараска не выдержал.

— Знаю я вашего брата, девчонок. Это вы сейчас так на идейность жмете, а как увидите, так сразу: «Ах, какая душечка, ах, какой симпатиченький. Распишитесь на память. Разрешите сняться с вами вместе...»

Тонида неспешно поднялась со ступеньки крыльца, на которой она сидела.

— А ну-кошь,— медленно проговорила она,— окоротись, пока не поздно. Послушали тебя, и спасибо скажи. Стартуй отсюда живо, а то получишь еще для придания дополнительной скорости. Слышь, мотай отсюда полным ходом!

Вернувшись к себе в палатку, Тараска застал там ребят, сгрудившихся над фестивальным справочником «Коротко о странах». Ярка Несметнов читал вслух:

— «Джунгахора... Площадь 194 тысячи квадратных километров. Население — свыше 5 миллионов. Столица — город Хайраджамба, славящаяся знаменитым королевским дворцом Джайгаданг, построенным еще в древности руками народных зодчих. Джунгахора расположена в обширной плодородной долине, примыкающей к океанскому побережью и окаймленной с северо-запада высокими горами, ограждающими страну от северных вет-

ров. Склоны гор покрыты дремучими лесами с ценными породами деревьев (тиковые, лаковые). В долине огромные заросли кокосовых пальм. Основа экономики страны — сельское хозяйство. Производится много риса, а также каучука... Джунгахора — конституционная монархия, глава государства — король. Для решения наиболее важных вопросов король созывает, кроме парламента, совещание представителей племен и других знатных лиц страны — великий Джургай. Партии, профсоюзы и другие общественные организации отсутствуют».

— Ничего себе распорядились, — сказал Нешметнов и продолжал:

«...в стране развита широкая добыча жемчуга, являющегося одной из основных статей экспорта. Значительные позиции в экономике страны принадлежат иностранному капиталу...»

Потом раскрыли принесенный из библиотеки атлас мира и, стучаясь лбами, отжимая плечами друг друга, долго вглядывались в карту далекой и жаркой страны Джунгахоры, откуда ехал в пионерлагерь «Спартак» наследный принц.

ГЛАВА IV

Два бывших пионера и один будущий король

— Нет, надо же! — Михаил Борисович качает головой и весело смотрит на собеседника.

— Да, дела, братец, не говори... Лучше не придумайшь. — Все это произносится уже, должно быть, десятый раз.

Дело в том, что принца привез в лагерь «Спартак» посол СССР в Джунгахоре, Павел Андреевич Щедринцев — старый школьный, а потом фронтовой товарищ директора лагеря. И вот пока принц принимает под наблюдением вожатого Георгия Андреевича, или, как его почему-то зовут, Юры, душ с дороги, старые товарищи сидят в креслах, не сводя друг с друга глаз, и нет-нет, да и оглядевшись, проверив, что никто не суется в дверь, привставая, бьют с размаху друг друга кулаками то в грудь, то в плечо. Оба они коренастые, осанистые здоровяки. Посол, видно, начал уже немного расплываться, тучнеть, а директор «Спартака» еще и вовсе стройный, смуглый от загара. Снова и снова, еще и еще разглядывают они друг друга с одобрением, радуясь встрече.

— Нет, ты еще куда ни шло — королем смотришь! — говорит посол.

— Ну, тебе насчет королей виднее...

— Нет, правда, ты еще хоть куда! Только вот белобрысым становишься, а был как смоль.

— Ну, тебе седина не грозит, ты ее плешью опережаешь заблаговременно.

И оба хохочут. Посол подмигивает.

— А Марфушу помнишь? Вы все вдвоем с ней пели: «Позарастали стежки-дорожки».

Директор смотрит укоризненно на него, потом смущенно на дверь, хорошо ли прикрыта.

— Еще бы не помнить. Только я-то свое отпел, а она вот, брат, заслуженная, в Академическом поет, слышал?

— Не забыл, значит... Следишь.

— Погоди, — перебивает его Михаил Борисович, — хотел бы я на тебя, господин посол чрезвычайный, хоть разок во фраке посмотреть, интересно.

— Ничего интересного, фрак как фрак, прозодержка наша дипломатическая. Мне вот любопытнее было бы поглядеть, как ты тут в няньках ходишь, дядя-начальник, главновоспитывающий. Как это ты на педагогическую стезю ступил?

— Да ты знаешь, Павел Андреевич, ребят я всегда любил, помнишь, еще в партизанском отряде на Брянщине они за мной так и ходили следом. Своих... ты знаешь... под Смоленском потерял. Так и сгнули... Новых уже не заводил. Вот и двинул по этой линии. Я как понимаю дело? Вопрос воспитания это что такое? Это значит помочь человеку, чтобы он вырос по-хорошему счастливым. Ну, конечно, сначала надо помочь понять, что такое счастье настоящее. Им, ребятам, на нас, взрослых, чихать, когда мы с ними постоянно рядом. Вот когда нас нет, тогда они тосковать начинают, знаешь как... Очень им, понимаешь, нужно взрослое участие, эдакое постоянное внимание старших. Вот тут девчонка сейчас у меня из детдома. Отца с матерью даже в глаза никогда не видела, а интерес к ним острый, повышенный. Я с ней несколько раз беседовал. Угловатая трудная девчонка. Я всю историю ее узнал, с детдомом списался горьковским. Подкидышем считалась, пока люди добрые не уточнили все и вернули девочке фамилию родительскую и гордость за отца с матерью. И как ей, чувствую, важно, чтобы с ней толком взрослые говорили. Ну ладно, это я отвлекся... Ты давай, познакомь меня поближе с этим самым твоим престолонаслед-

ником, расскажи, как ты с ним в пути управлялся? Ничего?

— Нормально. Обвыкается. Сперва требовал, чтобы я ему штаны утром подавал, потом сам стал брать, ждал только, пока я на него натяну. Но и с этим свыкся. Он мальчонка хороший. Конечно, калечили его с пеленок, но материал в нем добротный.

— Погоди! Ты, мне, будь друг, расскажи все подробно.

За стеной слышался плеск в ванне, голос вожатого Юры и веселые вскрики купавшегося принца.

— Так вот, — сказал посол, — я тебе сейчас небольшую популярную лекцию прочту. Джунгахора — это как ты, вероятно, слышал...

— Грамотный, газеты читаю, между прочим.

— В газетах не все пишут. Там, понимаешь, обстановка весьма сложная. Король у них славный малый — Джутанг Сурамбияр, но мягковат. Как говорится, не властелин, а пластилин. Кто ко двору ближе пробьется, тот и лепит из него, что хочет. Так сказать, царь Федор в постановке МХАТа. В правительственных кругах там разнбой. Понимаешь, у них американский капитал и бельгийцы хозяйничают. Народ их всех — ну, в общем, империалистов-колонизаторов, называет мерихьянго. И с ними заодно был прежний король Шардайях Сурамбон. Ну, это был совершенно бессердечный свирепый тиран, страхолюдина. Он и жену свою заморил, сослал. Так что принц этот, его, между прочим, запомни — зовут Дэлихьяр Сурамбук, рос без матери. Бабушка его воспитывала, учти — русская. Когда-то наследный принц Джунгахоры учился у нас в Петербурге в царском лицее, влюбился там в одну гимназисточку, и стала она невестой джунгахорского короля, а потом и законной королевой. Замечательная была, как передают, женщина. Тосковала всю жизнь очень по России, и внука научила говорить немного порусски. Так что этот Дэлихьяр, в общем, вполне прилично болтает по-нашему и даже русскую песню мне пел, которой бабушка его научила: «Гай да тройка, снег пушистый...» Представляешь? А снега-то он, конечно, и в глаза не видел. Собственно, его и вырастила-то бабушка. Бабашура, как ее принц величал. Александрой покойницу звали... Сперва-то ведь он наследным принцем не считался. Престол был уготован старшему брату Джутангу, нынешнему королю. Ну, а на младшенького, на Дэлихьяра, особого внимания при дворе не обращали. А после смерти бабушки оказался мальчишка фактически предоставленным сам себе. Брату-королю заниматься воспитанием

его некогда. Однако и колонизаторам, мерихьянго, поручить дело, как они того ни домогаются, король не желает, опасается, что восстановят они против него. И заговорил он как-то со мной на эту тему. Я тогда и предложил: «Ваше величество, — говорю, — а что, — говорю, — если его высочеству погостить у нас, среди пионеров, в самом обыкновенном пионерском лагере? Опыт у нас, — говорю, — по этой части уже есть. Жили у нас в международном лагере нашем «Артеке» принцы и принцессы из дружественных нам стран и были, как будто, весьма довольны. Но для его высочества я рекомендовал бы самый обыкновенный лагерь. Есть у меня на примете такой», — говорю...

— Да, — пробормотал директор, — удружил ты мне по старому знакомству. Спасибо тебе.

— Чудак человек, я же недаром именно твой лагерь порекомендовал, знал, с кем дело принц иметь будет. Так что уж не подведи.

— Что я с твоим принцем делать буду, скажи ты мне? — взмолился директор.

— Не больше, чем с другими твоими питомцами. Ну, конечно, кое-что учесть придется, посчитаться с чем надо, проследить, чтобы обстановка была вокруг соответствующая. Но никаких особых условий прошу не создавать. Я так и с королем договорился. Пусть, дескать, малый среди нормальных мальчишек потолкается. Король-то к нам относится вполне заинтересованно, мы ведь там, как ты знаешь, строим гидростанцию, каскад Шардабай. Это первая ГЭС будет в Джунгахоре. Ну, эти самые мерихьянго, разумеется, точат зубы на наши связи, то и дело всякие подлые заговоры раскрываются. Вообще, в стране не очень спокойно. Я ведь у них там первый советский посол, до меня не было. Можешь себе представить, когда меня торжественно встречали, так почетный караул на аэродроме, вместо нашего гимна, как ты думаешь, что сыграл? «Боже, царя храни». Представляешь себе! Это они считали нашим гимном. Скандал был потом. Капельмейстера в яму бросили, еле я его оттуда выхлопотал у короля. Кое-как простили его, и он, понимаешь, ночью привел весь свой придворный оркестр, и у меня под окном стали «Катюшу» играть и «Очи черные». Всю ночь напролет дудели.

Посол замолк и прислушался к звукам, доносившимся из ванны.

— Что-то долго они там возятся?.. Ну, я пока доскажу. Так вот, в стране вообще-то неспокойно. Король, человек болезненный, считает себя недолговечным. Он холост, так что единственный наследник престола, этот вот самый принц, который сейчас там плещется в ванной у тебя. Между прочим, король мечта-

ет, что принц осенью поступит в одно из наших Суворовских училищ. На этот счет уже переговоры ведутся.

В дверь кабинета постучали снаружи и старший вожатый Юра ввел к директору лагеря принца. Борис Михайлович еще раз оглядел приезжего. Принц был глазастенький, смуглый. Ноздри маленького, чуть приплюснутого носа, казалось, туго растянуты в разные стороны выпуклыми скулами. На подбородке была продолговатая ложбинка посредине, как у абрикоса. От широкой переносицы чуть наискось к вискам поднялись очень подвижные брови, которыми принц старался придать своему лицу выражение высокомерное и безразличное.

— Ну, королевич, отмылся с дороги? — спросил директор.

— Умылся, у-это, хорошо, — отвечал чуточку в нос принц, застегивая пуговичку и поправляя видневшийся на груди, под расстегнутым воротом, медальон с перламутровым слоном, державшим в хоботе огромную жемчужину.

Принц смотрел на директора без любопытства, хотя брови его подрагивали концами у аккуратно подстриженных висков. Он поправил пальцами волосы, топорщившиеся на макушке и свисавшие челкой на лоб. Директор привычным глазом осмотрел царственного новичка и подумав, что мальчишка-то в общем, хоть и пыжится, но ничего, лучше, чем можно было предполагать.

— Долго, однако, тебя кипятили, — пошутил директор, — я уж думал, из тебя суп варят.

— У-это, ничего, — милостиво сказал принц, — потом я пойду, у-это, скорее в море.

— Пока поместим на первую дачу возле дежурки старшего вожатого. Я думаю так, Юра, лучше будет, поближе к тебе. Поживет, осмотрится, пообвыкнет, тогда решим, куда и как. Ясно?

— Только вы ему, Михаил Борисович, скажите, что обмахивать я его не обязан.

— Как это обмахивать?

— А он, как ему жарко стало, так велел опахалом на него махать... Ну, вентилятор я ему еще включу, а этим самым опахалоносцем быть при нем не собираюсь. Я все-таки, извините, старший вожатый, а не придворный махальщик.

Посол сказал что-то принцу по-джунгахорски и тот, это было видно даже под смуглой кожей, покраснел, но ничего не ответил, только брови на миг потеснили просторную и выпуклую переносицу.

— Ну пойди, представь его, познакомь с ребятами.

— Пускай, у-это, сами будут представляться. — Принц вдруг выпятил маленькую пухлую губу и откинул голову назад. — И почему флага, у-это, нет?

— Потому что визит ваш неофициальный, — объяснил посол. — Я же объяснял вам и вы, ваше высочество, должны это понять, запомнить.

— Да, это ты, друг, брось, оставь, — сказал директор. — Давай условимся. Тут все ровни, все сами хозяева. Каждый тоже наследник не хуже тебя. Это их все отцы наработали, вот все это, — и он обвел рукой парк, дачи на берегу за окном, — а ты пока что у нас гость. Покажешь себя как надо, сам будешь тоже свой среди своих. Порядок? Тебя вот посол обязан называть ваше высочество, а для остальных ты просто друг наш Дэлихьяр, сосед и товарищ по лагерю пионерскому. И нос не задирай, а то разом прищемят, предупреждаю. Дружи, живи, радуйся. Так-то вот. — И директор энергично и добродушно пожал своей большой рукой маленькую гибкую руку принца.

Когда вожатый Юра вывел принца из кабинета, посол поднялся.

— Ну, надеюсь, все будет, как надо. А мне собираться пора.

Директор вздохнул.

— Так ни о чем толком и не поговорили.

— Да. Дела все...

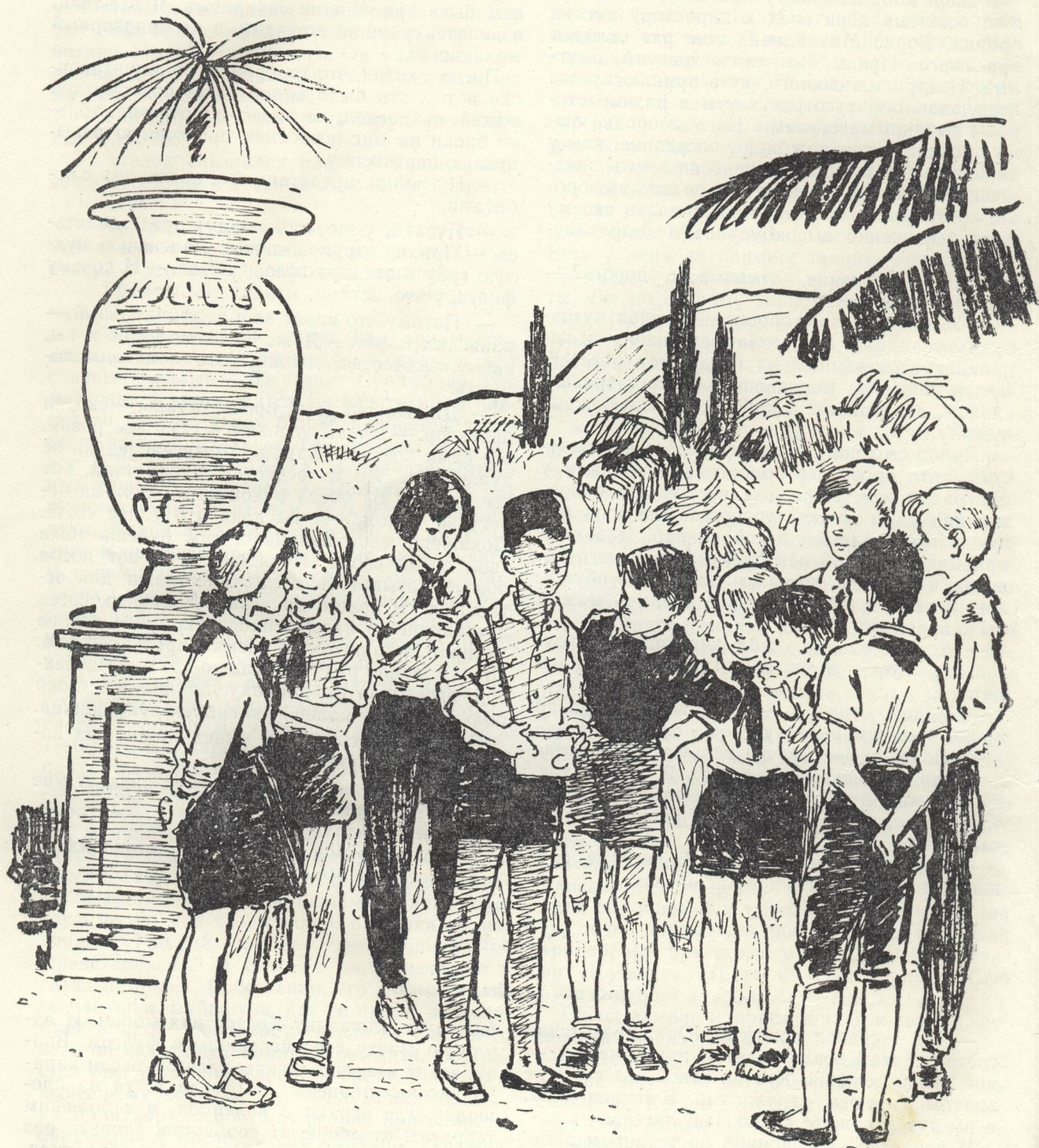
ГЛАВА V

Флаги, гербы, слоны

— Ну, — сказал вожатый Юра, представив гостя ребятам возле палатки номер четыре, — вот вам новенький. Кто он такой, вы все уже знаете. Надеюсь, сдружитесь. Я пошел пока, а вы тут покажите гостю наш лагерь.

И ребята повели принца по тенистым аллеям лагерного парка. Показали приезжему

большую Площадку Костра над морем. И лагерную мачту с развевавшимся флагом. Внизу, возле нее, под легким навесом несли караул часовые-пионеры. И отвели гостя на площадку, где играют в волейбол, и к большим террасам столовой. И сообщили, сколько раз в неделю бывает кино в лагере, и объяснили,

когда и какие сигналы играют. Принц слушал все очень внимательно и, видно, все хорошо понимал, лишь изредка переспрашивал: «У-это, как?» И тогда все наперебой старались разъяснить ему.

Потом с интересом разглядывали амулет на груди у принца — перламутрового слоника на золотом солнечном диске с жемчужиной-луной в поднятом хоботе.

Спустились к парадной баллюстраде над морем. Волны внизу мерно накатывались на пляж, осаживались, уходили, сипя, в песок, шуршали галькой, отползали в море и снова брались за свое. Горизонт был чистым, тонко очерченным в безоблачном небе, и где-то по самой кромке его шел и дымил корабль. Потом он пропал. Принц долго смотрел в ту точку горизонта, пока не скрылся дым. И ребята молчали, понимая, что гость думает о своей далекой, ужасно далекой стране, расположенной где-то на другом конце света. Молчание нарушил маленький Ростик Макарычев, сын бухгалтера. Он все время следовал за ребятами в некотором отдалении. Ему уже давно не терпелось заговорить с принцем, но он не решался. И вот сейчас, воспользовавшись молчанием, он, наконец, подобрался к Дэлихьяру.

— Правда, что ты принц?

Тот кивнул утвердительно.

— Ловко! — воскликнул Ростик.

— А ну, кувыркайся отсюда! — зашипел Тараска. Он считал, что неудобно так сразу и в лоб задавать высокому гостю такие прямолинейные вопросы. Но Ростик не унимался.

— А принцем быть интересно?

Принц только плечами пожал и неловко улыбнулся.

— А как по-твоему, — сказал Ростик Ярославу Несметнову, — ты бы сам захотел?

— Ы-м! — отрицательно промычал Ростик, — дразнятся все, наверно, на улице.

После этого Несметнов взял Ростика решительно за руку, отвел его за куст, наподдал ему так, легонько, куда надо коленкой и потурил, пригрозив на прощание кулаком. Потом Ярослав вернулся к баллюстраде.

Забегая вперед, скажу, что с той минуты Ростик, по крайней мере один раз в день, где-нибудь подкарауливал Дэлихьяра, чтобы задать ему очередной вопрос.

То он встречал его у столовой и тихонько хихикал:

— А я знаю, ты принц, гы...

В другой раз поджидал его у выхода на пляж, некоторое время шел рядом молча, а потом тихо спрашивал:

— Ты, когда будешь большим, кем станешь? Королем? Да? Ты в короне будешь ходить?

Или:

— А короли все против нас и за войну? Или есть за мир?

И еще через день:

— А муравьеды у вас есть?

Но сейчас на баллюстраде шел общий хороший разговор. Тут обоим сторонам важно было не спазовать друг перед другом. Никому не хотелось ударить лицом в грязь. Сначала, надо сказать, перевес был на стороне принца. Он извлек из маленького кожаного футляра крохотный транзистор, и разноязычная болтовня международного эфира полилась из аппарата размером не больше чем фотоаппарат. Зазвучала музыка и донеслась далекая песня. Правда, на Джунгахору настроиться не удалось. Видно, уж больно далека была страна принца.

Но этого было мало. Принц размотал тоненький белый провод и подключил его к приемнику. На концах провода были маленькие капсулы — наушники. С одним из них, натягивая провод, принц ушел за кусты густо росшего здесь лавра, а Тараске велел вставить в ухо капсулу на другом проводе, включенном в приемник. И Тараска услышал тихий голос Дэлихьяра, который прятался за кустами. Так что этот транзистор мог, оказывается, работать и как телефон. Это было здорово! Такого аппарата ребята еще никогда не видели.

Тогда, чтобы принц не очень уж заносился, бледноватый и вялый Гелик Пафнулин, снискавший уже кличку графа Нулина, никак не загоравший сынок директора комбината бытового обслуживания, считавшегося, по словам Гелика, крупным начальником, вдруг сказал:

— Ну и что же! А у моего папы есть персональная и даже личная собственная машина «Волга», спецборки, с хромировкой вокруг. Вся облицовка такая. Автомашина, понял?

На принца это, конечно, не произвело никакого впечатления. Он снисходительно посмотрел на Гелика, двинул бровями и сказал:

— А у меня есть свой слон.

Все только и успели закрыть рты, чтобы не ахнуть.

— Собственный, индивидуальный? — спросил Тараска, оправившись от изумления.

— Как это? — не понял принц. — Мне, у-это, брат подарил, король.

— И большой мощности слон? — поинтересовался Несметнов.

— Большой. Белый. Зовут Бунджи. Я ему говорю, у-это: «Бунджи, Бунджи». И он, у-это, сразу идет ко мне и делает так хобот. И я к нему, у-это, сажаюсь и он, у-это, меня — хоп. И я на нем еду. Высоко там. Там кабина, где, у-это, спина.

Все долго молчали, совершенно сокрушенные сообщением принца. Свой слон — это, конечно, кое-что. Необходимо было как-то выровнять положение.

— А у вас, значит, все еще царизм? — спросил Тараска.

— У-это, как царизм? — не совсем понял принц.

— Ну, значит, король там правит, капиталисты. А у нас вот, между прочим, скоро уже коммунизм станет.

— У-это, как станет?

— Ну, значит, каждый будет работать, сколько он может, в силах, а получать, сколько надо.

Принц радостно закивал головой:

— У-это, у меня уже есть, у-это коммунизм. Чего умеи — делай, чего не умеи — не делай. Сколько, у-это, хочу — давай-давай.

Ярослав Несметнов посмотрел на него со снисходительной усмешкой.

— Умный ты, а еще принц. Чудило ты заморское, сообразил. Коммунизм для всех, а не для одного.

— А для одного — это и есть типичный царизм, — дополнил Тараска.

Тут из-за куста опять вылез никем не замеченный Ростик. И как он тут оказался, никто не понял. Но Ростик успел просунуться к принцу, и было уже поздно удерживать его.

— А кто главнее, король или царь? — сказал Ростик. Он, собственно, собирался спросить, кто хуже, но у него хватило деликатности смягчить вопрос. Ответа он не успел дожидаться, так как ему пришлось срочно удирать в кусты. Вид у Ярослава Несметнова был достаточно многообещающий.

Решили потолковать о делах, которые вероятно допекают всех ребят на свете, будь они даже принцы.

— Учишься ты где? — спросил Несметнов. — Школа есть при дворце или в общую ходишь?

Принц вздохнул и сказал, что заниматься ему приходится дома, во дворце, уроков задают много и готовить их приходится тоже со специальными учителями — придворными наставниками.

Ребята даже посочувствовали. Нелегкое это дело заниматься с глазу на глаз с учителем одному, а вокруг даже и подсказать некому.

— Да, ребятам еще везде живется не ах, — согласился Тараска.

Гелька Пафнулин незаметно толкнул его локтем в бок и показал глазами на принца.

— У нас-то, положим, — сказал он, — давно уже счастливое детство.

— Счастливое! — Тараска усмехнулся, — больше получаса купаться не дают. Иди ты, знаешь куда!

Гелик обиженно отошел, показывая всем глазами, что Тараска ведет себя нетактично при принце.

А тот заинтересовался:

— Куда ты это его погонял?

— Пусть к лешему свинячему идет, — охотно отозвался Тараска.

— У-это, хорошо. А у нас, когда хотят погонять, скажут: у-это, уходи в дыру желтых муравьев.

— Тоже неплохо, — одобрил Тараска.

Потом принц показал марки, на которых был изображен его брат король Джутанг. И когда ему показали справочник «Коротко о странах», и он увидел там флаг и герб Джунгахоры, то принялся пояснять ребятам, что там изображено. У джунгахорцев, оказывается, есть поверие, что лунные лучи, отраженные в море, рождают жемчуг, и поэтому-то на двухцветном флаге Джунгахоры солнце красовалось посредине алой полосы, луна же была на верхней синем поле. А на нижней синей полосе белела большая раковина с жемчужиной. И принц привел джунгахорскую пословицу: «Солнце светит с высоты всем, луна сопутствует бодрствующим, а жемчуг доступен лишь тем, кто не страшится глубин».

— Крепко завинчено, ловко сказано. Только кто его займет-то может, этот жемчуг? Небось тот, кто и не нырял сроду с головкой, — сурово заметил Несметнов.

Принц тут же объяснил значение герба Джунгахоры, который вышит и у него на рубашке. В большом круге, увенчанном короной, на которой сияло солнце, изображался слон, топтавший ногами и душивший задранными вверх хоботом змей. Принц пояснил, что этот герб выражает девиз: «Один могучий слон добра растопчет сотни ядовитых змей зла». Все с интересом слушали принца, и он видно почувствовал, что завладел общим вниманием. Чтобы окончательно укрепить свой авторитет, он, вдруг хитровато оглядевшись вокруг, доверительно сообщил:

— А я еще, у-это, могу качать брови. Эта — так, эта — так! — И на смуглом круглом личике его брови вдруг заходили быстро: одна — вверх, другая — вниз. Вверх-вниз, поочередно, как чашки весов. Ребята попробовали сделать так, но никто не мог столь ловко управляться со своими бровями. Долго все гримасничали, морщились, шурились. А принц охотно показывал свое искусство, за которое ему дома при дворе не раз крепко влетало.

Словом, ребята уже тихонько говорили друг

другу: «Нет, видно, ничего парень, этот принц. Молоток. Определенно, свой».

Но принцу и этого показалось мало. И вдруг он вынул из красивого, расшитого золотом и украшенного узорами из жемчужин, карманного блокнота фотографию. На ней был снят сам принц Джунгахоры Дэлихьяр Сурамбук, а рядом с ним — кто бы вы думали?! Юрий Гагарин — вот кто. Они были сняты вдвоем на фоне дворца Джайгаданга под сенью кокосовых пальм. Первый космонавт мира обнимал принца за плечи, и на фотографии стояла личная подпись: «На память от Юрия Гагарина».

Тут уж все обомлели вконец. Шутка ли, личный автограф самого Гагарина! А принц пояснил:

— Он у нас был, у-это, гость в Джайгаданг. Мы с ним, у-это, ходили гулять на море.

Как тут было не зауважать принца! У кого еще была фотография Гагарина с личной подписью космонавта?

Положение спас Тараска. Он сумел поддержать репутацию лагеря в глазах принца.

— У меня, между прочим, — неожиданно изрек он, — двоюродный дядька — главный конструктор этих самых космических ракет, если хочешь знать.

Принц не пытался скрыть, что ему очень хочется знать.

— Ой, у-это, очень здорово. Ты меня с ним води. У, у-это, буду тоже, у-это, космомолец.

— Космонавт, — поправил его Несметнов. — Много захотел, это не всякий может.

— Я буду это приказать, когда стану король.

— По королевскому указу пока что не больно в космос летают.

Принц продолжал с явным восхищением смотреть на Тараску, а тот, и без того пухлый, совсем раздулся от гордости. Но когда все двинулись на обед, из-за большого олеандра показалась осанистая, подобранная, как всегда, фигурка Тонида. Пальцем она поманила к себе Тараску.

— Ты чего же раньше не говорил, кто у тебя дядя? — с нескрываемым уважением спросила Тонида. — Я сейчас слышала. Чего молчал?

— Ну, во-первых, ведь троюродный только даже, а не двоюродный, — забормотал Тараска, озираясь по сторонам, — а во-вторых, это же государственная тайна.

— А с чего же ты сейчас раззвонил, если тайна?

— Слушай, Тонида, — совсем тихо сказал Тараска, — ну, чего ты прицепляешься? Я же это нарочно сказал, чтобы этот принц не очень зазнавался. Я, свободно, может быть, даже ему и не наврал нисколько. У моего отца троюродный брат — он мне дядька значит, — так он, правда, какой-то секретный профессор, изобретатель. Почтовый ящик вместо адреса. Кто знает, может быть, он как раз и есть главный конструктор. Он же мне не скажет. Могу я в конце концов так считать про себя.

— Про себя можешь, а других не путай, транзистор, — проговорила Тонида и не очень больно шелкнула Тараску в выпуклый лоб.

Тараска для вида потер место, куда его шелкнула Тонида, ухмыльнулся про себя и побегал догонять ребят, ушедших за принцем.

ГЛАВА VI

Тень, на которую наступили

Произошло это на физкультурной площадке лагеря. Сначала там играли в волейбол. Судила физкультурница Катя — Екатерина Васильевна. Принц свистел и хлопал с товарищами, болея за мальчиков, которые, как ни старались, проигрывали девочкам. Очень уж трудно было принимать мячи, которые как снаряды неслись от сильных ладоней Тонида и прямо-таки вонзались в площадку. В общем, мальчики проиграли и с трудом нашли в себе мужество прокричать физкультпривет победительницам.

Потом Екатерина Васильевна ушла и ребята стали показывать свою ловкость и силу, кто во что горазд. Дэлихьяр понял, что и тут можно отличиться.

У себя во дворце, среди тех немногих детей придворных, которые допускались в Джайгаданг, Дэлихьяр слыл за отличного спортсмена. Он мог прыгнуть дальше всех, он отлично боролся на поясах и опрокидывал самых сильных противников на землю.

Но вот стали сейчас прыгать в длину с разбегу... И не только Тоня Пашухина, лучшая прыгунья лагеря, но и Ярослав Несметнов, и Тараска Бобунов и другие ребята — все врезались пятками во взрыхленный песок далеко за той отметкой, до которой был в силах допрыгнуть Дэлихьяр. Когда же он предложил померяться с Несметновым силой на поясах, буквально через мгновение он оказался прижатым Ярославом к траве.

Страшное подозрение торкнулось в душу бедного принца. Не хотелось верить ему. Но странно, почему он всех побеждал во дворце, а тут оказался вдруг среди слабейших? Правда, никто над ним не смеялся. Все сочли дело вполне естественным. В лагере многие ребята были хорошими спортсменами, — что же тут мудреного, если принцу пришлось спастись перед ними.

Летнее солнце уже садилось за море. Медленно набегавшие на берег волны были оторочены резко прочерченными синими тенями. По песку и газону физкультурной площадки за фигурами носившихся ребят метались длинные и тонкие, как росчерки, вечерние тени. Песчаную полосу, где только что соревновались в прыжках, перерезала узкая длинная тень, тянувшаяся из-под ног принца. В это время уже собравшаяся уходить Тонида, шагнув через площадку, наступила на тень принца. Дэлихьяр мгновенно выпрямился. Тень его на песке стала еще длиннее. Неожиданно повелительным жестом он направил вытянутую руку со строгим торчащим вперед пальцем на Тониду.

— Ты не смей так становиться, где даже солнца нет от меня, — сказал он. — У-это, моя тень. Ты не смей стоять, где моя тень.

Все замолчали в изумлении, ничего сперва не понимая. Тонида, пожав своими прямыми плечами, отошла немного в сторону.

— Такой есть, у-это, закон — не стоять, где тень короля и, у-это, принца, — продолжал Дэлихьяр.

И тогда Тараска ради озорства, нарочно, прыгнул на длинную тень принца, да еще стал пританцовывать на ней, выворачивая пятками песок. Принц ринулся прямоком по своей собственной тени. Мгновенно он оказался вплотную возле Тараски и залепил ему пощечину.

На секунду все застыли в возмущении. Но тут уже Тонида обернулась, шагнула обратно на площадку. Молча схватила она принца за шиворот и прежде, чем тот опомнился, вцепила три крепких и звонких шлепка по тому месту, которое у наследников престола предназначается для трона.

Дэлихьяр вырвался из цепких рук ее. Лицо его, всегда смуглое, свежее, стало дымно-серым. Брови судорожно прыгали, слезы наполнили глаза.

— Шарахунга! — закричал он, потрясая над головой стиснутыми кулаками. Это было, очевидно, какое-то страшное джунгахорское проклятье. — Дочь змеи! Твоя душа — жаба! Я, у-это, буду уговорить брата, у-это, короля... Он вам будет объявлять война, убивать, стре-

лять. — В ярости он сорвался с места и исчез в аллее.

Все были смущены. Как-никак дело было неприятное. Все-таки гость из колониальной страны, к тому же принц. И вот на тебе, в первые же дни...

Тараска опустил руку, которую держал у щеки.

— Зря ты его, Антонида. — Слава Несметнов хмуρο всматривался в аллею, куда убежал принц. — Это уж ты набезобразничала.

— А он не безобразничал? Дает волю рукам, — не унималась Антонида.

— И ты тоже, чего ты на его тень вскочил, раз у них там не полагается, — укорял Тараску Ярослав.

— Им там хорошо на экваторе, — оправдывался Тараска, — солнце прямо над макушкой, тени у них короткие. Вот никто и не наступает...

Пришлось доложить о происшедшем вожатому Юре. Тот очень огорчился и не на шутку встревожился. Сейчас же бросился искать принца. Уже начинало заметно темнеть, когда Юра нашел Дэлихьяра. Тот сидел в одной из плетеных кабинок для переодевания на пляже. И пришлось долго уговаривать его, чтобы он покинул это свое укрытие. На общий ужин принц не пришел. Вожатый Юра принес ему еду в комнату на дачу. Мальчики и Тонида чувствовали себя тоже не в своей тарелке. Все понимали, что дело получилось не очень красивое. Не так надо перевоспитывать принцев.

Дэлихьяр после ужина повалился на кровать, но Юра заставил его встать.

— Сначала разбери, раскрой постель, как я тебя учил, — сказал Юра. — Ты вот, говорят, в Суворовское готовишься, а военных порядков знать не хочешь. Офицер должен сам себе приготовить ночлег, как в походе. Куда же ты годишься, если постелить себе не умеешь, а утром койку не заправишь. Ушел сегодня, не прибрал за собой. Это все не дело. Ну давай, я тебя научу.

— А у-это, бороть всех ты меня будешь учить?

— Всему свой черед. И бороться научу. Такие приемы я знаю — никто не устоит против тебя.

Они стелили постель, а принц, еще всхлипывая, спрашивал:

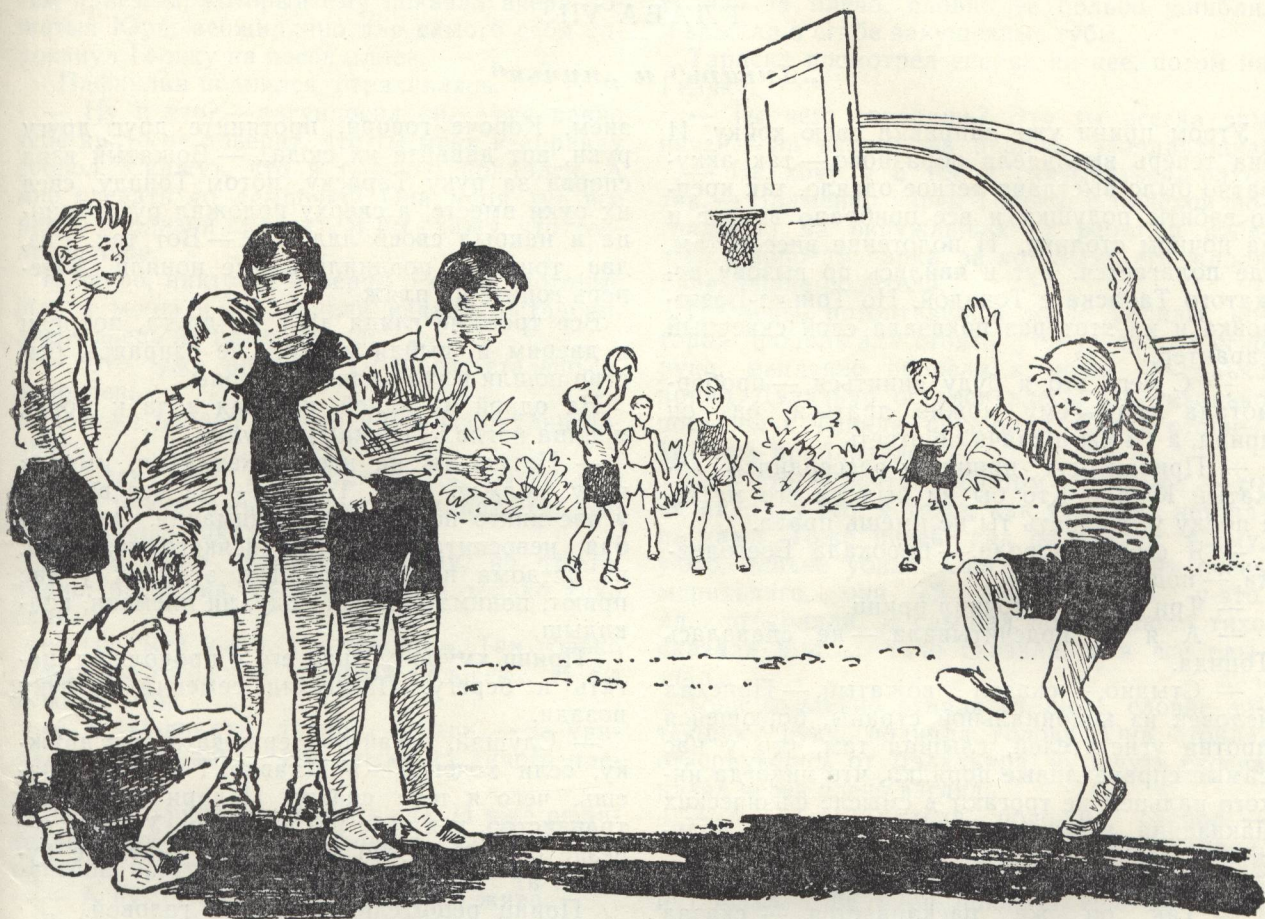
— А почему все меня, у-это, сбороли? Я раньше всех борол, а теперь меня... Может быть, у-это, у вас не так, как у нас, земля притягивает?

— Да не в тяготении, друг, дело. Ты не огорчайся, я тебе правду скажу. Просто, они

все там во дворце у вас поддавались тебе. Ты же принц — их и заставляли прыгать покороче тебя, а как борьба — так ложиться сразу. Вот ты их и борол. Вот тебе и все притяжение, соображаешь?

Принц всхлипнул и кивнул головой. Некоторое время он молча расстилал простыни, подбивал подушки. Потом принц сказал тихо:

евна ждала у ворот служебного корпуса вожакого Юру, который обещал прокатиться с ней вдоль моря на велосипедах по шоссе. Не мог Юра оставить в этот трудный час принца. Дэлихьяр уже лежал и вот-вот готов был заснуть, но все открывал в темноте глаза, находил руку Юры, стискивал ее крепко и спрашивал:

— Бабашура... Я, у-это, бабушку свою так называл, Бабашура меня учила, у-это, играть русские шашки... Там тоже так бывает... Играют, у-это, так, поддамки.

— Только не поддамки, а поддавки, — сказал Юра. — А так правильно говоришь. Они и с тобой в поддавки все играли. А у нас ты тут окрепнешь, натренируешься, совсем другой разговор будет, по чести и совести.

Уже сыграли давно отбой в лагере, и улеглись по-вечернему волны на море. Лишь легкий шорох гальки доносился с пляжа. Но напрасно физкультурница Екатерина Василь-

— А как я, у-это, теперь дальше тут буду?

— И очень просто, — успокаивал его в десятый раз Юра, — подумаешь, большое дело — тень! Вот на горло когда наступают — это паршиво... А завтра соберу я вас всех троих, и Бобунова, и Пашухину вместе с тобой. Друг перед другом извинитесь и конец всему. Все трое виноваты, значит, и упрямитесь тут нечего. Но это, конечно, если ты сам утром койку заправишь.

— Заправлю, — сказал принц. — Я подушку буду бить вот так. — Он сел на кровати,

кулаками поколотил с боков подушки, повернул ее уголки к себе.

— Ладно тебе, — сказал вожатый, — заправлять утром будешь, а сейчас раз постель раскрыта, что полагается?

— У-это, спать.

— Значит, спи.

Физкультурница Екатерина Васильевна до-

ждалась все-таки Юру в этот вечер... Луна еще не зашла и, когда они катили вдвоем, тесно рядом на велосипедах, светила им сперва в лицо, а потом сзади, когда пришло время возвращаться домой. И они ехали — педаль к педали — прямо по своим теням, которые егозили, то сливаясь, то раздваиваясь перед ними на облупленном асфальте шоссе.

ГЛАВА VII

„Дикарь“ и „личья“

Утром принц уже заправил свою койку. И она теперь выглядела образцово — так аккуратно было выстлано легкое одеяло, так крепко взбиты подушки и все прибрано вокруг и на ночном столике. И полотенце висело там, где полагается. Тут и явились по вызову вожатого Тараска с Тонидой. Но Тонька-Боеголовка и на этот раз показала свой скверный характер.

— С чего это я буду виниться, — пробормотала она, — ему можно драться, раз он принц, а ты уж и сдачи не ответь.

— Причем тут принц? — рассердился вожатый Юра. — Кто бы ни был на его месте, а порку устраивать ты не имешь права.

— Я его не порола, — проокала Боеголовка, — поддала разок.

— Три раза, — уточнил принц.

— А я не подсчитывала, — не сдавалась Тонида.

— Стыдно, — сказал вожатый. — Приехал человек из колониальной страны, борющейся против угнетателей, слышал там, что у нас самые справедливые порядки, что никогда никого пальцем не трогают в смысле физических наказаний, а ты бац-бац... Что человек подумает?

— А ему можно Тараску бац-бац?

— Так он же раскаивается, — сказал Юра. — Ты ведь, Дэлихьяр, раскаиваешься?

— А как, у-это, раскаиваешься?

— Ну ты жалеешь, что так получилось нехорошо?

— У-это, нехорошо, — принц отвернулся.

— Ну вот, — сказал вожатый. — Дэлихьяр считает сам, что поступил нехорошо. Значит, он раскаивается. Тараска тоже зря дразнился. Правда, зря?

— Правда, — выдавил из себя Тараска. — Только я пошутил, а не дразнился. Я же ему не на ногу наступил, а на тень только.

— Ну ладно, ладно, — поспешил вожатый Юра, — словом, все ясно. А уж рукоприкладство Пашухиной было совершенным безобра-

зием. Короче говоря, протяните друг другу руки, вот давайте их сюда... — Вожатый взял сперва за руку Тараску, потом Тониду, свел их руки вместе, а сверху положил руку принца и накрыл своей ладонью. — Вот так. Раз, два, три. Все повинились, все поняли. А теперь гоните на пляж.

Все трое, не глядя друг на друга, побрели к дверям и, выйдя из них, не озираясь, быстро пошли в три разные стороны.

На одной из аллей, которая вела к морю, принца нагнал Гелька Пафнулин.

— Плюнь ты на нее, — сказал он, имея в виду, должно быть, Тониду, — на нее вообще у нас никто не обращает внимания. Она грубая, невоспитанная, хуже всякого хулигана, из детдома потому что. Ну, это как у вас приют, понимаешь? Ни роду, ни племени, подкидыш.

Принц хмуро слушал его и продолжал шагать к берегу. Пафнулин семенил чуточку позади.

— Слушай, давай поддерживать друг дружку, если хочешь, — приставал Гелька. — Знаешь, чего я тебе скажу. Подари мне твой транзистор, и я тебе все обеспечу. У меня тут везде свои ходы, со мной беды знать не будешь, а?

Принц решительно замотал головой.

— Что, жалко стало? Тебе же еще из дворца новый пришлют. Эх ты, жадина.

— Я не джадина, — рассердился принц, — ты сам джадина. У-это, так не говори...

— Ну ладно, — примирительно сказал Гелька, — там видно будет. Ты от меня в общем, не отдаляйся, не советую. Тут, знаешь, компания не очень подобралась, я тебе честно скажу. Я бы мог, понимаешь, отдохнуть индивидуально, но маме порекомендовали, чтобы я в коллективе лето провел. Сказали, что коллектив способен воздействовать. Ну и пусть себе воздействует. Тебя ведь, наверное, тоже прислали, чтобы коллектив воздействовал. А ты им не поддавайся, ты плюнь. А хочешь,

так сделаем, ты меня при всех сборешь на обе лопатки? И сразу покажешь себя. Только тогда уж определенно гони мне твой транзистор. Тебе же все равно новый подарят. А ты меня можешь сбороть при всех, пожалуйста.

— А я тебя у-это, и так сборю, — сказал с ненавистью принц и вдруг яростно ринулся на Пафнулина. Ему был уже отвратителен этот хлипкий, гнусавый и неуклюжий мальчишка с заискивающими глазами. Принц кинулся и тем приемом, который ему показал вчера вожатый Юра, неожиданно для самого себя опрокинул Гельку на песок аллеи.

Пафнулин поднялся, отряхиваясь.

— Ну и что? — загундосил он, — все равно тебе никто не поверит, что ты меня взаправду сборол. Скажут, что я нарочно поддался. А мне плевать до лампочки! Они меня тут все равно подлизой дразнят. Я им скажу, что поддался тебе.

И верно, никто не поверил. Ребята, которые шли к морю и все видели издали, остановились теперь на аллее крича:

— Что, уже прилип? Подполз, стелешься, поползень.

Но уже вконец разъяренный Пафнулин зарорал:

— Стану я к нему прилипать, очень мне нужно, подумаешь! К кому прилипать-то? Кокос-абрикос, дикарь!

Принц было рванулся к нему, но что-то, видно, вспомнив, сдержался. Он только тихо сказал:

— Не смей у-это, так говорить. Так только мерихьянго говорят. Плохой человек... И ты тоже плохой.

— А ты дикарь, дикарь, дикарь! — не унимался Пафнулин, — вождишка из дикого племени!

Ребята сгрудились вокруг них. И уже решительно проталкивался вперед Ярослав Несметнов, приговаривая на ходу:

— А ну, Гелька, кончай, кончай живо.

Вдруг откуда-то появилась Тонида.

— Эй-ты, граф Нулин, не больно-то дразнись. Там твои родители приехали на собственной персональной. Так и сказали вахтеру дяде Косте у ворот: «Позовите нашего сыночка, скажите ему, что мы приехали вольным порядком и обосновались тут на денек дикарями». Так что ты-то и есть самый настоящий этот дикарь, природный дикарь.

— А ты, подумаешь, хи!.. принцесса. — Не сдавался Пафнулин.

Тонида двинулась угрожающе на него:

— Уж не знаю, кто я, только вот не дразнюсь и не виновата, что твои папочка с мамочкой сами себя дикарями объявляют.

Гелька решил бить по самому больному.

— Вот именно, что ты «не знаю кто». Слышали? Ловко. Сама сказала. За мной, дикарями не дикарями, а приехали, а за тобой никто не пригонит, потому что ты безродная, подкидыш. Именно «не знаю кто». Ты же ничья.

И вдруг Тонида, всегда готовая отбрызнуть любого обидчика, вспыхнула вся, беспомощно посмотрела на ребят... Одной рукой она схватилась за плечо, словно ее больно ушибли, и зажала в сгибе закушенные губы.

Тараска посмотрел сперва на нее, потом на Гельку.

— Ты чего говоришь? Это ты всегда сам ничей — ни вашим, ни нашим... Поддавашка!

— Не хочу я с тобой связываться, рахитик. — Надменно изрек Гелька, с опаской поглядывая на окружавших их ребят, и побежал к воротам парка, за которыми его ждали приехавшие родители.

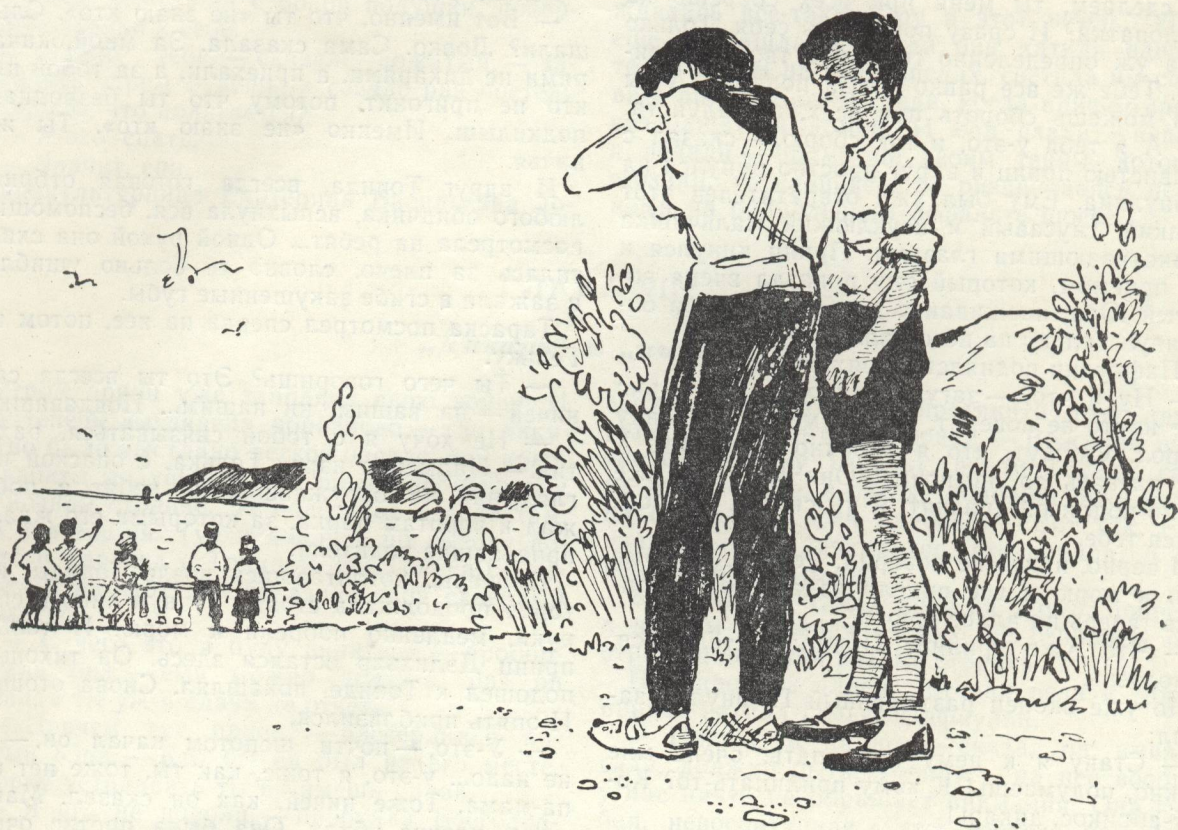
Пионеры, потоптавшись возле Тонида, которая продолжала стоять, уткнув лицо в сгиб руки, медленно побрели к морю. И только принц Дэлихьяр остался здесь. Он тихонько подошел к Тониде, покашлял. Снова отошел. И опять приблизился.

— У-это, — почти шепотом начал он, — ты не надо... у-это, я тоже, как ты, тоже нет папа-мама. Также ничей, как он сказал. Маму, у-это, плохие убили. Она была против очень мерихьянго, они ей давали пить, у-это, яд... отравляли. Я слышал потом, люди тихо сказали у-это,... тихо сказали, а я все слышал...

Тоня медленно отняла от лица, словно затекшую, руку, подняла голову. Она стояла, отвернувшись от Дэлихьяра, чуть-чуть скосив назад через плечо взгляд.

— А я его, правда, положил, сборол, — опять заговорил принц. — Честная правда, клянусь солнцем и луной. Я его сильно так — и поклялся. Мне Юра покажет еще прием, я буду сильный самый... Хочешь, я его бац-бац, если он тебе плохо скажет?

Тонида медленно обернулась и долго смотрела на принца. Длинные брови ее перестали тесниться. И лицо как будто стало доверчиво приоткрываться. Она все смотрела на принца. Вот он, как родился, так уже был тем и знаменит. А она долго даже не знала, где родилась, от кого. А в общем-то они оба оказались чем-то схожими. Как ни странно, а этот смуглый, грустноглазый мальчишка из далекой заморской страны, родившийся во дворце, но тоже почти не знавший, что такое слово и ласка матери, был сейчас чем-то близок и странно родствен ей.

— Ты на меня не серчай, что я тебя вчера так, — сказала она глуховато. — Хочешь, можешь ударить меня. — Она подняла голову и подставила щеку, — только уж, конечно, не потому, что ты принц... — Длинные брови, и без того сходящиеся на переносице, теперь сомкнулись совсем над плотно закрытыми глазами.

— Нет, нет, я, у-это, так не хочу, — пробормотал принц, трясая головой, — так у нас слуга говорит, когда его по щеке... Я так не хочу.

— Ну и ладно, — она вдруг глянула на него весело и по-свойски, — пойдем тогда камешки собирать, может, сердолик найдем или «куриного бога». Пошли, а?

И они побежали к морю.

А между тем долговязая мамаша Гелика уже бушевала в кабинете директора лагеря.

— Вы не находите, что это выглядит по меньшей мере странно? Мой мальчик, советский ребенок, сын человека, занимающего видное место, живет в матерчатой палатке, где все продувается сквозняком, и куда может заползти любая сороконожка вплоть до скор-

пиона... А какой-то принц, иностранец, разумеется, капиталистического происхождения, размещен на даче со всеми удобствами. Действительно, как говорится, в царских условиях.

Директор пытался урезонить ее.

— Должен вам сказать, уважаемая, что мы стараемся для всех ребят создать, как вы выражаетесь, царские условия. Но здоровые мальчишки предпочитают жить по-лагерному, по-походному у моря, чтобы оно у них под самой подушкой шумело, чтобы волны в полог стучали. Ну, а в дачах мы размещаем менее закаленных, более слабых. Впрочем, как желаете... Можно и вашего сынка устроить. Вы не обижайтесь, но должен вам сказать, что сынок ваш в тысячу раз больше принц, чем этот самый Дэлихьяр из Джунгхоры.

— Да, — невозмутимо отвечала мамаша Гелика, — мы не скрываем, что стремимся дать нашему сыну воспитание на высшем уровне.

Гелика Пафнулина, хотя он уже был и сам этому не рад, перевели из береговой палатки, в которой обитали Слава Несметнов, Тараска Бобунов и другие их приятели, на дачу, пред-

назначенную, как выражались мальчишки, для слабачков.

Узнав об этом, принц на другой же день стал требовать от Юры, а потом и от директора, чтобы его непременно перевели на освободившееся место в палатку номер четыре к Тараске и Несметнову.

Посоветовавшись с вожатым, директор в конце концов согласился.

— Ладно, пусть живет с товарищами, он парень, видно, подходящий. Они его там закалят, как надо. Только ты, Юра, все-таки предварительно потолкуй с ними. И, конечно, с врачом вопрос согласуй.

Получив согласие врача, вожатый Юра явился в палатку номер четыре перед тем, как туда перевели принца.

— Вы все-таки поаккуратнее с ним, потактичней. Он приучен к определенному обхождению. Придворные церемонии соблюдать, конечно, никто вас не заставляет, ну, а так сказать, считаться все-таки не мешает. Понятно?

— Все понятно, — хором отвечали ребята.

Никакой церемонии перехода в палатку не проводили. Только Тараска, посоветовавшись с Юрой вожатым, попросил девочек вышить флаг Джунгахоры. Долго упрашивать не пришлось. Тоня охотно вышила флаг и герб страны Джунгахоры. И у входа в палатку номер четыре повесили пионерский вымпел, а рядом с ним — джунгахорский флаг. Так принц Дэлихьяр стал жить на берегу в палатке номер четыре. Не буду скрывать, что флаг-то флагом, а в первую же ночь принцу все-таки была устроена некоторая проверка. Ему подложили в постель дохлую лягушку, и когда принц стал разбирать кровать на ночь, все в палатке замерли, ожидая, что сейчас произойдет, как будет себя вести принц в этих каверзных условиях и что ему полагается сделать в таком случае по дворцовому этикету.

Дэлихьяр, напевая свою любимую песенку, которую он запомнил со слов бабушки — «гай да тройка, снег пуджистый», сноровисто, желая показать ребятам свое уменье, готовил себе койку. И вдруг замолк.

Все остановилось в палатке номер четыре.

— О! — воскликнул Дэлихьяр, — бедный, у-это, уже не живой... У нас в Джунгахоре мы их кушать, соус банан. Нет, у-это, не такой

породы. — Он взял двумя пальцами за лапки лягушку, внимательно осмотрел ее, покачал головой, подошел к выходу из палатки, откинул полог и выбросил лягушку вон.

Едва не опрокинув Дэлихьяра, из палатки пулей вылетел Славка Несметнов. Его тошнило...

Через два-три дня вожатый Юра спросил Тараску:

— Как у вас там принц, освоился? Не очень вы его?

— О, полный порядок, — затараторил Тараска, — в обстановке полного взаимопонимания, мир и дружба, фройндшафт, бхай-бхай!

Не прошло еще и пяти дней, как принц стал одним из самых заядлых охотников за морскими камешками. С пренебрежением откидывая зеленые полосатые камешки — лягушки, он отбирал сердолики и халцедончики. Он научился великолепно ноздрить камешки, натирая их до нужного блеска о крылья собственного носа. И на груди у принца рядом с королевским амулетом, с золотым изображением солнца, перламутровым слонем и жемчужной луной, болтался вскоре на ниточке так называемый «куриный бог», то есть камешек с дыркой, которую выточило в нем море. Найденного им второго «куриного бога» он преподнес Тониде, и она великодушно приняла подарок.

А потом все словно и забыли, что он принц и наследник королевского престола. Только и слышалось:

— Дэлька, наноздри мне вот этот сердолик. У меня нос обсох, лупится.

— Дэлька, пошли на отмель крабов ловить, а? Сходили?

— Дэлька, ты когда брови упражнял, сперва пальцем их поддерживал?

И голос принца — высокий, мелодичный, какого-то особого оттенка, хорошо выделялся вечером, когда он вместе с приятелями по палатке номер четыре пел под балконом дачи «слабачков»:

У Пафнулина у папы,
У Пафнулиной у мамы,
Жил сынок чин-чинарем.
Он любимчик был мамулин,
Он любимчик был папулин,
Ну, а вырос дикарем...

Продолжение следует

Я РАБОТАЮ НА „СВЕТЛАНЕ“

Владимир Марамзин

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Рисунки А. Януса

Проходная

К проходной завода к половине восьмого идет целая улица разных людей. Они поворачивают из-за углов, просачиваются по одному, вылезают из автобуса и трамвая и выходят на последнюю прямую, обсаженную кустами и деревьями, где уже не подъехать, надо только идти. Идти довольно много, метров триста, но я люблю эту последнюю прямую.

Вчера, смотрю, по дороге к проходной увязался котенок. А домов, где жили бы люди, уже поблизости нет.

Люди идут, и каждый с котенком поиграет на ходу, каждый покличет:

— Кис, ты чей это?

— Ты как сюда попал, котенок?

— Эй, ты не в наш идешь цех? А ты сменой, случаем, не ошибся?

И к каждому котенок поднимает голову, с каждым пройдет по дороге хоть шаг. Так он, видно, и ушел от своего, от материного, дома с теми, кто спешил на работу, так и дошел до проходной завода, потому что каждого тянет идти с людьми, а люди идут в одну сторону, чем дальше, тем гуще, к новой проходной, раскрашенной ярко, как теперь полагаются, со стеклом и бетонным козырьком над входом.

Чем ближе я подхожу к проходной, тем чаще здороваюсь. Мне это делать приятно. Мне нравится за тридцать метров поздороваться. Вот так:

— Здор-р-рово, Виття!

И чтобы мне отвечали:

— Здор-р-рово!

Председатель совета физкультуры стоит у проходной и пока что скучает: он ждет. Мы идем пока вовремя, но еще недолго — и тогда появятся те, что опаздывают. Тут он оживляется и начинает следить. Он себе набирает команду для предстоящих вскорости соревнований по бегу.

Опоздавшие глянут на часы да как припустят!

А еще однажды в проходную шла собака. Она шныряла у входа, а потом нацелилась и прошмыгнула без пропуска.

За ней побежали, свистела охрана, но так той собаки никто не догнал. Завод большой — наверно, бегают по нему до сих пор.

Большие фонтаны

Недалеко за проходной бьет большой фонтан. Из земли, из люка вырывается пар.

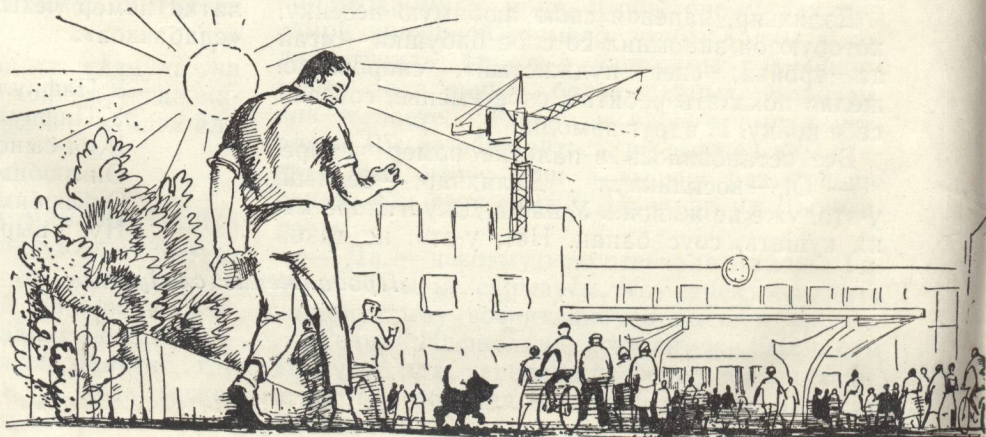
Однажды в газете про завод написали: «На территории есть где отдохнуть во время обеда. Везде растут цветы и бьют свежие струи фонтанов». И это почти что правда, но все же неверно. Газетчики — народ такой: прошелся по заводу, увидел фонтан, записал и сочинил про свежие струи.

А фонтаны действительно есть, только это не такие фонтаны, как в скверах. Во-первых, больше, чем самые большие фонтаны на улицах (ну,

конечно, не больше Самсона — это ясно, а то кто поехал бы тогда в Петродворец?). А потом у него, у фонтана, есть дело. Он не просто пускает

струи на ветер, как это делают все другие фонтаны, он работает день и ночь для завода.

В цехах на заводе везде станки и автоматы, они нагрее-

ваются, нужно их охлаждать. Водопроводную воду для этого жалко, тогда никакой бы воды не хватило. Вот и забирают хорошую воду однажды, а потом ее гоняют вкруговую. Охладила станок или генератор — и давай, бей в фонтан, охлаждайся на воздухе, и опять дальше в цех. Эта вода называется циркуляционной, потому что она циркулирует, то есть совершает круги. Много

денег экономят заводу фонтаны, а всем ленинградцам они сберегают воду. Воду, оказывается, тоже нужно беречь.

Но раз уж есть струи, которые бьют, почему не использовать их красоту? В главном фонтане стоит фигура женщины с большим веслом и в майке, — и вот получился фонтан как фонтан.

Эту фигуру светлановцы лю-

бят и всегда обсуждают ее, проходя.

— И как ей не холодно зимой?

Ее каждый год красят снова серебряной краской. Она с каждым годом все толще и толще от краски.

— А внутри она худая, — говорит моя соседка по квартире Тоня, которая работает в нашем цехе. — Правда, худая, я помню. Такая стройная даже.

Для чего завод?

Зачем же идет утром столько людей к проходной завода «Светлана»? Что они там делают до четверть четвертого?

На заводе «Светлана» делают радиолампы. Откройте заднюю крышку своего приемника или телевизора (если вам за это, разумеется, не влетит) — вот они стоят, радиолампы, без них не может быть приемник, это одна из главных его частей — ну, конечно, если лампы не заменены в нем еще более новыми приборами — полупроводниками. А такие приемники уже всюду есть, и не только карманные. Вы, наверное, слышали про приемник «Спидола»? Он всюду выпускается в Риге. Хороший приемник, очень небольшой, не больше чем в две приличные книги, а принимает столько же станций, сколько «Фестиваль».

Так вот, полупроводники эти делает тоже «Светлана». Наша марка — кружок, с чем-то вроде крыльев, а внутри буква С.

Посмотрите, эта марка стоит на многих лампах и полупроводниковых триодах в ваших магнитофонах, проигрывателях, приемниках, телевизорах. Но только, пожалуйста, ничего там не разбирайте, не надо, а то ведь потом буду я виноват.

Новичкам, поступающим на «Светлану», сразу рассказывают, что выпускает завод. Им даже вручают короткую памятку. Это надо знать, потому что кто-нибудь из нас, может, делает только резец или ножку для лампы. Он может забыть, для чего это нужно, и, не представляя конечного результата, может скучать, отно-

ситься небрежно к своей операции, думать, что она не имеет большого значения для всех прочих людей, а ведь это неверно.

Вот наш цех, например. Мы делаем не сам телевизор, а только телевизионные лампы, которые отправляем другому заводу. И там уже ставят их в телевизоры. А цех, где делают машины для нашего производства, — те машины, что делают и испытывают лампы, — он еще вроде дальше от телевизора. А есть цех, где ремонтируют наши машины. А еще есть инструментальный цех, он делает инструмент, которым работает ремонтный цех, который ремонтирует те машины, что делают лампы. А еще есть цех строительный. Он работает о здании инструментального цеха, который делает... и так далее. Как «Дом, который построил Джек». И все они еще дальше от телевизора, но надо о нем, телевизоре, всем нам помнить.

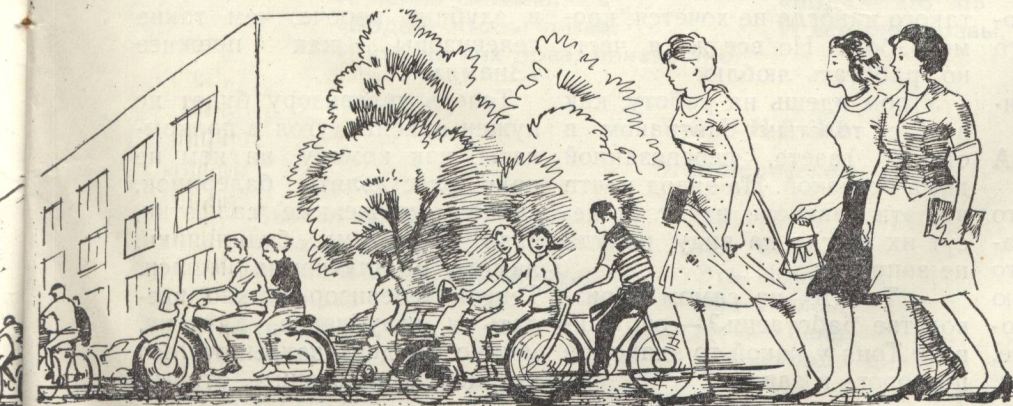
Чтобы не забыть, я утром спрашиваю сам у себя:

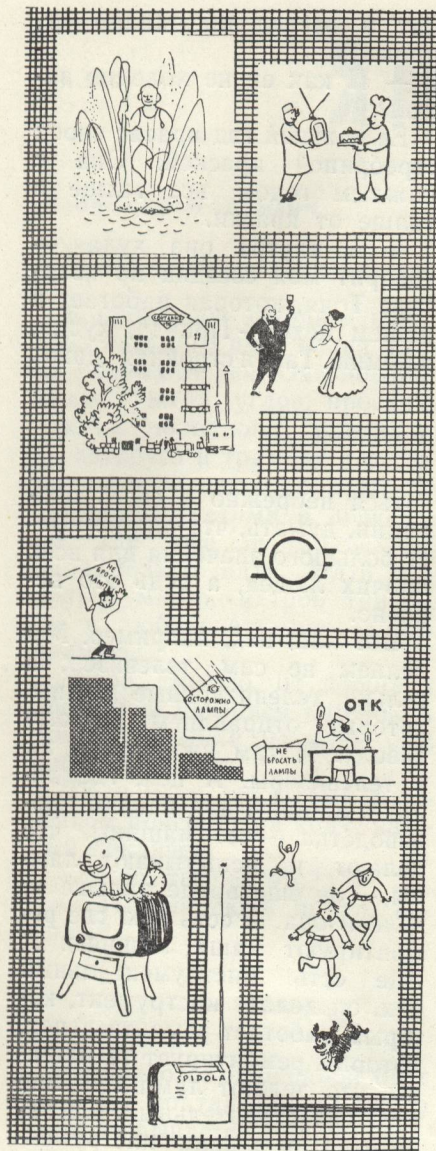
— Так куда я иду?

И сам себе отвечаю:

— Я иду делать лампы для телевизоров.

И тогда мне становится спокойно, потому что я знаю, что делаю.

По дороге я спрашиваю Жору Крекшина из соседнего цеха:

— Эй, что вчера по телевизору видел?

— Футбол. Со Швецией! А ты разве нет?

Футбол — это хорошо. Это интересно. Нет, у меня, у самого, телевизора нету, но это неважно. Я пойду и сделаю для кого-нибудь лампы, а кто-то сделает мне что-то другое, например, булку с маслом,

штаны и автобус, на котором друга, и это правильно. Нужно езжу каждый день на завод. Так мы и работаем друг для друга, и это правильно. Нужно только держать это у себя в голове.

Почему „Светлана“

На главном корпусе, сложенном из старинного темно-красного кирпича, на самом верху написано белыми буквами «Светлана, 1913 г.» Значит, уже при постройке завод назывался «Светланой». Говорят, что тогдашний владелец назвал его в честь своей маленькой дочки, но главное, завод тогда первый в стране начал делать электрические осветительные лампы, так что название пришлось куда как точно, и потом, после революции, про дочку, естественно, никто уже не помнил, а к заводу название прижилось и осталось. Не дочка же делала эти лампы, а

на заводе работало даже в те годы, должно быть, немало трудящихся женщин Светлан.

До сих пор на «Светлане» в большинстве работают девушки; как-то сборка у них получается лучше, и это тоже хорошо подходит к названию, такой завод неплохо называть женским именем.

Правда, нынче «Светлана» электрических лампочек больше не делает, для нее это слишком простая задача. Но это неважно для названия, оно прижилось, к тому же лампочки делали долго, до самой войны, даже после войны.

Весело ли это — работать?

Так нельзя сказать, потому что работа есть работа. Это дело серьезное. На работе нельзя только все улыбаться.

Конечно, и утром вставать неохота. Очень рано. Конечно, в автобусе едешь — толкают. А летом погода, летом хочется сжечь себе что-нибудь под солнцем, чтобы после неделю нельзя было ни лечь, ни сесть. Я не верю, кто кричит, будто это не так. Будто ему и вставать одна радость, и ничего такого никогда не хочется, кроме работы. Но все же я, честно, работать люблю.

Утром идешь на работу, как все, с толстым завтраком в старой газете, перевязанной дома бечевкой. На завод почти все эти завтраки носят. И несут их всегда на виду, никуда не запрячут.

— Ты что, на самом производстве работаешь? — спрашивает Тоня у какой-то знакомой по дороге к заводу.

— Да. На самом производстве. А ты? — спрашивает знакомая.

— И я, — говорит Тоня весело. — Я тоже на самом. На самом интереснее.

Я тоже работаю на «самом», то есть, не в какой-нибудь конторе или в конструкторском бюро, а в цехе, и это мне тоже, как и ей, интересней. Сейчас мы осваиваем новую лампу. Телевизоры с ней, с этой лампой, станут на треть в глубину короче, чем такие телевизоры, как прежние «Знамя».

Теперь телевизору будет не нужен красный угол в полкомнаты, как комоду, на нем не надо расставлять балеринок, слонов, кружевные салфетки, вазы с цветами, будильники, лампы и плюшевых мишек. Теперь телевизор можно вдевать в углубление, в стену, можно на день закрывать его дверцей, а захочешь — открыл

и смотри. К тому же они красивее будут, и работать надежнее.

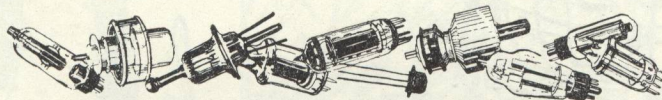
Но этого никогда не получится, если мы не сделаем лампу, то есть, не будем регулярно делать их десятками тысячами и больше, делать как можно точнее, похожими друг на друга по качеству, — чтобы всегда можно было заменить одну другой. Кажется, это просто, а это совсем не просто. Одно дело выпустить потихоньку сто штук, а другое массовое производство. Части лампы нужно собрать, поместить в стеклянную колбу, заварить, откачать воздух, провести специальную тренировку, испытать — не один десяток сложных и простых испытаний. Даже, например, та-

кое: сбрасывают лампу в упаковке на цементный пол с высоты до двух метров, а после она должна работать в телевизоре как ни в чем не бывало. Только уж вы, пожалуйста, не делайте этого сами.

А я еще не сказал про различную химию: промывки, травление, приклейка цоколя из пластмассы, клеймо. И на каждой операции свои трудности, иногда даже физикам и химикам, ученым неизвестно, что там в лампе происходит на такой операции, а мы в цехе знаем, что это все-таки лампе полезно. Потому что лампы сначала научились делать, а потом уже начали объяснять себе, что там происходит. Так бывает.

А вообще лампа сложная штука, но в цехе не всегда думаешь об этой ее замечательной сложности и непонятности. В цехе нужно побольше делать ламп, делать хорошо и так, чтобы все операции, даже самые трудные, шли бы точно и просто, и надежно. Так мы все и стараемся делать, и это, честное слово, нам интересно.

Конечно, бывает, что и не знаешь сразу, как справиться с каким-то новым делом. Но ведь работаешь не один, всегда есть с кем посоветоваться. И если подумаешь, то всегда найдешь выход. И от этого — от того, что было трудно, но все же придумал, как быть, — станет так хорошо, что ни с чем не сравнить.

КТО ПРАВ!

Н. Воронель

Сказала селедка:
«Вода — чтобы жить».
Поправила лодка:
«Вода — чтобы плыть».
Поправила лошадь:
«Вода — чтобы пить».
Вмешались калоши:
«Вода — чтоб ходить».
Мочалка сказала:
«Вода — чтобы мыть»,
А лейка сказала:
«Вода — чтобы лить».
И кто из них прав, неизвестно.

Деревья сказали:
«Вода — это друг»,
А остров сказал:
«Это все, что вокруг».
Огонь объявил,
Что вода — это враг,
«Вода — это горе», —
Заплакал овраг,
«Вода — это море», —
Поправил моряк,
«Вода — это лужа», —
Сказала свинья,
А речка сказала:
«Вода — это я!»
И все они правы, наверно.

ТОННЕЛЬ

Э. Мошковская

Въехал поезд,
въехал в гору
по большому коридору...
Темнота
там была,
теснота
там была.

Это Ночь
там была.
Это Ночь
там спала...
Ночь спала
среди бела дня!

Поезд выскочил
гремя,
поезд выскочил
на свет —
светит солнце,
ночи
нет!

Аленка

РАССКАЗ

Н. Шорин

Рисунки Г. Праксейна

Поезд похлопал железными ладонями буферов, махнул черной папахой дыма и скрылся. Эхо расплескало над лесом гудок — «Иду-у!» И шум утих.

Аленка взглянула на солнце и успокоилась: — Это не тот. Не опоздала.

Июльское солнце стояло еще высоко, а поезд, которого ждет Аленка, будет к вечеру. В тот час, когда солнце устанет и начнет спускаться к лесу, когда лесная пила приметется незаметно отпиливать от него краешек, а рельсы — далекие железные линии, — заиграют плавленным золотом, к этому часу Аленке нужно быть на платформе.

В руках у Аленки большая корзина спелой малины. Ягода душистая, медовая. Любит брать ее в лесу Аленка. И сегодня девочка несет почти полнешеньку корзину, пыхтит от тяжести, а несет.

В прошлом году она в эту пору вот так же носила ягоды на перрон. А нынче она станет учиться в пятом классе. Нынче Аленка взрослая и знает, что делает. Братишка Вовка смеется над ней — «с пустом из лесу ходишь», — но Аленка знает, она все знает.

Отец у Аленки — путеобходчик. Мать работает в путевой бригаде. Вовка нынче в первый класс пойдет. А за старшую она, Аленка.

Когда в лесу поспевают грибы, кто первый

о них весточку подаст? Аленка. Так же бывает и с ягодами.

— Аленку хлебом не корми, дай в лесу побегать, — смеется отец на упреки матери. Матери хотелось, чтобы Аленка к дому прибывалась, коз в хлев запирала, за огородом следила, куриное войско на огурцы не пускала. Но где там...

В прошлом году, в июле рано поспела малина. Аленка вынесла из лесу большую корзину ягод, к самому вечеру дотащила ее на пристанционную площадку. Встала с корзиной, отдыхает. И тут как тут: скрещение поездов. Остановился дальнего следования пассажирский, а из вагонов, словно капельки с липы после дождя, люди. Молодые загорелые. Бегут к ней, спрашивают:

— Продай ягодок, девочка?

— Девушка Аленушка, дай ягодок, пожалуйста.

Приятно стало Аленке от такого приветствия и просьбы, раздобрилась, положила просителю пол-литровую банку сладкой малины. А за ним еще и еще бегут. И каждый просит, так это ласково называя Аленку. И разобрали мигом всю корзину с ягодами — вкусными, медовыми.

Паровоз протяжно свистнул, поднатужившись, тяжело вздохнул и увез молодых пасса-

жиров туда, на восток.

Пришла домой ягодница, а мать спрашивает:

— Где ягоды?

— Отдала пассажирам, — ответила, не смущаясь, Аленка.

— Тогда деньги где?

— А я так отдала, — развела руками дочь. — Без денег...

мастерица. А вот знакомых у нас в дальних краях никого нет. И ей ли это? Ума не приложу. Да и от кого посылка-то?

Прочли обратный адрес, а он гласит: «совхоз «Степной», Алтайского края». И подписи странные — целинники Федоровы, Соловьевы, Фурсовы.

Почесал отец за ухом, подумал и говорит: — Я ее к вам самую пришлю, как из школы

Заругала мать Аленку, упрекала, что целый день потратила и «толку не нарядила». Отец пришел, узнал, в чем дело, и так сказал:

— Таким пассажирам не жалко, мать. Это целинники ехали! Понимаешь?

С того памятного дня прошло много времени и с Алтая на станцию пришла небольшая посылка. Только адрес чужаковато написан: название станции точное, железная дорога четко обозначена, а вот адресат помечен странно: «девочке Аленушке, что ягоды берет». Подумали-подумали на станции и решили, что не минет — дочка Прохора путеобходчика. Пригласили отца, спрашивают:

— Твоей дочке это?

— Не знаю, — говорит. — Дочь у меня Аленушка, верно, есть. И ягоды она у нас брать

возвернется.

Пришла Аленка за посылкой, вспомнила целинников, что у нее ягоды брали, сказала:

— Они это. Спасибо. Бери, папа.

Дома вскрыли посылку, удивились: прислали целинники Аленке в подарок зимнюю шубку: точно по ней шитую. И еще письмо. В письме благодарность Аленке за ягоды.

С тех пор и завязалась дружба пионерского отряда, в котором членом совета Аленка Губарева, с молодыми рабочими совхоза «Степной» на целине.

Если вы поедете по Северной дороге и на одной из маленьких станций увидите девочку, раздающую ягоды из корзинки, скажите ей большое спасибо. Это непременно она, Аленушка с маленькой станции.

**ПОКА
НЕ БУДЕТ
ПОБЕДЫ**

Е. Тепер

«Помню ли я героический октябрь 1934 года? — воскликнул Мариэльо Каэтано. — Конечно, помню!»

— Это было мое «боевое крещение», — добавил он улыбаясь. — Я никогда не отличался высоким ростом, а в 15—16 лет и вовсе слыл коротышкой. Как ни странно, но именно поэтому меня долго не принимали в комсомол. Обидно. Отец, мать, старший брат — коммунисты. Даже Элаина, двоюродная сестра, стала комсомолкой, правда, тайком от своих родителей. А мне говорят: «Подрасти.»

Но 3 октября моя мечта сбылась. И в этот же день вместе с товарищами я уже сражался с фашистами на улицах нашего горняцкого поселка... Вы спрашиваете, помню ли я, как все было? Мне кажется, что это произошло только вчера...»

...Нет, это было тридцать лет назад, Каэтано. Это было давно. «Айн, цвай, драй...» — маршировали по Германии гитлеровцы. «Африка наша», — орал на парадах в Риме чернорубашечники Муссолини. «Наша!» — вторили им, как попугаи, испанские фалангисты. Наглядя, фашисты с каждым днем становились опаснее.

Лето 1934 года. Три года назад Испания стала республикой и Альфонс XIII — последний испанский король — с позором бежал за границу. Но по-прежнему города и села были полны безработными. По-прежнему полиция и жандармы чинили над народом насилие и произвол.

Лето 1934 года. Забастовки, митинги, демонстрации. Трудящиеся требуют нормальных человеческих прав: свободы, хлеба, справед-

ливости. «Ах, свободы?» — и богачи посылают полицию и жандармов стрелять в народ. «Хлеба?» — и обливают зерно керосином, лишь бы поддержать высокие цены. «Справедливости?» — и вооружают наемных убийц, «пистолерос».

Лето 1934 года. Июль. Задорно распевая, крепко держась за руки, стайка мадридских девушек-белошвеек возвращалась под вечер с загородной прогулки. Впереди шагала Хуанита Рико, боевой вожак Союза Социалистической Молодежи. Дирижируя горластым хором, она пела и смеялась громче всех. День прошел чудесно, прогулка удалась на славу и ничто не предвещало несчастья.

Но вот из-за поворота выполз черный, похожий на огромный утюг, лимузин. Проезжая мимо девушек, шофер притормозил. Выстрел, другой — Хуанита падает, обливаясь кровью. Машина скрывается за поворотом.

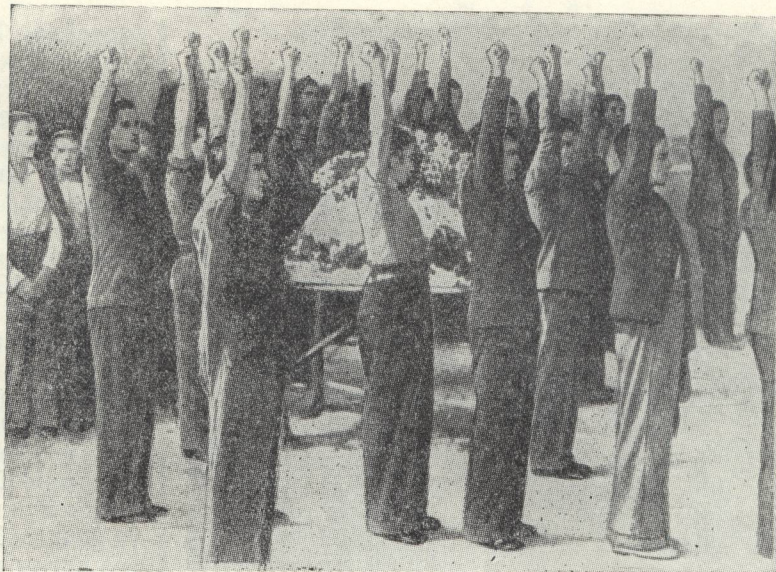
Кто убил Хуаниту? «Не знаем» — ответили власти. Но народ знал: фалангисты. Испанские фашисты. «Идейные враги красных», а на самом деле — просто бандиты, наемники богачей.

«Убийство по политическим мотивам! Убийство по политическим мотивам!» — надрывались на перекрестках мальчишки-газетчики. Выяснилось, что черный лимузин принадлежал маркизу Альфонсе Мерри дель Вал, — сейчас он франкистский посол в Соединенных Штатах. За рулем в момент преступления сидела его жена. А в кабине притаилась Пилар Примо де Ривера, известная великосветская бандитка, сестра главаря фашистской фаланги. Она-то и стреляла в Хуаниту.

Прошел месяц со дня убийства Хуаниты Рико. Наступил жаркий август. Член испанского ЦК комсомола Хоакин де Градо распространял на улицах Мадрида «Мундо обреро» — газету, в которой испанские коммунисты звали народ к единству.

И вдруг — выстрел. Фашисты убили Хоакина. Единство трудящихся означало для них угрозу, которую любыми средствами следовало предотвратить.

Но случилось неслыханное: проводить комсомольца Де Градо в последний путь пришла вся революционная молодежь Мадрида. Долго звучали прощальные речи, а когда они кончились, над кладбищем показался спортивный

Клятва у гроба Хуаниты Рико

самолет с красными крыльями. Он сделал вираж и сбросил над свежей могилой огромные букеты алых роз.

На следующий день летчик, разумеется, был арестован. Но происшествие взволновало всю Испанию. Юноши и девушки из различных революционных организаций клялись отныне действовать только вместе и в борьбе с реакционерами не отступать ни на шаг.

... А спустя два месяца, 4 октября 1934 года, пробил решительный час.

В этот день фашисты хотели окончательно захватить власть. В ответ по всей Испании вспыхнула всеобщая забастовка. Начались вооруженные столкновения. Но настоящее восстание развернулось только в Астурии. Самом промышленном — самом рабочем районе испанского Севера.

Вот об этих днях и помнит до сих пор Каэтано.

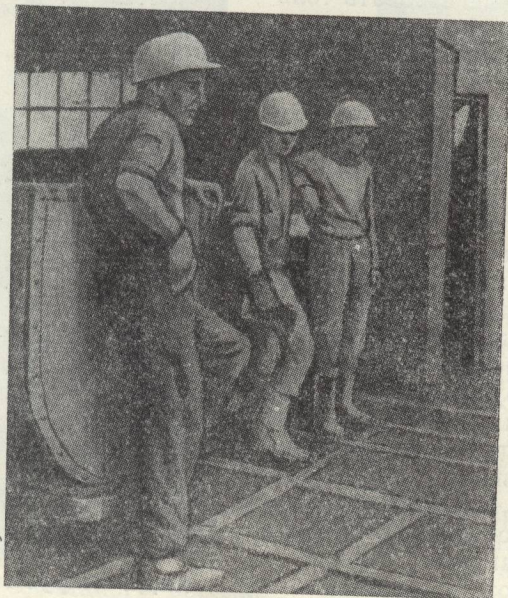
Аида Лафуэнте
(снимок сделан незадолго до восстания)

Фернандо Родригес — один из создателей астурийской революционной армии.

Около трех недель не стихала битва. А как они сражались, горняки, — поистине, сам черт был им не брат. Зажав в зубах горящую папиросу, держа в одной руке динамитные шашки, а в другой — короткий шнур, они подбирались к самым вражьиим позициям. Заложив динамит, поджигали шнур папироской. Несколько мгновений — и все взлетело на воздух.

За каких-то 32 часа шахтеры овладели городами и поселками всего каменноугольного

1964 год. Испания. Снова бастуют астурийские горняки!

бассейна. Фашисты бежали, оставив даже артиллерийский завод. 5 октября боевые шахтерские отряды двинулись на столицу Астурии — Овьедо.

Рабочая Астурия — она показала всей стране, что такое единство людей труда. И все время на переднем крае сражались коммунисты.

Фернандо Дамян — во главе шахтерской колонны в 1000 человек, после боя, продолжавшегося 32 часа, он первым вошел в казармы Сама де Лангрео.

Мануэль Льянеса — он возглавлял боевую колонну города Мьереса, которая первой ворвалась в Овьедо.

Комсомолец Хуан Амбон — он руководил штурмом Северного вокзала в Овьедо.

Коммунист Хуан Хосе Мансо, командир батальонов Трубии, — не зря горняки выбрали его потом депутатом в кортесы.

Фернандо Родригес, — член революционного комитета шахтерского города Сама де Лангрео, — один из авторов декрета о создании астурийской Красной Армии...

«Рассказать о том, что в эти дни пришлось делать мне самому? — спросил Каэтано. — Это не так-то просто... Паренек ведь я был совсем еще зеленый. Даже в драках с фашистами, которые случались частенько, до сих пор не участвовал. Даже опыта обращения с динамитом — как у многих ровесников, работавших в шахтах под землей, — у меня еще не было. Конечно, сражаться оказалось совсем не так романтично, как это представлялось раньше в мальчишеских мечтах. Но, помню, — самое страшное ожидало меня совсем не в бою. Самое страшное было накануне боя: в ночь на 5 октября я был включен в группу, которой поручалось вскрыть склад с оружием, хранившимся в одном из склепов на кладбище Сан Эстебан да лас Крусес. И вот ночью, среди могил, мы почти час искали этот склеп... Бррр», — Мариэльо Каэтано смеется.

Восстанию потребовался бронепоезд. Рабочие Мьереса оборудовали его в два дня. понадобились артиллеристы — рабочие Мьереса стали меткими артиллеристами. Нужны броневики? И металлурги завода «Дуро Фельгера» изготовляют целых двенадцать броневиков. На каждом они ставят большие буквы: «U. Н. P.» — «¡Uníos hermanos proletarios!» Это означает — «Братья пролетарии, объединитесь!»

Правительство стало бомбить восставших. Пять военных эскадрилий бомбардировали горняцкий район. Возглавлял карателей генерал Франко — будущий диктатор Испании.

Вплоть до 19 октября длилось это сражение. Вражеское кольцо сжималось, но шахтеры стояли насмерть.

Овьедо. Северный вокзал. Его защищал небольшой отряд молодежи. Один за другим выходили из строя бойцы. Кончились боеприпасы... Командир дал приказ отходить. Прикрывала отступление семнадцатилетняя комсомолка Аида Лафуэнте — из оставшихся в живых только она умела владеть пулеметом.

И Аида выполнила свой долг. Несколько раз ее меткий огонь заставлял карателей откатываться. И когда уже кончились все патроны и каратели находились в пятнадцати метрах от нее; смертельно раненная Аида поднялась, развернула, как знамя, свой красный платок и крикнула: «Да здравствует коммунизм!»

Так закончилось Астурийское восстание — октябрьское восстание 1934 года...

— Закончилось? — хмурится Каэтано. — Я этого не говорил.

И он сурово качает головой.

За тридцать четвертым годом пришел тридцать шестой... Кратковременная победа народного фронта и — франкистский мятеж, и три года гражданской войны. И двадцать пять лет кровавой франкистской диктатуры...

Мадрид, 1964 год. Май. Снова переполох в вотчине Франко. Министров поднимают с постели среди ночи. Заседания кабинета длятся круглосуточно. В чем дело? Астурийские горняки объявили всеобщую забастовку. Пятую за последние два года. Они требуют улучшения условий труда, повышения зарплаты и роспуска фашистских профсоюзов. И еще: официального подтверждения права на забастовки и права свободно выражать свои мысли. Франкистские чиновники прекрасно знают, что это за мысли. Их заранее корчит от того, что им предстоит услышать.

Против забастовщиков вновь используют «пистолерос», руководителей вновь пытаются убивать из-за угла. Но теперь уже никто не решается, как раньше, послать на шахты войска и потопить движение в крови. Не те времена.

Бушует рабочая Астурия. Кончилась майская забастовка — готовится следующая. В Астурии вновь единый фронт, и душой его являются коммунисты. Среди них — наш друг Мариэль Каэтано. Настоящее имя его другое, еще не время его раскрыть...

«Пока не будет победы, не кончится и война» — поется в испанской народной песне. Скоро конец этой тридцатилетней войне. Победа близка.

Самуилу Яковлевичу Маршаку

Когда свободной я бываю,
За книгой тянется рука,
И часто, часто я читаю
Стихи и прозу Маршака.
И со страниц любимых книжек
Сбегают шумною гурьбой
Ватаги дружные мальчишек
И спасший девочку герой.
И так любима малышами,
И взрослым людям так близка
Вот эта книга со стихами
Нам всем родного Маршака!

Наташа Алиева,
Москва

Залив

Залив телами, галькой, птицами
Усеян длинной вереницею...
Волна срезает берег бережно,
Ломая зуб о мель прибрежную.
Горят на солнце люди белые,
Перегорают темнокожие,
А третье по пляжу бегают.
Почти без кожи —
Разве можно так?
А рядом лес шумит обиженный,
Грибы тощат в тихой зависти,
Лес пуст, перед водой униженный, —
Он просит уваженья малости.
Он просит шорохом березовым,
Ветрами, плачущими жалобно,
И розовую дикою розою,
Что лепестки, как пальцы сжала.

ПОЖАР В ЛЕСУ

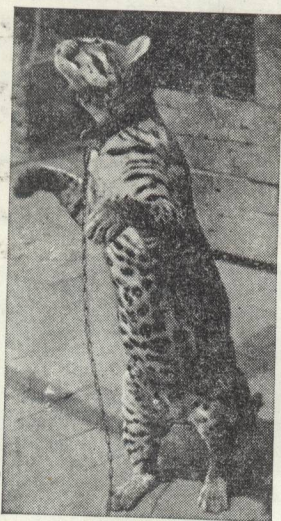
Это был настоящий пожар,
А не отблеск заката в лесу:
Меж деревьев он зло пробежал,
Мне напомнив в ловушке лису.
Все деревни поднялись на бой,
Обороной канавы легли,
И рванулся свирепый огонь,
Но не смог он подняться с земли.
Задыхаясь в потоке воды,
Ослабел и не сделал прыжок,
Уползая к обрывкам крутым,
Сам себя он в бессилии сжег.

Володя Шалыт,
Ленинград

Попугай — нянька

Оказывается, попугай могут быть хорошими няньками. Вот этот, например, — Жозе из семейства араурана. Целыми днями он неусыпно следит за маленьким бразильцем Жюакином: развлекает своей болтовней, когда надо — скажет „нельзя“, а если мальчик вдруг упадет, попугай немедленно позовет его маму.

Оцелот — дикая кошка

Когда Чита был детенышем, его нашли охотники и принесли в дом. И вот дикая кошка оцелот — его длина метр двадцать сантиметров и он может убить лань или даже ламу, — привык к людям и служит сторожем. Видите, как он выпрашивает лакомство? Совсем как простая кошка.

Линолеум... сохранит леса

Совсем, кажется, немного дерева расходуется на одну дощечку, размером в 5²—15² см и толщиной в 1—2 см, из которых складывают паркет.

Но представьте себе, что покрыть паркетом надо 500 миллионов квадратных метров — строительство такой огромной жилой площади предусмотрено на 1970 год. Значит, только для паркета пришлось бы вырубить 500 тысяч гектаров леса. И притом таких ценных пород дерева, как дуб, ясень, граб, бук, сосна и другие.

И все же огромная площадь лесов будет сохранена, потому что паркет будет заменен

линолеумом. Это сэкономит 200 миллионов рублей, высвободит 200 тысяч рабочих и уменьшит железнодорожные перевозки на 600 тысяч вагонов.

Синтетический и натуральный

Чтобы получить 1000 тонн натурального каучука, нужно обработать около 3 млн. каучуконосных деревьев (гевея). Эту работу в течение года выполнят 5500 рабочих.

А для того, чтобы получить столько же синтетического каучука за год, достаточно труда всего 15 рабочих.

Сверхдлительный счет

Много ли молекул заключено в одном грамме воды?

Так много, что если бы миллион человек принялся считать их и отсчитывать по молекуле в секунду, то этот удивительный счет продолжался бы 3 миллиона лет.

За одну минуту

Всего за одну минуту в 1964 году в СССР производят: 66,4 тонны минеральных удобрений, 20,9 тонны серной кислоты, 9,13 тонны целлюлозы, 457 тонн нефти, 286 тыс. м³ газа, 1160 тонн угля.

Два миллиона светлячков

Особое вещество — люциферин, содержащееся в организме маленьких серых жучков-светлячков, излучает фосфоричекий зеленоватый свет.

А нельзя ли создать люциферин искусственно? Американские ученые из Балтиморского университета собрали 2 миллиона светлячков и выделили из них около одного грамма светящегося вещества. Определив его состав, начали работу по синтезированию люциферина.

Можно ли дышать хвостом?

Можно ли дышать хвостом? Оказывается, можно.

У берегов Австралии живет рыба-прыгун. Почти всю свою жизнь она проводила не в воде, а на воздухе. Ее любимое занятие висеть на воздушных корнях мангровых деревьев, обхватив их грудными плавниками, словно лапками. Эти же плавники помогают ей ловко передвигаться на суше.

Зрение у рыбы-прыгуна отличное — каждый ее глаз действует независимо один от другого. Одним, например, она глядит на приближающегося врага, а другим подыскивает укромное место, чтобы спрятаться.

Дышит рыба-прыгун вообще-то жабрами, не только в воде, но и на воздухе. Тут ее жабры действуют как примитивные легкие.

Но часто рыба-прыгун опускает хвост в воду. В хвосте у нее множество тонких кровеносных сосудов — капилляров. Растворенный в морской воде кислород проникает сквозь кожу в эти капилляры и насыщает кровь. В это время рыба-прыгун дышит хвостом.

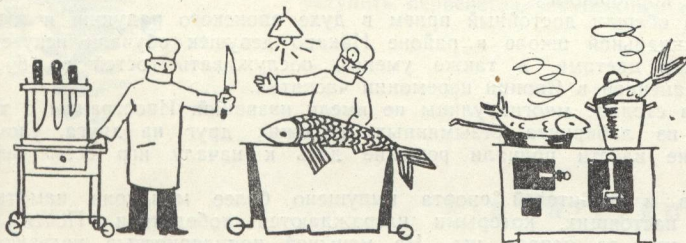

Платье из камня

Можно ли шить платье из камня? Но как? Ведь камень обычно твердое вещество.

И все же химики Ереванского института химии научились получать красивые дешевые ткани из... розового туфа — горной породы вулканического происхождения.

Опасное блюдо

В Японии эту рыбу называют по-разному — и Течири, и Фучу, но, пожалуй, самое правильное название — «выстрел». Человек, отравившийся ядом Фучу, умирает мгновенно, как если бы в его сердце попала пуля. Страшный яд, который содержится во внутренних органах рыбы, способен отравить 33 человека или 225.000 белых мышей.

Но, как ни удивительно, мясо этой рыбы — одно из лакомых японских блюд, так оно вкусно. Опытные кулинары знают, как приготовить его, чтобы отделить ядовитые внутренности. Небрежность в приготовлении этого опасного кушанья не допускается. Малейший недосмотр может стоить жизни человека.

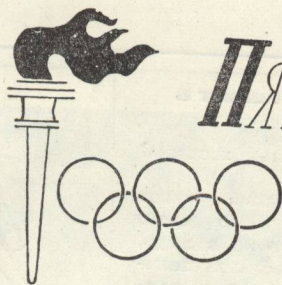
ЖУК — БОМБАРДИР

Само название «жук-бомбардир» говорит об удивительной способности этого насекомого. Его стрельба напоминает стрельбу из пушки. В момент выстрела появляется маленькое белое облачко и раздается негромкий, но довольно-таки резкий хлопок — «разрыв».

Что за пушка у жука-бомбардира? Оказывается, у этого жука имеется настоящий химический завод по производству «взрывчатых» веществ. Две его железы вырабатывают: одна — гидрохинон, (известное фотолюбителям проявляющее вещество), другая — перекись водорода, сильнейший окислитель, и причем высокой концентрации.

Как только возникает опасность, обе жидкости смешиваются, в результате чего происходит бурная реакция и образуются едкая струя. Ее и направляет жук на своего врага.

Ученые не могут разгадать, как удаётся жуку вырабатывать перекись водорода такой высокой концентрации, и предотвращать ее разложение? Ведь для сохранения перекиси водорода в промышленных условиях химикам пришлось не мало поломать голову.

ПЯТЬ КОЛЕЦ НАД ТОКИО

Олимпийский огонь зажигает в сердцах людей дух товарищества, зовет к честному соревнованию, способствует укреплению дела мира и взаимопониманию.

Н. С. ХРУЩЕВ

Каждые четыре года над стадионом одного из городов мира вспыхивает олимпийский огонь в античном светильнике. В нынешнем году пламя олимпиады полыхает над Токио. Столица страны Восходящего Солнца стала местом дружеских встреч спортсменов всех пяти континентов. 11-миллионный город принял 300 тысяч японских и 30 тысяч иностранных туристов, 7500 спортсменов-олимпийцев более чем ста национальностей, около тысячи журналистов, 150 фотографов и 150 радиокомментаторов. Для обслуживания всей этой армии гостей трудятся 25 тысяч переводчиков.

Интерес к играм столь велик, что лишь на церемонию их открытия было подано 3 миллиона заявок на билеты. А ведь стадион вмещает только 75 тысяч человек. И тут на помощь пришла современная техника, позволяющая каждой из 15 миллионов японских семей, имеющих телевизоры, побывать на этом грандиозном спортивном празднике. Впрочем, Олимпийские игры получили возможность увидеть также телезрители Европы, Азии и Америки.

Хозяева олимпиады отлично подготовились к приему спортсменов. Токийский стадион построен с учетом новейших достижений архитектуры и техники. Огромное электрическое табло над трибунами способно выдержать бешеный натиск тайфуна. Гордость стадиона — качество дорожек и травяного покрова поля. Над созданием их в течение нескольких лет работала комиссия из видных ученых и специалистов.

Всего же подготовка к олимпиаде потребовала сооружения десяти тысяч объектов общей стоимостью 555 миллионов долларов. В городе возведены современные отели, в том числе самый большой в Азии 17-этажный «Отани». Для этого потребовалось пересмотреть закон, запрещающий строить в Японии здания выше десяти этажей. Однако поселить в гостиницах всех приезжих не удалось. Некоторым пришлось жить на парходах в Токийском заливе.

Немало забот выпало на долю японской полиции. Она должна предотвращать «участие» в спортивном празднике гангстеров и мелких жуликов. Известно, что в Японии насчитывается сейчас свыше 180 тысяч гангстеров, организованных в могущественные корпорации.

Гостям Токио обещан достойный прием в духе японского радушия и гостеприимства. В специальной школе в районе Накано девушек обучали искусству украшения жилища цветами, а также умению обслуживать гостей во время широко распространенной в Японии церемонии чаепития.

До сих пор в столице многие улицы не имели названий. Иностранцы с трудом выбирались из лабиринта безымянных, похожих друг на друга, улочек. Поэтому городские власти приняли решение дать к началу игр всем таким улицам названия.

Для туристов и любителей спорта выпущено более миллиона памятных медалей — копий настоящих, которыми награждаются победители. Почти все они распроданы еще до начала игр. Не меньшей популярностью пользуются и олимпийские марки. Их расхватили в первый же день после выпуска.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

В честь победителя X Олимпиады финна Матти Ярвинена, установившего в метании копья мировой рекорд — 72 метра 71 сантиметр, — его земляки соорудили на стадионе башню высотой 72 метра.

ИНТЕРВЬЮ С ДВУМЯ ГАЛИНАМИ

Золотая олимпийская медаль — самая драгоценная награда для спортсменов. Однажды мне удалось завоевать этот почетный трофей. Это было на XV Олимпиаде в Хельсинки. Советская команда впервые выступала тогда на соревнованиях подобного масштаба.

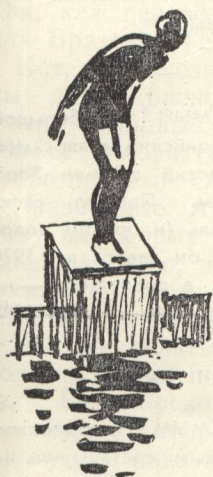
Я состязалась в толкании ядра и с новым мировым рекордом — 15 метров 28 сантиметров — завоевала первое место. В метании диска победила моя подруга Нина Пономарева. Когда мы поднимались на пьедестал почета, над стадионом звучал советский гимн, а на олимпийской мачте реял флаг нашей Родины. В то время двумя золотыми медалями исчерпывался список побед легкоатлетов. А в Риме мои друзья по команде завоевали уже 11 золотых наград. Всего же советские спортсмены поднимались на верхнюю ступеньку пьедестала почета 34 раза.

Токийская олимпиада — четвертая, в которой я участвую. И каждый раз до сих пор высшая награда в толкании ядра отправлялась в Ленинград. Золотую эстафету приняли мои подруги по легкоатлетической школе «Зенит» — Тамара Тышкевич и Тамара Пресс. Я надеюсь, что и на этот раз золото достанется толкательнице в алой майке.

ГАЛИНА ЗЫБИНА,

заслуженный мастер спорта, олимпийская чемпионка по легкой атлетике

К победам советских спортсменок на международных соревнованиях все давно привыкли. Наши лыжницы, шахматистки, метательницы, баскетболистки — лучшие в мире. А вот в плавании нашим девушкам не везет из года в год. Со всех олимпиад они возвращались с пустыми руками — без медалей...

Мне кажется, что в Токио будет не так. Я хорошо знаю своих подруг по сборной команде страны — среди них немало моих ровесниц, а мне сейчас 16 лет. И хочется верить, что им будут по плечу достижения международного класса.

Сама я уже в начале олимпийского года установила три мировых рекорда в плавании брассом. Этот стиль — мой любимый. В столице Японии я буду стартовать на дистанции 200 метров. Постараюсь улучшить свой мировой рекорд и не уступить первенства зарубежным соперницам.

ГАЛИНА ПРОЗУМЕНЩИКОВА,
рекордсменка мира по плаванию

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Греческий почтальон Спиридон Луис первым финишировал в марафонском беге на Афинской олимпиаде. Хозяин гостиницы, в которой остановился спортсмен, в награду за это предоставил Луису право бесплатно обедать в своем ресторане в течение десяти лет. Бегуну был выдан чек на получение 3.650 обедов...

Через восемь лет на играх в Сант-Луисе первым пришел к финишу марафона американец Лорц. Всех очень удивил его необычно свежий вид. Недоумение рассеялось, когда стало известно, что более половины дистанции предприимчивый бегун проделал... на автомобиле.

ВОЯЖ ЗА ОПЫТОМ

Советских спортсменов впервые увидели на олимпийских играх в 1952 году в Хельсинки. Но еще за 40 лет до этого на V Олимпиаде в Стокгольме выступала довольно многочисленная делегация России: гребцы, легкоатлеты, борцы, футболисты. Среди футболистов был и я. Мы отправились в Швецию на огромном пароходе «Бирма». В Стокгольм наша делегация прибыла одной из последних. Все гостиницы оказались переполненными и нам пришлось жить и даже тренироваться на палубе парохода.

Таких неприятных сюрпризов было много. Ведь олимпийский комитет был создан в нашей стране наспех и почти не имел средств. Да и вообще в те годы спорт считался забавой для богатых людей. По всей России едва ли было 50 тысяч спортсменов. Конечно, среди них встречались и талантливые самородки. Но в олимпийскую команду мало кто из них попал. Наша делегация, в основном, состояла из привилегированных спортсменов — слушателей офицерской гимнастическо-фехтовальной школы. Перед отъездом не проводилось даже отборочных состязаний.

Впрочем, нам самим было ясно, что на успех рассчитывать не приходится. Мы знали, что едем не побеждать, а учиться побеждать.

Олимпийские игры открылись 6 июля на специально построенном Королевском стадионе. 2500 спортсменов участвовали в торжественной церемонии. Много замечательных рекордов было установлено во время состязаний. Особенно удивил всех своим мастерством американский индеец Джим Торп — победитель соревнований по десятиборью.

Наша команда выступала неудачно. Призовые места русские спортсмены заняли лишь в четырех номерах программы, хотя и принимали участие в состязаниях по 13 видам спорта. Среди 18 стран — участниц олимпиады Россия заняла пятнадцатое место.

Особенно не повезло нам, футболистам. Первую встречу мы провели с финнами и проиграли — 1:2. Еще большая неприятность ждала нас в матче с командой Германии: счет был на этот раз поистине хоккейным — 0:16.

Через 44 года из Мельбурна советские футболисты привезли полный комплект золотых олимпийских медалей. Мы, спортсмены-ветераны, были счастливы в те дни, как никогда.

Но вот беда, на последующих двух Олимпиадах нашей команде не удалось пробиться в финальный турнир. Сначала это были «римские каникулы». Теперь наступили «токийские каникулы». А их виновниками оказались немецкие футболисты, которые вывели нашу команду из розыгрыша.

Ну что же, впереди еще немало олимпийских игр. И мне хочется верить, что юные футболисты, которые гоняют сейчас мяч на школьных спортивных площадках, сумеют в будущем повторить мельбурнский успех.

В. П. БУТУСОВ,
судья всесоюзной категории

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Бег на 400 метров на VIII Олимпийских играх выиграл с новым мировым рекордом шотландский священник Эрик Лиддел. На следующий день он выступал в церкви с проповедью. А вот на стометровке священник, хотя и мог получить вторую золотую медаль, не стартовал — состязания проводились в воскресенье...

Чемпионом олимпиады 1948 года в десятиборье стал 17-летний американец Роберт Мэтиас. Он решил, что после такой победы может считать себя мужчиной... В этот день он впервые побрился.

САМУЮ большую нагрузку олимпийский пьедестал почета выдержал в Мельбурне, когда вручались медали штангистам-тяжеловесам. Общий вес призеров состязаний — американца Андерсона, аргентинца Сельветти и итальянца Пигаини — составил 26 пудов.

САМЫЙ большой семейный урожай на олимпиадах — четыре золотых медали. Его собрали в Хельсинки чехословацкие легкоатлеты Дана и Эмиль Затопковы, а в Мельбурне — советские гимнасты Софья и Валентин Муратовы.

САМЫЙ большой олимпийский стаж имел шведский яхтсмен Торе Хольм. Первую свою медаль (и притом золотую) он завоевал в 1920 году, а последнюю — на Лондонских играх 1948 года.

САМЫМ продолжительным состязанием на олимпиадах была схватка русского борца Мартина Клейна с финном Анти Асикайненом, окончившаяся... через десять с половиной часов.

САМОЙ молодой олимпийской чемпионкой оказалась 14-летняя австралийка Сандра Морган. Она завоевала золотую медаль в эстафетном плавании вольным стилем на Мельбурнской олимпиаде.

НЕОБЫЧНЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОБЫЧНОМУ РЕЙСУ

Почему по воде?

Что это — цветок? Это первое, что приходит на ум при взгляде на фотографию. Но цветок этот особый — стальной, гигантский. Фигура человека возле него совсем крохотная.

На фотографии — портрет одной из десяти турбин, созданных для Красноярской ГЭС. Самых больших, самых мощных. Диаметр их рабочего колеса более восьми метров, вес — более двухсот тонн.

Созданы эти исполины в Ленинграде, на Металлическом заводе имени XXII Съезда КПСС. А доставлять их приходится далеко — на Енисей, в Дивногорск.

Как перевозить? Поездом? Так, как перевозили турбины для Братской ГЭС?

Нет, это невозможно. Турбины для Красноярской ГЭС очень мощные (каждая — 500 000 киловатт), а потому и особо прочные. Они цельные, а не разборные. А такие ни на одну платформу не погрузить. Следовательно, и поездом не доставить, как доставляли «братские» турбины.

Что же делать? Перевозить водным путем: по Неве, Ладоге, Беломорско-Балтийскому каналу, по Северному морскому пути и вниз по Енисею до самого Дивногорска.

Зачем переделывать лихтер?

Какому же судну доверить ценный многотонный груз?

Прежде всего привычному к плаванию в трудных условиях арктических морей и по порожистому, а порой, и мелководному речному пути.

Выбраны два лихтера — грузовых судна вроде барж — «Лодьма» и «Саян». Каждый возьмет по два колеса. И хоть этим судам такие рейсы не в диковинку, но просто так, без переделок они не смогли бы

принять колеса-гиганты. Ни в один люк не может пройти такой «негабаритный» груз. И трюмы слишком тесные, и переборки недостаточно прочные.

Переоборудовать лихтеры взялись рабочие Канонерского судоремонтного завода. Прежде всего закрепили главную палубу, убрали все лишнее, что могло мешать «пассажирам». В средней части вырезали два широких проема-люка. Поставили для прочности добавочные переборки. В трюме установили два специальных металлических фундамента — подставки, чтобы на них намертво закрепить колеса.

Кажется, все готово.

А как погрузить?

И вот новая задача: как с берега на лихтер погрузить колеса-исполины?

Проще всего подогнать из Морского порта к пирсу Металлического завода мощный плавучий кран. Он с берега поднимет колесо и опустит его в трюм прямо на подставку.

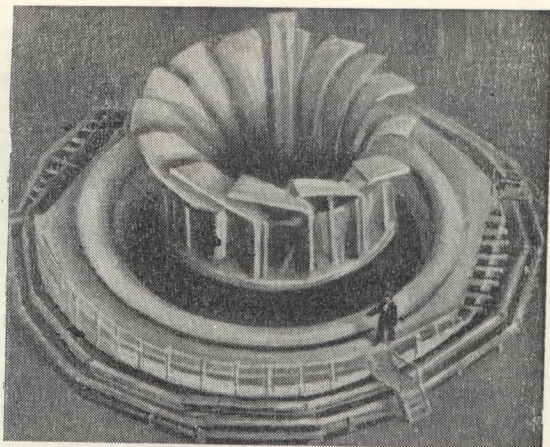
Но вот беда — крану-гиганту не пройти между быками невских мостов...

И все-таки выход нашелся: прямо из цеха накатить колеса на палубу.

Это просто сказать, а выдержит ли заводской пирс непривычную тяжесть?

Рассчитали... и стали строить новый, более прочный пирс. По нему проложили рельсы, а на них пустили специальную самоходную тележку. С ее помощью колесо могло въехать на палубу.

Въехать-то можно, но не накренится ли лихтер в тот са-

мый миг, когда колесо очутится на борту? Не опрокинется ли?

Проверили. И приняли меры предосторожности — соорудили особый отсек в корпусе лихтера. Он должен сразу наполняться водой как только возникнет крен, и так же быстро выпрямлять судно.

Отсек готов. Кажется, предусмотрено все.

Значит, можно начинать плавание?

Ничуть не бывало. Груз ведь установили только на палубе, а его надо опустить в трюм. И, разумеется, это под силу только мощному крану. Значит, у пирса погрузку не закончить.

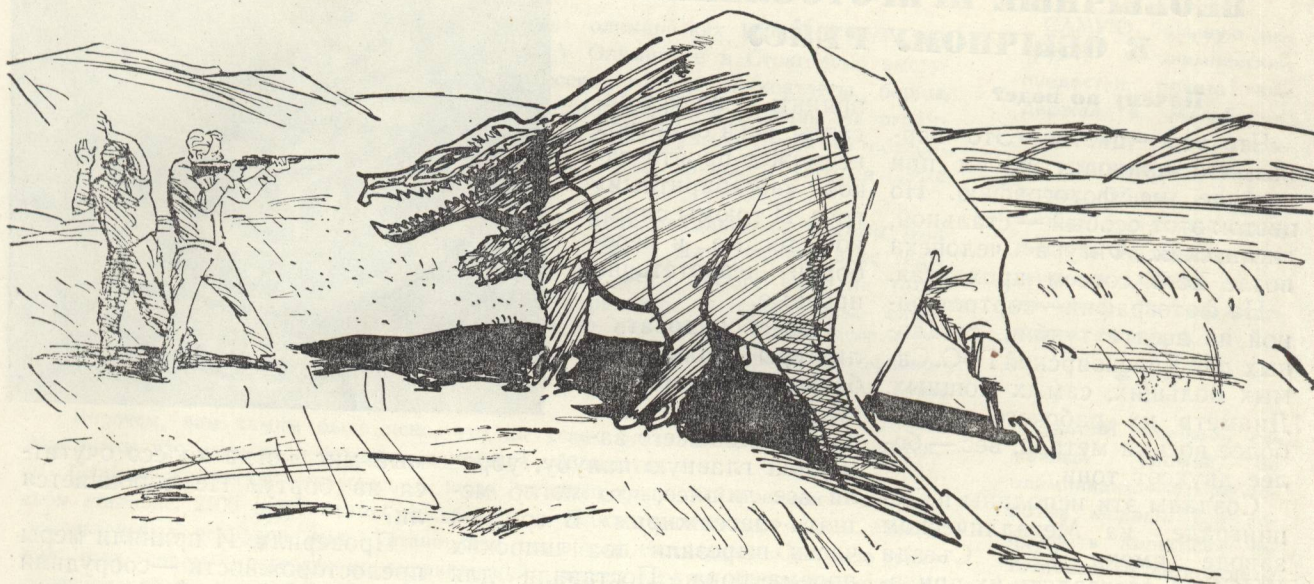
Поплыли лихтеры по Неве. И повезли колеса палубными пассажирами в Морской порт.

Наконец, в Морском порту. И тут мощный кран опустил колеса в трюм на их фундамент. И рабочие закрепили их.

Вот сколько хлопот и забот досталось судостроителям и морякам. А все потому, что конструкторы постарались сделать турбины особо прочными.

Зато, когда все десять турбин-великанш, установленные в машинном зале станции, начнут работать, Красноярская ГЭС будет давать энергии больше, всех других станций мира, — 20 миллиардов киловатт-часов в год!

Н. Владимирская

ТРЕХГЛАВЫЙ ДРАКОН

Дев Стекольников

Рисунки Ю. Шабова

ПО СЛЕДАМ ДРАКОНА

Утром мы распрощались с гостеприимным Нур-Мухаммедовым, искренне пожелавшим нам удачной охоты на шайтана. Ораз привез нас к следу и мы снова удивились размеру лап, оттиснутых на глинистой земле.

Мы решили повторить наши поиски следов тем же методом «спиральных обходов», по выражению Марбуха. Ораз воткнул рядом со следом длинный шест, и мы стали ходить вокруг него то по часовой стрелке, то против...

Так, в бесплодных поисках, прошло два часа. Стало уже жарковато, когда Ораз, заехавший на своем виллисе довольно далеко, закричал, что нашел еще след.

Здесь были и следы крови, и клочья шерсти, и столько следов, больших и маленьких, что у нас глаза разбежались.

— Ясно, — заговорил Марбух, — здесь варанус гризеус форма гигантеус сделал привал. Видать, ноша была тяжелая. Отсюда, наверно, взяв добычу зубами поудобнее, он направился к логову.

— Марк Борисович, — спросил Ораз, — а что если тут была стая варанов?

В самом деле, следы были и большие и маленькие, и нормальные и какие-то сжатые.

Сказать по правде, у меня голова заболела от такого обилия «тайн».

Мы водрузили у находки второй шест. Теперь уже нам было ясно направление, по которому бежал варан.

Направление вело вдоль предгорий. Это было нехстати: то и дело приходилось переходить сухие рус-

Окончание. См. „Костер“ № 9, 1964 г.

ла. Особенно трудно было Оразу вести машину. Но он находил кратчайшие объезды и не отставал от нас.

Я взглянул на часы. Полдень. Мы шли цепью: в центре Марбух, слева Ораз на машине, а справа я. Мы так привыкли искать следы, что брели с опущенными головами...

Я поднял голову и почувствовал, что леденею от ужаса. Прямо против Марбуха, стоявшего столбом и близоруко разглядывающего непонятное явление, из-за густых кустов чия, готовилось к прыжку кошмарное существо...

Три головы! У чудовища было три головы!

Невероятное обернулось реальностью. Все во мне протестовало. Так в кошмарном сне мы иногда кричим: «Этого не может быть!» и просыпаемся...

Но это не было сном. Да и не было времени обдумывать, как объяснить этот ужас. Надо спасать Марбуха!

Я вскинул винтовку и выстрелил, поймав на мушку широкий красноватый глаз. Мимо! Все пропало!.. Ящер прыгнул...

Но его огромная розовато-зеленая туша обрушилась не на Марбуха, а на радиатор рычащей машины.

Ораз! Какой же он храбрец! Он успел заслонить собой Марка Борисовича! Я видел бледное лицо мальчика, его закушенные губы. Виллис метался под страшной ношей. Когтистые лапы дракона скребли по ветровому стеклу. Он громко, с присвистом шипел. Одна из его лап почти дотянулась до мальчика...

Я боялся стрелять, чтобы не попасть в Оразу, а он продолжал борьбу, пытаясь на резком повороте сбить зверя на землю и задавить колесами.

Еще рывок! Еще поворот!

ГАЗ-69, в просторечии «виллис» — хорошая машина, но есть у нее недостаток — неустойчивость. Ораз не заметил сухого рула с крутыми стенками. Машина

круто наклонилась, как будто повисла в воздухе, и... рухнула набок.

Я успел пробежать шагов десять и вдруг — удар в грудь и беспамятство...

В ЛОГОВЕ ЧУДОВИЩА

Сознание возвращалось медленно. Я чувствовал острую боль в боку и в колене. Где я и что со мной?

Перед глазами маячило что-то округлое, серо-зеленое с однообразным узором... похоже, что я лежу под боком палатки. Пахнет несвежим мясом, польню... вдруг я вспомнил все: как на нас напал дракон, как ему навстречу бросился Ораз на виллисе, а потом... да, потом дракон сшиб меня с ног.

Он поступил точно так, как и его меньший собрат — обыкновенный серый варан. Тот, если его очень рассердить, кидается на грудь.

От ужаса я чуть снова не лишился сознания, когда понял, что дракон тащил меня, как кошка тащит полуживую крысу. Меня спасла кожаная куртка. Он прокусил ее только в трех местах. Лицо мое было расцарапано. Наверно, я волочился головой по земле. Рубаха прилипла к спине — там кровоточила рана.

Я сделал отчаянное усилие и приподнял голову... рядом со мной в редкой тени старого карагача лежал дракон. Тут же валялся растерзанный баран и задняя часть собаки. Неужели и я принесен сюда в качестве мяса «про запас»? Большого труда стоило мне не поддаться отчаянью, а думать и думать, как спастись.

Мои товарищи, конечно, ищут меня. Они пойдут по следу и вот-вот будут здесь... Но что если я уже несколько часов лежу без сознания и виллис давно проскочил мимо? Что тогда?

Если судить по теням — сейчас ранний вечер. Почему дракон так неподвижен? Спит? Или отдыхает после удачной охоты?..

И тут я услышал далекий шум нашего виллиса. В пустыне звуки разносятся далеко... Вот Ораз переключил скорость, вот затормозил, вот опять дал газ...

Дракон поднял голову. Он тоже прислушивался.

Я затаил дыхание... да, у него три головы: одна огромная, настоящая, с пастью, усаженной острыми коническими зубами, и две головы с боков, на сморщенных коротких шеях, болтающиеся, как два отвратительных придатка с недоразвитыми слепыми глазами.

У него сильные когтистые передние лапы, и, опять-таки, как нелепые придатки, рядом болтаются справа и слева две пары недоразвитых вялых лап. А задняя часть тела нормальная, «варанья», но раза в четыре больше обыкновенного варана, с колоссальным мощным хвостом.

Дракон подошел к останкам собаки, с минуту водил по ним длинным, раздвоенным на конце языком, потом подхватил их и проглотил.

Шум машины умолк. Неужели потеряли след? Плохи мои дела! Логово дракона окружено высокими кустами чия... уползти в них, спрятаться, скорее, скорее!..

Но я не мог двинуться с места.

Дракон повернулся ко мне.

Я вжался в землю. Все поплыло перед глазами. Я чувствовал, что умираю от ужаса, и весь покрылся холодным потом. Сердце билось так, что удары гремели в ушах...

Смерть. И какая смерть!

Заскрипел песок.

Дракон отошел к бараньей туше.

У меня воскресла надежда. Может, он меня не тронет? Может, ему не нравится запах человека?

Раны болели все сильнее. Я изнывал от жажды. Неужели дракон не уйдет на охоту? Нет, не уйдет. Вараны — животные дневные. Деятельны только в жаркие часы дня. Надо дожидаться ночи и уползти. Вот бы похолодало. Тогда бы дракон впал в сонное состояние.

Так я лежал, боясь пошевелиться, а все тело молило меня: ну, повернись на другой бок, вытяни ногу.

Я не выдержал, медленно-медленно стал освобождать затекшую руку. Ах, вот что мне давило в бок. Полевая сумка! Что у меня там лежит? Банка-морилка, блокнот, пинцет — для чего это мне сейчас? Воды, воды, мне надо хотя бы глоток!

Быстро темнело. Небо затягивалось тучами. Будет гроза. Дракон лежал неподвижно, только бока его пульсировали.

Рванул вихрь. И, наконец-то, хлынул дождь. Я лег на спину и открыл рот. Пил, пил и все казалось мало. Я боялся, что дождь скоро прекратится. Но тучи все шли и шли от Каспия. Я вымок до нитки, но ожил.

Правда, я ощущал теперь каждую рану, каждую царапину, но боль лучше, чем слабость.

Стояла глубокая ночь. Дождь прекратился так же внезапно, как начался. Пахло мокрой глиной и свежей зеленью. Здесь ли дракон? Вокруг было тихо. Я повернулся на бок и осторожно пополз в кусты. Большая нога тянулась за мной, как мертвый груз.

Метр, еще метр... стоял такой мрак, что я полностью потерял ориентировку. Почва стала скользкой. Куда я ползу?

Но вот моя рука нащупала какое-то углубление. Что это? Промоина? Яма?

Я тяжело перевалился через холмик и упал на что-то вязкое. Дальше ползти не было сил. Я уснул.

ИЩУ ПУТИ К СПАСЕНИЮ

Я открыл глаза и долго не мог понять, где я и что со мной. Но как только вспомнил страшные подробности прошлого дня, новая волна страха захлестнула меня: где дракон? Далеко ли я уполз?

Я лежал в широкой яме. Высокие стебли чия закрывали небо желто-зеленой сетью. На дне ямы блестела лужа с мутноватой пресной водой. Я жадно и долго пил, хотя вода от каждого моего глотка делалась все более глинистой.

Раны воспалились, сильно болели, но с надеждой на спасение ко мне вернулись силы. Я пополз, волоча ногу, по вязкой желтой глине. Это было очень трудно, но мне удалось поднять голову над краем ямы...

Не далеко же я уполз! Вот он, дракон, лежит под карагачом. Я втянул голову в плечи и скатился в свое убежище...

Часов в двенадцать дня дракон отправится на охоту. Что если отравить его запасы ядом из банки-морилки?

Яд этот сильный и, если дракон не почует особого запаха, его ждет быстрая смерть.

Ждать пришлось недолго. Еще солнце не перевалило за полдень, как я услышал легкий удаляющийся шорох. Дракон отправился на охоту.

Я вынул банку-морилку из полевой сумки, засунул ее в карман и пополз наверх...

Но мне не повезло. Только я перетащился через край ямы, как знакомый шорох стеблей чия сказал мне, что страшный хозяин логова возвращается.

Проклятый дракон! Как это он успел так быстро поймать добычу? Я затаился в кочках. Да, он тащит козленка. Неужели заметит? Неужели я сам полез навстречу смерти?..

Нет, он не заметил. Положил козленка на то место, где вчера лежали останки собаки, повернулся, поводил высунутым языком и неторопливо ушел.

Минут десять я ждал. Все было тихо. Я подполз к козленку и высypал на него яд из банки. Потом, закусив губу, чтобы не стонать от боли в ноге, быстро пополз к своей яме...

Снова я пил глинистую воду. Лужа быстро высохла и я понимал, что надо пить «про запас».

Ползи ли сейчас же к югу, туда, откуда доносился вчера шум мотора? Я боялся встретить дракона и долго лежал неподвижно, следя за медленно плывущим к западу солнцем.

Потянуло прохладой и я услышал, что дракон вернулся. Съест ли он козленка? Все было тихо.

У меня не хватало храбрости еще раз заглянуть в логово чудовища, но я понимал, что до темноты надо уйти из ямы.

«Ползи, — говорил я себе, — ползи!» Я прополз метров тридцать и — будто занавес раздвинулся! Заросли чия остались позади, цветущие маки обступили меня. Я поднял голову и вскрикнул от неожиданности: передо мной простиралась до горизонта алая от маков равнина, а по ней, прямо на меня, двигалась цепь солдат с автоматами через плечо. За ними медленно шли машины, на одной из них ярко выделялся красный крест.

У меня закружилась голова и я лег ничком. Что это? Ученья? Маневры?

— Товарищ лейтенант! — вдруг услышал я. — Мною найдено тело ученого Мурова. Докладывает рядовой Липкин.

— Тело? Почему «тело»? Чье «тело»? Я еще не «тело», — забормотал я.

— Он жив! — закричал лейтенант. — Липкин! Гони сюда санитаров! — Подбежали два дюжих молодца с носилками, но я не сразу дался им в руки:

— Лейтенант! Там в кустах, у карагача, дракон. Меня положили на носилки и потащили к санитарной машине.

КОНЕЦ ТРЕХГЛАВОГО ДРАКОНА

Меня поместили в Кизил-Арватскую больницу и три дня никого ко мне не допускали. Опасались заражения крови, лихорадки, столбняка, но я разочаровал врачей, быстро выздоравливая...

— Здравствуйте, здравствуйте, Валя, — с такими словами Марбух вошел ко мне в «одиночку». В белом коротеньком халате, кончавшемся чуть ниже пояса, он напоминал уже не марабу, а белую цаплю.

Пришел и Ораз... Вот ему халат был к лицу — настоящий бедуйн!

— Здравствуйте, здравствуйте! — подскочил я на кровати, но сразу же скорчился от боли — раны еще не зажили.

— Лежите! — почти сердито крикнул Марбух. — Мы будем вам рассказывать, а вы уж потом... если врачи позволят...

Я издал протестующий вой, но пришлось подчиниться.

— Мы долго искали следы зверя, унесшего вас, — начал Марк Борисович. — До позднего вечера колесили по пустыне... а вечером телефонировали в райком о положении дел. Сердар Нуриев развил бурную деятельность. Была вызвана ближайшая воинская часть... кстати, как раз та, где служит ваш Семен Липкин. Начали рано утром прочесывать пустыню между железной дорогой и Копет-дагом. Вначале — безрезультатно, но к вечеру подобрали вас.

— А дракон? — спросил я. — Нашли его?

— Как же, нашли, но... загадка! Он оказался дохлым.

— Это я прописал ему такое лекарство, — и я коротко рассказал обо всем, что произошло со мной.

— А теперь, — поднялся Марбух, — выздоравливайте скорее. В Ленинград поедем вместе. Мне надо еще подготовиться к лекции. Я жду приезда нашего чучельного мастера. Надо из дракона сделать чучело.

— Марк Борисович! — завопил я, — неужели вы меня тут покинете на произвол свирепых эскулапов,

даже не утолив моего любопытства? Я теперь заслужил право на ваши «догадки». Приподнимите же хоть краешек таинственной завесы! Откуда этот дракон? Кто его папа и мама? Есть ли детки? Нельзя ли ждать опять такого же милого гостя? Дали ли вы ему название? Меня гложет честолюбивая мечта — вписать в ученые тома варанус гризеус форма Мурови...

— Тише, тише, дорогой! — Марбух заставил меня опять лечь. — Не все сразу... потерпите еще немного и я отвечу на все.

Они ушли, оставив меня изнывать от скуки.

Прошло несколько дней. Меня навещал Ораз, но он или не знал о догадке Марбуха, или хранил ее как военную тайну. Наконец мне разрешили читать и я накинудся на газеты, как, наверно, голодный дракон кидался на баранов.

Первое, что привлекло мое внимание, была большая статья под заголовком «Конец трехглавого дракона». Это был живо написанный отчет о лекции Марбуха:

«Когда раздвинулся занавес, возгласы удивления и испуга послышались в зале. В глубине сцены, искусно изготовленный ленинградским чучельным мастером, стоял трехглавый дракон. Громкими аплодисментами встретили собравшиеся появление за кафедрой известного зоолога Марка Борисовича Марбуха. Профессор начал свою лекцию с перечисления ряда фактов появления на территории Советского Союза неизвестного ящера. Далее он кратко рассказал о работе экспедиции и о тех гипотезах, которые могут объяснить появление чудовища.

Марбух вспомнил нашумевший в свое время случай. В одном голландском городке спустили в болото радиоактивные отходы производства. И в скором времени в окрестностях появились лягушки и тритоны со странными уродствами: с несколькими парами лап и даже со многими головами, со сросшимися «конечностями» и так далее.

С гневом напоминает ученый, что совсем недавно враги мира рекламировали проект окружения нашей родины радиоактивной пустыней — мертвой зоной.

«Я утверждаю, — говорил Марбух, — что в прошлом году имел место преступный эксперимент частичного «опытного» заражения местности, примыкающей к Советскому Союзу. И в результате — появление чудовищных мутаций у обыкновенного серого варана...»
Сноска: мутации — резкие изменения наследственных черт под влиянием облучения зародыша радиоактивными веществами.

Ученому было задано много вопросов. Вот некоторые из них:

Вопрос: Можно ли ждать появления нового чудовища или даже чудовищ?

Ответ: Да, пока существуют враги мира, пока существуют люди, ставящие подобные эксперименты.

Вопрос: Нельзя ли управлять мутацией? Получить, скажем, огромных коров с тройным выменем (смех в зале.)

Ответ: Пока что невозможно. Но человечество рано или поздно откроет тайны наследственности.»

Заканчивалась статья сообщением, что участники экспедиции на днях выезжают в Ленинград.

* * *

На аэродроме нас встречал Карпов. Он взял под козырек и закричал:

— Привет победителю драконов! Сколько красавиц освободил?

И вот я иду через Неву. Давно уже нет льда, и вода под чистым небом кажется синей-синей. Вот и Зоологический институт. Я с удовольствием «настраивался» на свою работу. Как-то чувствует себя мой микроскоп?..

В вестибюле я столкнулся с нашим «стариком». Директор долго держал мою руку, пылливо разглядывая меня из-под косматых седых бровей:

— Как себя чувствуете? Ничего не болит?

— Вполне здоров, Геннадий Николаевич, — ответил я.

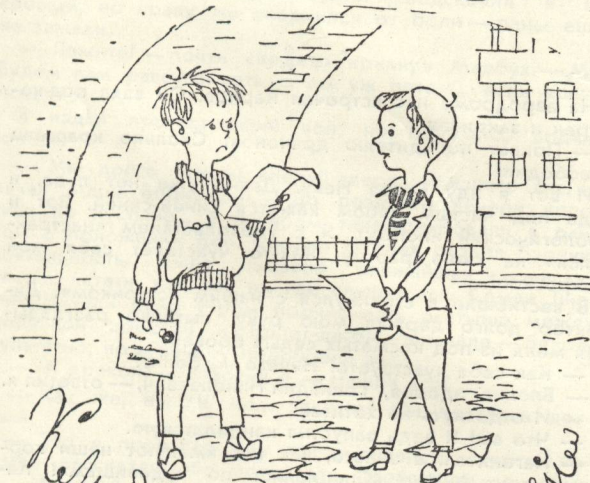
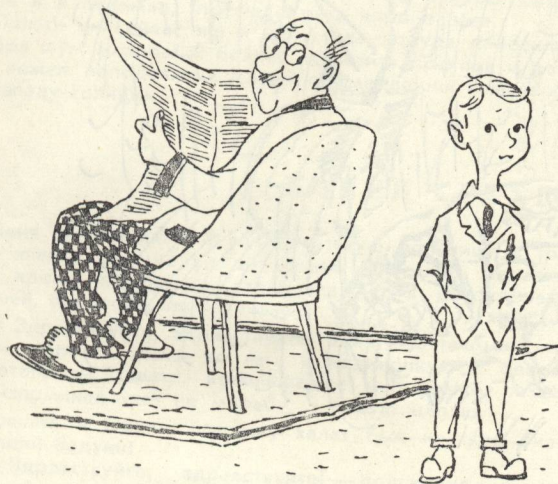
— И отдохнуть не хотите?

— Что вы! Я ведь запустил кандидатскую.

— Нагоните... а знаете, как вас именуют наши корреспонденты? Нет? «Специалист по чудовищам!» Каково? — и он отпустил, наконец, мою руку.

Вот и отделение герпетологии. Здесь все по-прежнему: и чучело крокодила, и препараты земноводных, и пестрая пачка писем на моем столе — свежая почта...

Ключи от папы и мамы

Ключи от папы и мамы

Рисунок В. Семенова

Г. Ожоговская

КАК ПОСТЕЛЕШЬ...

Сегодня учительница польского рассказывала нам о разных пословицах и поговорках. Объясняла, как их понимать и какие они мудрые.

Мне больше всего понравилась пословица: «Как постелешь, так и поспишь».

У нас дома постель готовит мама и мне всегда удобно спать; а когда как-то в лагере мне пришлось самому набить сеник, то всю ночь я не сомкнул глаз, потому что он весь был из бугров и впадин. Значит, это правда.

Кроме того эта пословица означает, что вообще, как что-нибудь подготовишь, организуешь — так и получишь.

Мне сразу пришло в голову, что и с Детским Праздником может быть то же самое.

Я спросил Генека:

— Ты знаешь, что тебе подарят на Детский день?

— Не знаю, — сказал Генек. — Может, и ничего. Может, мои родители забыли, я что-то не слышал, чтобы они об этом говорили. О каникулах, о лагерях — да. А о Дне Ребенка — ни слова.

— Вот видишь. Надо это как-нибудь подготовить. Напомнить, подать мысль, потому что, очевидно, наши родители так заработались, что могли и забыть о празднике.

— Но как это сделать? Я ничего дома не стану говорить. После той двойки...

— А я тем более, после двух двоек.

— Видишь, ничего не выходит, — вздохнул Генек.

— Не будем падать духом, — говорю я, — так не годится. Надо найти выход. У меня он, кажется, есть.

— Так говори быстрее!

— Слушай, мне не хорошо напоминать о себе, но я могу сходить к твоим родителям. А ты...

— А я — к твоим? — прервал Генек. — Но разве родители не догадаются?

— Не бойся. Конечно, это надо сделать с умом. Лучше всего послать письмо.

— Прекрасно. Письмо я могу отнести. А что в нем будет?

— Надо покороче, у родителей нет времени на чтение. В первом письме будет так: ДОРОГИЕ РОДИТЕЛИ! ПОМНИТЕ ЛИ О ПОДАРКАХ СВОИМ ДЕТЯМ? И подпись.

— Я не подпишусь, — запротестовал Генек. — Твой отец может пойти к моему отцу.

— Разумеется. Подпишем — Клуб Опеки Учеников.

— А где этот клуб?

— Мы с тобой и есть этот клуб. Разве нам нельзя?

— Ну, хорошо. Сколько будет писем? Ты сказал: в первом.

— Три. В этом весь фокус. Во втором письме напишем:

РОДИТЕЛИ!

**ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК НЕ ЗАБУДЬТЕ,
СЫНУ ЧТО-НИБУДЬ КУПИТЕ.**

видишь, как я удачно сложил? А в третьем письме будет... Сейчас, сейчас, надо что-нибудь о здоровье, родителям это лучше всего...

— Я! Я уже придумал! — радостно закричал Генек. — Вот:

РОДИТЕЛИ!

**ПОДАРОК ДЕТЯМ НЕ МЕШАЕТ,
А ЗДОРОВЬЮ ПОМОГАЕТ.**

— Прекрасно. Видишь, это совсем не трудно, надо только подумать.

Мы все подготовили, как надо. Подпись клуба в каждом письме была сделана печатными буквами. А я добавил красивую линию с хвостом.

Вручили первое письмо. Вручили второе. В моем доме об этом ничего не говорили, только папа вечером на меня как-то странно поглядывал. Наверное, думал, что бы мне купить.

А когда мы вручили третье письмо, мама Генека дала мне конверт, адресованный Клубу Опеки Учеников.

Мы встретились с Генеком в условленном месте под воротами. Он получил точно такой же конверт от моего отца.

Мы разорвали конверты, вынули листки. И одновременно прочитали:

**ПОДАРОК ТОЛЬКО ТОТ ДОСТОИН,
У КОГО ДНЕВНИК БЕЗ ДВОЕК.**

Клуб Опеки Родителей.

Ну и номер!

Ни я, ни Генек никогда о таком клубе не слышали!

Для нашей учительницы

Для нашей учительницы я все сделаю. Даже чем труднее, тем охотнее. Сил не пожалею. Так было и в этот раз.

Когда учительница вернула нам тетради с последним сочинением, у нее было такое печальное лицо, что просто страшно.

Очевидно, в сочинениях было полно ошибок. И учительница сказала, что ошибки крупные. Меня это немного развеселило, потому что если крупные, то не у меня. Я стараюсь писать мелкими буквами, а значит и ошибки делаю маленькие.

Но все равно весь класс смутился, потому что мы очень любим свою учительницу.

Да и плохая оценка тоже не веселое дело. А когда ее увидит мама или отец, то уж действительно будет не до смеху. Наоборот.

Правда, иногда бывает, что родители и не посмотрят, а самому хвалиться незачем — так и хлопот меньше.

В этот раз учительница была ужасно огорчена.

— Я бы очень хотела, — сказала она, — чтобы вы, когда готовите уроки, немного подумали и обо мне. Как мне неприятно, когда приходится ставить плохую оценку. Если вы этого не поймете, я просто потеряю с вами здоровье.

Так сказала учительница. А весь класс слушал. И никто даже не пошевелился.

А несколько дней спустя Зося Кукульская сказала, что скоро День Учителя, и надо, чтобы каждый придумал что-нибудь приятное, обрадовал нашу учительницу.

Я, наверное, способней других детей. Потому что сразу великолепно придумал: в День Учителя не пойду в школу. Почему? Чтобы сохранить учительнице здоровье.

Если я пойду, могу опоздать, со мной это часто бывает. А так не опоздаю. И не буду вертеться за партой, и никому не подскажу. Все потому, что не пойду в школу. Учительница не расстроится из-за моих неприготовленных уроков или грязных ногтей. Скольких неприятностей у нее не будет!

А когда на другой день меня спросят, почему отсутствовал, — я скажу. Сразу скажу. Пусть учительница обрадуется. Хотя единственный раз в году я позаботился о ее здоровье.

И она, наверное, похвалит меня и поблагодарит.

И весь класс будет мне завидовать.

А может — нет?

Перевел с польского Л. Штакельберг

Автопортрет, 1837 год

*Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как темя
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.*

/М. ЛЕРМОНТОВ/

ЛЕРМОНТОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

«Увы, как скучен этот город с его туманом и водой!» Это грустное признание Лермонтова относится к Петербургу. Впоследствии его повторяли часто — может быть, слишком часто, так что оно хорошо запомнилось и стало самым известным отзывом поэта о Петербурге.

Это правда — юноше Лермонтову Петербург не понравился: в Тарханах да и в Москве он привык к большей естественности в отношениях между людьми, и чопорность петербургской знати Лермонтову была противна.

Да и жизнь в этом городе, казалось бы, не давала ему радости. Гвардейская школа — два года бок о бок с грубоватыми юнкерами; Лермонтов скрывал от них свои мечты и литературные занятия. Он славился остроумием, его шутки заставляли смеяться всю школу. Смелый, находчивый, он мог бы стать общим любимцем. Но часто его выводили из себя ограниченность и солдафонство, и тогда от лермонтовских шуток бледнели и заикались, помнили их всю жизнь и спустя много лет пытались ему отомстить, изобразив в своих мемуарах мрачным и злым нелюдином.

А потом были однообразная служба, казармы и дом на Садовой, где он услышал об убийстве Пушкина, арест и ссылка... И через два года — снова казармы и скука великосветских гостиных. дворец Энгельгардтов, где он, не стерпев, сказал колкость дочери царя, и особняк Лавалей, где наемный дуэлянт де-Барант затеял с ним ссору. И вот уже дуэль на Черной речке — совсем рядом с тем местом, где Дантесом был убит Пушкин. И снова Лермонтов под арестом в ордонансхаузе, а впереди новая дорога в ссылку.

Петергоф. Море у Монплезира.

Садовая улица. В этом доме жил Лермонтов.

Все это было. Но ведь был же и Петергоф, где Лермонтов впервые увидел море. Суровые волны бились рядом с прозрачным дворцом Монплезиром, а вдали, там, где они сливались с небом, то появлялся, то исчезал белый парус. Лермонтов сделал тогда акварель — она хранится в музее, — и написал стихотворение. Его помнят наизусть все, кто знает русский язык. Лермонтову было в тот день восемнадцать лет...

Здание Ордонаксауза.

Невский проспект. Бывший особняк
Энгельгардтов.

В этом дворце на набережной Невы
де-Барант затеял ссору с поэтом.

В доме на Садовой он начал писать роман о жизни современного ему Петербурга, и гибель Пушкина не осталась его личной болью и горем — стихи «Смерть

поэта» напомнили людям о том, что такое негодование. Потому и вошел навсегда в историю лермонтовский дом на Садовой и даже кондитерские на Невском, где читалось вслух его запрещенное стихотворение. А когда позднее Лермонтов вернулся с Кавказа, перед ним открылись двери лучшего в то время журнала «Отечественные записки». Одно за другим печатались стихотворения Лермонтова, его поэмы, роман «Герой нашего времени».

У Лермонтова появилось много друзей. Он часто приходил на Гагаринскую улицу, к писателю Карамзину. В этом уютном доме собирались писатели, артисты. На музыкальных вечерах исполнялись произведения Бетховена, Глинки. И Лермонтов в этих концертах играл на скрипке.

Он подолгу бродил по Петербургу и присматривался к жизни разночинных кварталов. Задумал новую повесть и хотел, чтобы действие ее развивалось именно здесь, — он уводит сюда своего героя из скучной гостиной какой-то графини.

И дуэль с де-Барантом означала для Лермонтова разрыв с официальным Петербургом.

Пребывание в ордонаксаузе приобрело новый смысл — Лермонтова навестил В. Г. Белинский, и целых четыре часа длился их разговор о литературе.

..В Пятигорске незадолго до смерти Лермонтов говорил, что мечтает основать журнал — в Петербурге. Этот город прочно вошел в его жизнь.

М. Яхонтова

Линогравюры Н. Кутузова

„БЕСКОНЕЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЛЮБВИ“

Я тогда жил и работал на Крайнем Севере. Зимними вечерами, когда за окном на фоне темного неба сыпался голубой снег, у меня в комнате собирались мои приятели. Наши разговоры сначала касались повседневных дел; потом начинались размышления вслух обо всем, что нас волновало, и тут кому-нибудь непременно приходили на память стихи.

Один мой знакомый инженер, человек немолодой и одинокий, однажды рассказывал нам о девушке, которую он любил в юности. Опершись локтем о стол, он прикрыл глаза ладонью и вполголоса начал декламировать:

Не знаю, обманут ли был я,
Осмеян тобой или нет,
Но клянусь, что сам любил я,
И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным
И всем, что не сбудется вновь,
И счастьем мне неизвестным,
О, прости мне мою любовь...

— Чьи это стихи? — спросил я, когда он кончил.

Он взглянул на меня удивленно и укоризненно:

— Стыдно не знать.

Я пожал плечами. Признаюсь, я был уверен, что мой друг прочел стихи кого-нибудь из поэтов начала двадцатого века. Этот сбивчивый ритм, так сильно

выражающий глубокую взволнованность... Быть может, это стихи Блока?

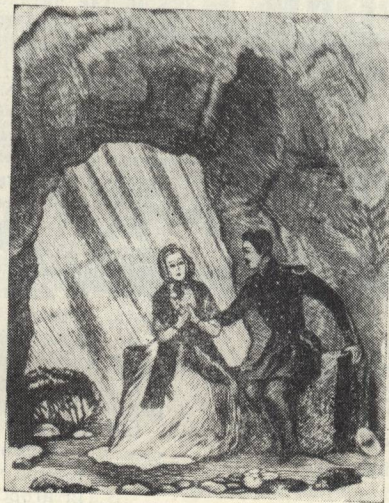
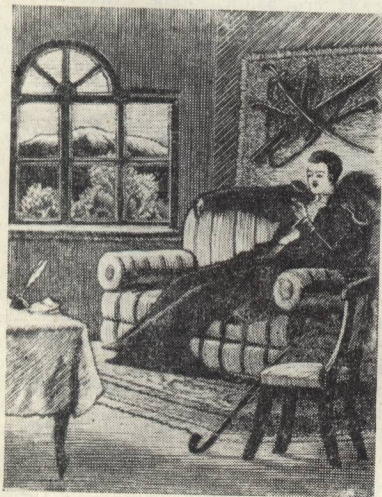
— Это Лермонтов, — сказал инженер.

Он снял с полки томик Лермонтова и показал мне страницу с этими стихами. Я читал и поражался: как я мог их раньше не заметить?

Друзья разошлись по домам, я остался один, лег и потушил свет. Глядя в темный потолок, я повторял про себя: «О, прости мне мою любовь...» И думал о том, какой необыкновенной душой надо обладать, какой огромной любовью надо переполниться, чтобы написать такие строки. Еще я подумал, что вовсе не так хорошо знаю Лермонтова, как мне до сих пор казалось...

Сон ко мне не шел, я поднялся и включил свет. И потянулся за книгой — решил перечитать «Героя нашего времени».

Надо сказать, что отношение мое к этой книге менялось с годами. Когда-то, подростком, я преклонялся перед Печориным, — этот человек, гордый и загадочный, покорял мое воображение, казался достойным подражания примером. Потом несколько лет я не возвращался к страницам «Героя нашего времени», и когда вновь решил его перечитать — впечатление, признаюсь, было совсем иным. Я буквально споткнулся о фразу Печорина: «Первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает». На этой фразе я немедленно проникся к нему резкой неприязнью и бросил книгу, не дочитав. Ведь если бы в реальной жизни мне привелось услышать от кого-

Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» иллюстрировали многие известные художники. Здесь вы видите гравюры на дереве С. Мочалова. На вклейке — работы Н. Тырсы.

нибудь подобные слова, я не стал бы слушать дальше, я бы ушел и хлопнул дверью...

У Лермонтова есть эпиграмма: «Тот самый человек пустой, кто весь наполнен сам собой». Я тогда готов был повторить эти слова, имея в виду Печорина.

И вот я снова читал в ночной тишине «Княжну Мэри». И уже не испытывал к Печорину неприязни, понимал, какой это несчастный человек... Меня глубоко тронуло его признание: «Если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви». Сразу вспомнились другие лермонтовские строки:

Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою...

Конечно, нельзя считать, что в Печорине Лермонтов изобразил самого себя, но это признание Печорина так поразительно совпадает с признаниями самого поэта.

Да, поэзия Лермонтова — это не только «железный стих, облитый горечью и злостью». Это «бесконечные источники любви». Любви к женщине. Любви к Родине. Любви ко всему прекрасному. Поэт писал:

...небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;

Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

Это самое главное.

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Мы читаем это признание поэта и, по правде говоря, нам его любовь не кажется странной. Она не подчинена рассудку, это верно, зато идет она от глубины души и поэтому нам близка и понятна.

Судьба поэта сложилась так, что его второй родиной стал Кавказ. «Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ», — писал пятнадцатилетний Лермонтов. Эта любовь вдохновила поэта на создание многих прекрасных страниц. Мы чувствуем ее в поэмах «Мцыри», «Демон», «Измаил-бей», в «Герое нашего времени»... Эта любовь передается нам, читателям. Еще не успев ни разу побывать у подножья Машука, в теснине Дарьяла, у берегов Арагвы, — мы уже знаем и любим эти края, потому что читали о них у Лермонтова... Разве не так?

Великий поэт не мог не быть поэтом высочайшей любви. Он дает нам почувствовать эту огромную высоту...

Вот о чем я подумал в ту памятную для меня ночь наедине с томиком Лермонтова.

С. Тхоржевский

„ОДИН ИЗ ГЕРОЕВ НАЧАЛА ВЕКА“

Стояли майские дни 1840 года. В книжной лавке купца Глазунова, что помещалась на Садовой линии Гостиного двора, сидельцы, как тогда называли продавцов, охрипли, от-

вечая на один и тот же вопрос: «Есть ли в продаже роман господина Лермонтова «Герой нашего времени?»»

Во всем Петербурге — в гостиных, на улицах, в аллеях по-весеннему нарядного Летнего сада — главной темой разговоров тоже была эта книга и странная судьба ее автора — гусарского офицера Лермонтова.

Частенько посреди разговора осторожные любители литературы переходили на шепот: не обо всем, что касалось Лермонтова и его книги, можно было говорить вслух. Вероятно, поэтому молчали и критики. Ни одна газета, ни один журнал не высказали своего мнения о книге, которая стала знаменитой в несколько дней. Они словно раздумывали, отбирая то, что можно было сообщить публике по поводу романа, автор которого находился в глубокой опале у самого царя Николая I.

Но ни критики, ни читатели не знали еще, что царь, осудивший поручика Лермонтова, не менее сурово осудил и его книгу. Вот что хозяин Зимнего дворца писал тогда своей жене, которая лечилась за границей:

«Я дочитал «Героя» до конца и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде.

Это то же преувеличенное изображение презренных характеров, которые находим в нынешних иностранных романах... я повторяю, что, по моему убеждению, это жалкая книга, обнаруживающая большую испорченность ее автора».

Что же стоит за строками царского письма, какие побуждения, кроме личной вражды, руководили Николаем I, когда он писал эти строки?

Как только читатель берет в руки роман Лермонтова, его с первых же страниц охватывает ощущение, что в прошлой жизни героя, оставшейся за рамками произведения, произошло важное событие, которое определило всю его дальнейшую судьбу.

Но какое? И, возможно ли, вообще, узнать прошлое литературного героя, если в самом романе есть лишь догадки Максим Максимыча, скудные высказывания доктора Вернера да очень сдержанные признания самого Печорина? И все-таки, оказывается, — возможно. Попробуем это сделать.

Большинство авторов, писавших о романе, сходятся на том, что действие «Бэлы» и «Максим Максимыча», а значит — и встреча «издателя» записок со штабс-капитаном и Печориным — происходит в 1837 году, т. е. в том же году, когда сам

Лермонтов находился на Кавказе, отбывая первую ссылку.

В «Бэле», вспоминая о первом знакомстве с Печориным, Максим Максимыч говорит: «Этому скоро пять лет». Таким образом, эпизод с Бэлой, столкновение с контрабандистами в Тамани и дуэль с Грушницким происходили в 1832 году.

Дальше штабс-капитан сообщает, что в момент появления в крепости Печорин был «молодой человек лет двадцати пяти». Тут Максим Максимыч мог и ошибиться, так как внешность Печорина имел очень молодую, «смешно подумать, что на вид я еще мальчик» — записывает он о себе. Но даже и в том случае, если Максим Максимыч определил возраст Печорина верно, дата его рождения приходится примерно на 1807 год.

Получив хорошее домашнее воспитание под руководством французских гувернеров или в благородном пансионе, Печорин, как это было обычно для юношей его круга, поступил в одно из привилегированных военно-учебных заведений. Их тогда в Петербурге и вообще в России было два: так называемый Пажеский корпус и Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, которую в 1834 году окончил сам Лермонтов. В ней же учился и Печорин. «Я был сам некогда юнкером», — говорит он княжне Мэри.

Из школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров воспитанники выходили в возрасте 18—20 лет. Если Печорин, как мы определили, родился в 1807 году, то он мог стать офицером уже в 1825 году. В этом году, сообщает историк Школы, выпуск в ней состоялся в марте. Печорин, по собственному признанию, «пустился в большой свет».

Но что в эту эпоху, кроме пестрой картины беспрестанных балов и увеселений, представлял собой петербургский «большой свет»? Надвигалось одно из самых значительных событий русской истории — восстание декабристов.

Можно предположить, что Печорин, человек большого и пытливого ума, обладавший сильным и решительным характером, вряд ли бы остался незамеченным декабристскими пропагандистами. Во всяком случае его однокашники по Школе прямо участвовали в «печальных событиях 14 декабря». Вот что пишет по этому поводу тот же историк: «Несколько молодых офицеров, бывших питомцев Школы, были увлечены в общий поток беспорядков, произведенных гвардейской бригадою, но они вскоре возвратились к долгу и присяге, принесли горячее юношеское раскаяние и впоследствии геройскими подвигами в Грузии за-

служили себе полнейшее прощение великодушного монарха».

Имен этих «бывших питомцев» автор истории Школы не сообщает, но они сохранились в «делах следственной комиссии о злоумышленных обществах». Раскрываем эти «дела» и видим: совершенно верно, шестеро офицеров, бывших воспитанников Школы Николай и Владимир Криницыны, Федор и Андрей Мореншильды, Александр Вадбольский и Петр Прянишников — за участие в «беспорядках 14 декабря» были переведены из гвардии на Кавказ.

Печорина тоже привела на Кавказ какая-то петербургская «история», которая «наделала много шума». В черновике Лермонтова указывает, что это была дуэль, но затем слово «дуэль» вычеркивает.

Но, если не дуэль, которую отверг сам Лермонтов, то какая же другая «история» могла послужить причиной ссылки Печорина на Кавказ?

Такой причиной могла быть близость Печорина к одному из декабрьских тайных обществ. Здесь, возможно, и заключена тайна петербургской «истории» Печорина.

Предположение о возможном участии Печорина в декабрьских обществах косвенно подкрепляется и его дружбой с доктором Вернером, который по словам современника «списан» Лермонтовым с хорошо известного в то время на Кавказе доктора Н. В. Майера.

И верно — среди друзей Майера известен А. И. Одоевский, поэт-декабрист, который на послание «В Сибирь» Пушкина ответил знаменитым «Струн вещей пламенные звуки до слуха нашего дошли... Позднее, уже на Кавказе, куда он был переведен по просьбе родных, Одоевский познакомился с Лермонтовым. Когда тропическая лихорадка свела Одоевского в могилу, Лермонтов посвятил памяти друга прекрасные строки:

Мир сердцу твоему, мой милый

*Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба
наша
В немом кладбище памяти моей!..*

В кружке Майера состояли один из вождей Северного общества декабристов писатель А. А. Бестужев, друг и соратник создателя «Русской правды» Пестеля, член Южного общества Н. И. Лорер, декабристы В. М. Голицын, М. Н. Нарышкин, М. А. Назимов.

Все они летом участвовали в военных походах, а на осень и зиму съезжались в Ставрополь или Пятигорск, и тут к ним присоединялся Майер, который стал также приятелем и Лермонтова. Не случайно в «Герое нашего времени» так и говорится: «Печорин встретил Вернера в

С... среди многочисленного и шумного кружка молодежи», и его «приятелями» были «все истинно порядочные люди, служившие на Кавказе».

В жандармских архивах сохранилось дело об аресте в апреле 1834 года «прикосновенного к происшествию 14 декабря» подпоручика Палицына, пятигорского окружного врача Майера и исполняющего должность пятигорского городничего Ванева. Ванев был привлечен к этому делу скорее всего случайно. Но Палицына и Майера жандармы обвинили в «странном образе мыслей, исполненных либерализма и безнравственности», а также в «секретных совещаниях... в духе либерализма».

Следствие отметило, кроме того, что «по слухам» Палицын ведет какую-то «переписку с посторонними лицами и для отправления оной изыскивает разные случаи помимо почты», а Майер «нарисовал картинку, справедливее сказать, пасквиль», на которой изображается вооруженное восстание народа. Под картинкой — французская подпись: «Народ в гнев поднимается, как единое дело». Сбоку картинка — «пять виселиц с повешенными» — скорбное и гневное напоминание о казненных вождях декабризма.

Следствие тянулось два месяца, но так как не было достаточно веских улик, дело прекратилось, а обвиняемые, как «люди подозрительные, весьма несопокойные, даже вредные»; были удалены из Пятигорска и отправлены на службу в близлежащие крепости.

Этот факт придает особенную значительность рассыпаным в «Журнале Печорина» частым указаниям вроде: «мы друг друга скоро поняли», «мы отличили в толпе друг друга», «мы часто сходились вместе и толковали вдвоем об отвлеченных предметах».

Документы жандармского архива убедительно показывают, что из всех декабристов, находившихся в то время на Кавказе, Майер был более всего близок именно с Палицыным. И вполне вероятно, что Лермонтов, изображая в романе отношения между Печориным и Вернером, в каких-то существенных чертах воспроизвел отношения между Палицыным и Майером. А если это так, то оказывается, что именно декабрист был тем реальным человеком, чертами которого воспользовался Лермонтов, создавая образ своего героя.

Наконец, серьезным доводом в пользу того, что в Печорине Лермонтов хотел изобразить бывшего декабриста, можно считать первоначальное заглавие романа «Один из героев начала века».

А. Титов

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА „ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ“

Автолитографии Н. Тырсы, 1941 год

У МАСТЕРОВ ИГРУШЕК

И. Колтакова

Мы сели в Москве на поезд и доехали до маленького городка Загорска. Пересели на автобус, который идет в другой, совсем крошечный городок Краснозаводск. А дальше пошли пешком... Узкая дорога спустилась в долину и повела мимо цветущих лугов, мимо высоких лесных горюшек, в старинную русскую деревню Богородское.

Кажется, все тут привычное — цветут на улицах липы, и важные белые гуси бродят вперевалку возле маленького пруда. Но вот этот просторный дом — местная художественная школа. Нас встречает ее директор и ведет в музей.

Вдоль стен музея — широкие некрашенные полки, а на полках — катится деревянный колобок, а хитрая лиса, подняв пушистый деревянный хвост, дожидается его за деревянным кустом; скачет Сивка-Бурка с развевающейся гривой, а за ней несется на русской печке веселый деревянный Емеля; рыбак ловит золотую рыбку, а старик со старухой ведут за руки маленькую Снегурочку... Кажется, вся русская сказка воплотилась в богородскую игрушку, белую игрушку из резного дерева — из липы, ольхи, осины.

Потом мы вошли в класс — огромную светлую комнату с широкими столами. Человек пятьдесят юношей и девушек учатся здесь обращаться с инструментами, угадывать влиповой или осиновой чурочке линии и формы своих будущих изделий. Опытные богородские художники, присев тут же на край скамейки, показывают ученикам, как выбирать для задуманной фигурки

подходящий кусок дерева, как начинать работу.

Вкусно пахнет свежей стружкой. Светлой кружевной лентой вьется она из-под рук молодых резчиков, и мы видим, как оживают куски белого дерева. А инструменты — самые простые: набор маленьких ножичков и стамесок.

Мы вышли из школы — хотелось повидать и старых мастеров, они дома работают. Вот Федор Сергеевич Балаев — сидит у окна и трудится над фигуркой лося с большими красивыми рогами. Он показывает нам свой, домашний музей Балаевых: тут работы самого Федора Сергеевича, его сыновей, его деда.

Неподалеку от Балаева живет Александр Иванович Барашков. На всех окнах, на стенах, на столах в его домике — стада и стаи всевозможных птиц: деревянные петухи, курочки-наседки, цыплята, павлины, орлы. Петушиными головками украшены вешалки для полотенец, резьбой с птичками отделана полка для книг. Такая уж у Барашковых «птичья» специальность, от дедов ведется.

Рядом с Барашковым домик молоденькой Оли Сальниковой. Быстрые, ловкие у нее руки. Вон сколько у нее уже работ — студент, колхозник, школьница, молодой рабочий. Был у Оли и футболист, да так понравился он местным ребяташкам, что Оля его им и подарила.

От Оли мы пошли к Вите Зимину, потом к Ивану Егоровичу, потом к Николаю Максимовичу... Шли по улице, осенней старыми душистыми липами, и почти у каждого крыльца или окошка видели

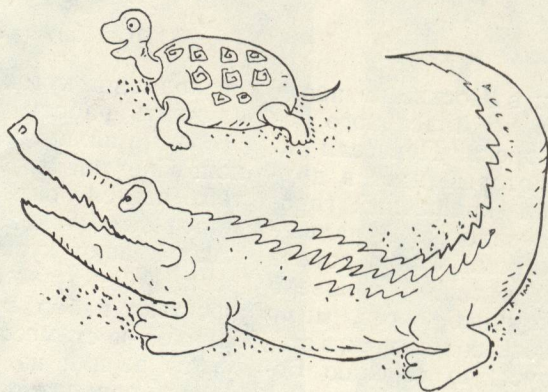
резчиков за работой. И почти у каждой семьи своя любимая специальность: кто вырезает коней, кто медведей, а кто и целые тройки с санями-розвальнями и кучером на козлах.

В середине деревни новый дом — правление артели «Богородский резчик» — и склад изделий, приготовленных для продажи. Много здесь деревянных скульптур, которые украсят любую комнату, и много игрушек, которые можно приводить в движение, нажимая на кнопки или раздвигая планочки: ворона и лисица, мальчик на лыжах, охотник с собакой, — с этого склада они отправляются в разные концы советской страны, а некоторые и за границу.

Вот уже солнце зашло за соседнюю гору. Мы усаживаемся на крыльце дома, где остановились на ночлег, и рассматриваем все, что нам подарили богородцы. Рядом садится хозяйка — бабушка Арина Петровна. Она нагибается к нашим сокровищам, берет их поочередно в руки.

— Ишь ты, конь. Это, видать, Витя вырезал? А избушку на курьих ножках кто же — не Иван ли Егорович? Это, знаете, из какой сказки? Про бабу-Ягу. А сказывается она так: жили были дед да баба, и было у них три сына...

Плавно льется ее речь. С игрушками в руках, притихшие, слушаем мы давно знакомую сказку. А издали в вечерней тишине слышится легкое постукивание: «Тук-тук... Тук-тук-тук». Это резчики, сидя на своих крыльцах, заготавливают деревянные чурочки для завтрашней работы.

ДЯДЯ КОСТЯ

РАССКАЗ

С. Высоцкий

Рисунок Б. Стародубцева

Дяде Косте Журавлеву уже за пятьдесят: он высок, плечист, а шагает так широко, что про него говорят, завидев издали:

— Журавль землю меряет.

Глаза у Журавля необыкновенно живые, лукавые. Сизый, баклушей, нос занимает почти половину лица. Реденькие седые усы вечно топорщатся.

Голос у дяди Кости сиплый. И очень он это переживает — как в лесу без голоса? Каждый знает — сиплону не аукается.

Если повнимательнее приглядеться к Журавлю, то по его уж больно лукавым, скажем даже шалым, глазам, можно догадаться об одной любопытной черте его характера. Любит дядя Костя рассказывать небылицы. Бывает, такое завернет, что потом год без смеха вспоминать нельзя.

Живет Журавлев на кордоне, километрах в десяти от поселка. Грибники и охотники его дом хорошо знают. Так и делят лес на две части: «до дяди Кости» и «за дядю Костю» и говорят обычно: «Ну, я нынче на охоту «за дядю Костю ходил». Далеко значит.

Да, про небылицы. Нельзя сказать, что Журавлев приврать любит. Нет. Небылицы тут как раз самое подходящее слово. Дядя Костя не разминивается на мелочи.

Если он приходит и рассказывает, как его подслеповатая хозяйка загнала в хлев вместо коровы лося и собралась ее подоить — ему можно бы и верить. Чего не бывает, когда живешь в глухомани.

Но если дядя Костя приходит и доверительно сообщает, что на Широком озере поселился крокодил — тут уж все ясно как день. И не потому смеялись над Журавлевым, что появление крокодилов в Ленинградской области вообще явление сомнительное. Нет, поселковые охотники — люди бывалые и видели на своем веку немало чудес. Чего, например, стоит, хотя бы, появление несколько лет назад в речке Ламповке бежавшего при транспортировке питона.

Смеялись над Журавлем потому, что рассказывал он об этом без пафоса, без всякой жестикующии, как бы и не крокодила, а просто пару уток на озере видел.

— Так мол, и так. Иду себе берегом, смотрю — лежит, дышит. Я за ружье, да как на грех ни одной пули не оказалось, а дробью шкуру не хотел портить. И опять же подумал: может его, лешего, летом и стрелять нельзя, не сезон...

Находились, между прочим, и такие, которые тайком от товарищей — чтобы не засмеяли — ходили на озеро посмотреть — ведь чем черт не шутит...

А про сезон Журавлев неспроста помнить в последнее время стал. Живя у себя на кордоне, не очень-то он раньше со сроками охоты считался. Да поди, поймай.

Но однажды произошел такой случай. Дело было весной. На открытых местах снег уже давно сошел, и под лучами апрельского солнца земля дышала полной грудью. Только

кое-где в лесу еще сохранились белые крупнозернистые пятна снега.

Ночь застала нас, трех охотников, далеко в лесу, «за дядей Костей». Домой мы не торопились и решили заночевать в лесу. Пригорок, где мы развели костер — настоящая тайга. И всегда здесь глухари пели весной. А так как на них охота была запрещена, то мы мечтали хоть послушать песни лесных великанов. За разговорами досидели до двух часов, а потом решили часика полтора вздремнуть. Легли, да и заснули основательно. Разбудил нас громкий выстрел. Рассветало.

— Какой черт там стреляет? — выругался Федя Кисочкин. — Ведь в этих местах, кроме глухарей, и дичи-то никакой нет.

Мы быстро костер затоптали, да бегом в сторону выстрела. Никого. Тем временем совсем светло стало, и Викентий Викентьевич, лесничий наш, нашел на зарослях тальника почерневшую бумажку. Похоже, вместо пыжа ее использовали. Разглядели мы бумажку — оказался конверт и на нем полный дяди Кости Журавлева адрес. Даже штемпели с датами разглядеть можно. Два дня назад дядя Костя письмишко от сына из армии получил. А рядом и второй пыж — само письмо валяется.

Посмотрели мы повнимательнее вокруг — нашли несколько перьев глухариных. Ну и разозлились же. Да и пошли напрямик к дяде Косте.

Приходим к нему, как ни в чем не бывало. Журавль дома. Довольный. Сияет. Пригласил за стол. Сели. О том, о сем разговор, об охоте, о делянках. У Журавля вдруг глаза становятся шалыми и начинает он про каких-то черепах со старого болота рассказывать. А я его останавливаю и говорю:

— Ну вас, дядя Костя, с вашими черепахами в это самое болото. Это вовсе и не новость, ваши черепахи. Вот у Викентия Викентьевича великий талант проявился, вот это да!

— Какой такой талант? — удивился Журавлев.

— Какой, какой... стал Викентий Викентьевич ясновидцем.

Дядя Костя взглянул на лесничего и подмигнул мне. Но я посмотрел на него очень строго.

— Вы зря мигаєте, — говорю, — Константин Николаевич. Совершенно напрасно.

И Федя Кисочкин мне поддакивает. Но дядя Костя, конечно, не верит и все старается про своих черепах завернуть,

Тогда я говорю лесничему:

— Что тут зря болтовней заниматься. Покажите-ка, Викентий Викентьевич, на что способны. Это, — говорю, — товарищ Журавлев, не какое-нибудь ваше вранье про полудохлых черепах со старого болота. Ясновидящий, он на метр вглубь видит, и всю брехню он сразу от правды отличает.

Викентий Викентьевич подергал себя за бороду, потаращил на Журавлева глаза и говорит:

— Было тебе, дядя Костя, третьего дня письмо от сына или нет?

Дядя Костя сначала удивился, а потом говорит:

— Ну, это вы в лесничестве могли узнать. Я ведь там письма беру.

Тогда лесничий еще подергал свою бороду и сказал:

— А не писал ли тебе, Журавлев, твой Мишка, что в июне в отпуск собирается?

Дядя Костя на это ничего не ответил, только погладил своей огромной ладонью плешь и сказал: «Да... а...»

Тогда Викентий Викентьевич уже не стал больше дергать себя за бороду, а спросил:

— А не тушится ли у тебя, дядя Костя, в печи глухаришко какой?

Федя Кисочкин тут же заслонку открывает и вытягивает из духовки чугунок.

Теперь уж дядя Костя дернул себя за усы и просипел какое-то диковинное слово «таробумбия».

Викентий Викентьевич тут же достает лист бумаги и пишет на Журавлева акт за браконьерство, и мы все подписываем, и дядя Костя тоже, потому как дружба дружкой, а глухарей в наших местах совсем мало стало.

После этого мы вчетвером пьем чай и говорим о погоде. Дядя Костя сидит мрачный и даже не пытается рассказать нам про удивительных черепах со старого болота.

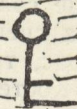
С этих пор он про охотничьи сроки кстати и некстати упоминать стал.

Главный редактор
Морской Энциклопедии —
капитан второго ранга,
писатель С. Сахарнов

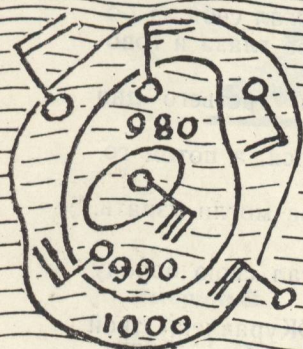
Странная карта была напечатана в августовском номере журнала. Ее принесла бутылочная почта. На ней в каждый город воткнул флажок. У каждого флажка одна, две, три поперечинки. Рассыпаны флажки по карте, будто ветер швырял их сюда.

...И верно — ветер. Это карта погоды. Изогнутые линии — давление воздуха. А флажки — ветер. Каждый флажок летит по ветру, острием вперед. Одна поперечинка — ветер слабый, две — ветер посильнее, а три и более — шторм. Полпоперечинки — один балл.

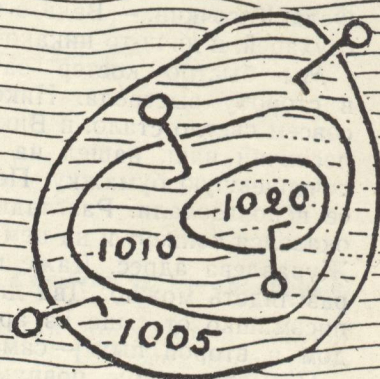
Ветер, южный, три балла. Приятный ветерок.

А это северо-восточный, шесть баллов. Это уже шторм.

Это циклон. В нем воздух как вода в водовороте — крутит, с ревом несется к середине. Циклон — дурная погода. Идет такой водоворот над морем, штормит, ураганит, дождем засыпает острова...

Антициклон — шапка спокойного тяжелого воздуха. В нем высокое давление, не то что в циклоне. Наползет антициклон на город — установится погода: ясная морозная зимой, сухая жаркая летом. Долго простоит погода, пока не расплзется антициклон.

Так что же это за флажки? Погодные. Они сигналият людям и кораблям: попутный ветер, легкого вам плавания, или — берегись, гроза!

ПО МОРЯМ ОТ А ДО Я

ЧОП

Пришел как-то к одному моряку друг, человек совершенно сухопутный, в кораблях, в морских словах — ни в зуб ногой.

— Что бы тебе на память подарить, — говорит ему на прощанье моряк. — Морскую раковину? Или алжирские марки? Или чоп?

— Эка невидаль: раковины да марки! — говорит друг. — Давай чоп!

— Ну, ладно, — говорит моряк и достает из стола деревянную пробку с острым концом. Вот тебе и раз! Цена пробке — грош.

— Знаешь что, — говорит друг. — А цейлонских марок у тебя нет?

Сошлись на цейлонских...

— Эх! — говорит потом моряк, — хорошо, что ты пробку не взял. Я ведь предложил ее сгоряча...

И он рассказал, как однажды во время войны десантный катер, которым он командовал, обстреляли враги из орудия. Осколки наделали много мелких пробоин в борту. Внутри катера струями начала бить вода. Катер едва не утонул. Воду остановили деревянными пробками. На каждом корабле такие пробки лежат ящиками, наготове. Они нужны не меньше, чем патроны. И называются «чоп».

— Хорошее слово «чоп», — сказал моряк и хлопнул ладонью по кулаку. — Чоп! — и дырки нет. Видишь на пробке вмятины? В железе сидела.

МОРСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ВИКТОРИНЫ

Ответы на вопросы, помещенные в майском номере журнала:

1. Под водой не менее всех, пожалуй, человек. Большинство рыб и животных «говорят», издавая различные звуки.

2. Подводная лодка под водой стать на якорь может. Для этого у нее есть специальный якорь, похожий на гриб.

3. Ребра у корабля есть: это шпангоуты, к которым крепится обшивка.

4. В районе северного полюса глубина около 4000—4500 метров.

5. У берегов Африки айсберги встречаются очень редко. Только у самой южной оконечности Африки — мыса Игольного, — и только в ноябре.

Правильные ответы прислали: Павел Луговской (Усть-Лабинск), Вова Картошкин (Сосновка Калининградской обл.), Ира Муравьева (Свердловск), Лена Марьясина (Москва), Малафеев (Бурибай Башк. АССР), Толя Баженов (Павловское Тамбовской обл.), Саша Валлиулин (Казань), Сергей Яковлев (Белгород), Каширин (пос. Лесной Мурманской обл.), Слава Кутузов (пос. Донской Тульской обл.).

Ответы на вопросы, помещенные в июньском номере:

1. У целого ряда рыб, активных в дневное время, ночь — время сна.

2. Когда судно плывет на север, его компас показывает обычно курс, отличающийся от курса «север» на величину поправки компаса.

3. Прямой путь, выбранный по карте — не самый короткий. Форма земли на карте искажена. Самым коротким будет прямой путь, выбранный по глобусу.

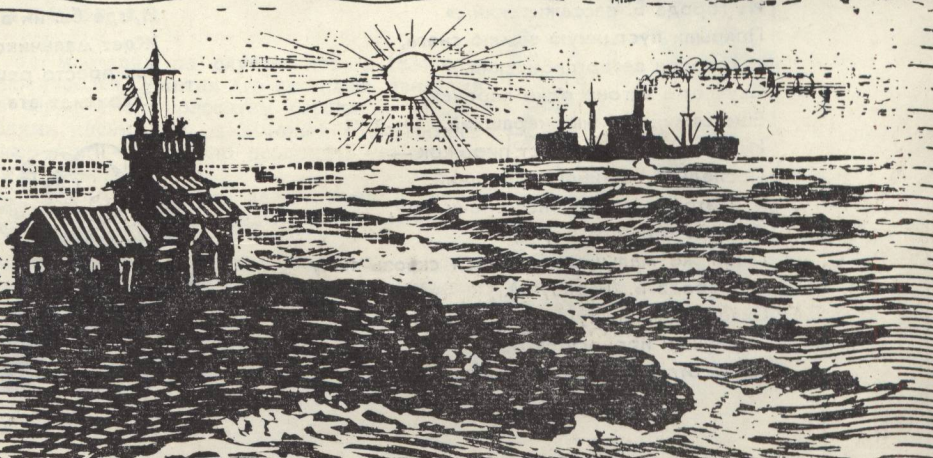
4. Утонуть в воде рыба может. Конечно, не всякая: утонуть может перифthalm — илестый прыгун, который приспособился к жизни в период отливов. В аквариумах живут так называемые лабиринтовые рыбы, которым для дыхания надо обязательно подниматься к поверхности и заглатывать пузырьки воздуха. Без него рыба тоже «утонет».

5. Днем корабли включают свои прожекторы. Вспышки прожекторов хорошо видны и используются для сигнализации с помощью азбуки Морзе.

ОСТРЫЙ ГЛАЗ

Представьте, что вы находитесь на острове. Полдень, середина января. Положение солнца хорошо видно на рисунке. Каким курсом идет пароход? На этот вопрос можно ответить, если представить, в какой части земного шара расположен остров.

КАРАМЕЛЬ

Леонард Кондрашенко

Плыл корабль в открытом море,
Моряки не знали горя:
Капитан крутил штурвал,
Боцман песни напевал.

А веселый толстый кок
Борщ варил и пек пирог.
Но за тридевять земель
Наскочил корабль на мель.
Посмотрели, посмотрели:
Эта мель — из карамели!
Не везти же карамель
Им за тридевять земель!
Капитан с командой вместе
Стали есть ее на месте.
Старый боцман, толстый кой
Тоже ели — кто как мог.
Кок забыл свою стряпню:
Изменилось все меню!
Вместо супа с вермишелью —
По тарелке с карамелью.
Ни тефтелей, ни сарделей —
Ужин, завтрак карамелий.
И селедку, и кисель
Заменяла карамель!
Три недели ели, ели,
Мель доели еле-еле.
Путь свободен, и опять
Можно в море уплыть.
Но однажды утром рано
Зуб заныл у капитана...
Боцман в кубрике сидит:
Челюсть нижняя болит...
А у кока-толстяка
Вздулась правая щека...
Все лицо перекошилось,
Даже судно накренилось!
Охал боцман, ахал кок,
Все стонали — кто как мог.
И радист скривил свой рот —
«СОС» по радио дает:
Шлем из плавания привет
Всем любителям конфет!

ЗАДАЧА

А. Хазин

«Курьерский выходит из города А,
Из города Б. пассажирский...»
Покрыли пустынную землю снега,
И холоден ветер сибирский.
Скучает в вагоне один паренек,
Еще семиклассник вчерашний.
И долго задумчиво ест пирожок —
Последний гостинец домашний.
А в это же время, навстречу ему,
Руки не отняв от баула,
Такой же мальчишка несется сквозь тьму
Из города Б. (Барнаула).
Сквозь дым и туманы и сквозь пелену,
Парнишки проносятся оба:
Из А. отправляется на целину,

Из Б. в институт, на учебу.
И, где бы ни встретились их поезда,
Ждет мальчишек наших удача.
Так просто решается, раз навсегда,
Старинная эта задача.

Рисунки О. Земцова

Острое бритье

О том, что высказывания Лермонтова были необычайно остры, есть много свидетельств. Одно из них довольно своеобразно.

Юнкера, однокашники будущего великого поэта, полагая, что чем чаще брить бороду, тем быстрее она появится, без всякой меры увлекались бритьем. Едва завидя солдата Байкова, приставленного к ним для этого, они наперебой кричали ему «Брей!», немало не считаясь с местом, где это происходило.

Однажды, окруженный целой толпой безусых юнкеров, совсем отчаявшийся Байков увидел, как из класса выходит Михаил Юрьевич.

— Завидую я г-ну Лермонтову, — грустно вздохнул Байков. — Он без всякой бритвы бреет почище меня, а вы от его бритья разбегаетесь во все стороны.

Репетиция

У профессоров Московского университета Лермонтов слыл дерзким и непочтительным юношей. За полтора года учения у него вышло несколько историй с преподавателями. Вот одна из них.

Перед рождественскими праздниками профессора делали репетиции, то есть проверяли знания своих студентов. Лермонтов отвечал профессору словесности Победоносцеву. Прослушав несколько минут, спесивый профессор с возмущением перебил Лермонтова:

— Откуда вы все это почерпнули, милостивый государь? Не станете же вы утверждать, что это говорил я?

— О нет, господин профессор, — горячо откликнулся Лермонтов. — Вы ничего такого не говорили.

— Я рад, что по крайней мере вы искренни, — снисходительно заметил Победоносцев. — Может быть, вы потрудитесь еще объяснить, почему я этого не говорил?

— Если вам угодно, г-н профессор. Книга, в которой изложены эти сведения, вышла десять лет назад, а это для вас слишком ново.

Детские шалости

Лермонтов был довольно силен и, учась в школе гвардейских подпрапорщиков, любил состязаться с юнкером Карачинским, который славился тем, что мог сгибать гривенники.

Директор школы генерал Шлипенбах, войдя неожиданно в комнату во время одного из споров Лермонтова с Карачинским, велел отдать обоих под арест на целые сутки. На следующий день юнкера пристали к Лермонтову и Карачинскому:

— В чем дело?

— А что вам сказал Шлипенбах?

— Он заявил, что вы вели себя как малые дети.

— В самом деле, господа, — отпарировал Лермонтов, — мы шалили как малые дети — вязали узлы из железных шомполов.

Маскарадные прорицания

В московском благородном собрании на маскарад по случаю нового 1834 года Лермонтов появился в costume прорицателя-чародея. Мантия его светилась звездами, а в руках он держал огромную книгу в черно-белом полосатом переплете. Первые страницы книги были испещрены колдовскими письменами, к которым с благоговейным трепетом присматривались маскарадные гости — им было невдомек, что это китайские буквы, срисованные Лермонтовым с чайного ящика.

Прорицатель охотно раздавал «судьбы» — кому достались две, а кому и четыре строчки, тут же мгновенно им сочиненные. Найдя в этих предсказаниях мало для себя лестного, гости обиделись.

Однако много лет спустя, когда готовилось к изданию полное собрание сочинений поэта, они направили свои «судьбы» издателям с просьбой их напечатать, подчеркивая, что стихи были написаны специально для них.

На что Шан-Гирей, друг Михаила Юрьевича, ответил:

— Именно потому, что Лермонтов сочинил эти стихи специально для вас, он не стал бы помещать их рядом с другими своими произведениями.

ТАК ОНИ НАЧИНАЛИ

К цветному рисунку В. Зайцева

*Праправнук знаменитого итальянского композитора Джакомо Россини — Гальяно завоевал в Мельбурне олимпийское золото, а в Риме — серебро, соревнуясь в стрельбе по летающим тарелочкам. Впервые чемпионом страны по стендовому спорту он стал в 16 лет. Но прежде чем это произошло, Гальяно добрый десяток лет вместе со сверстниками ребятишками был завсегдатаем маленьких уличных ти-

*Много лет не знает поражений японская волейбольная команда «Ничибо». Она защищает честь страны Восходящего Солнца на олимпиаде. Перед натиском «азиатского тайфуна», как называют этот сплоченный коллектив, не могла устоять ни одна национальная сборная команда. «В чем секрет непобедимости?» — спросили девушек. «Нам было по 10—12 лет, когда мы подружались с волейбольным мячом и друг с другом. И с тех пор мы неразлучны!»

*Еще раньше начался спортивный путь юной прыгуньи из Германской Демократической республики Ингрид Кремер. А в 16 лет немецкая школьница на Римской олимпиаде завоевала две золотых медали по прыжкам в воду с вышки и с трамплина.

*Среди ребят, с утра до вечера гоняющих мяч на знаменитом пляже Капакабана в Рио-де-Жанейро, немало будущих футбольных звезд. Здесь, например, начинал свою карьеру прославленный бра-

зильский форвард Пеле. Сейчас из недавних мальчишек составлена новая сборная команда Бразилии, отправившаяся на Олимпийский турнир в столицу Японии. Тысячи других юных поклонников кожного мяча считают себя кандидатами на поездку в Мехико.

*В ленинградской спортивной школе «Зенит», созданной заслуженным мастером спорта Виктором Ильичем Алексеевым, выросли три олимпийских чемпиона по легкой атлетике. Воспитанники одной этой школы в Мельбурне и Риме подарили больше очков, чем легкоатлеты таких стран, как Франция, Швеция, Чехословакия. Все зенитовцы-олимпийцы начали выступать в соревнованиях еще в пионерском возрасте.

*Когда австралийским пловцам брату и сестре Конрадсам было по 13 лет, мало кому из взрослых удавалось угнаться за ними на водных дорожках. И Джон и Ильза внесли в то время существенные поправки в таблицу рекордов мира. А сейчас среди обладателей мировых достижений можно встретить еще более юных пловцов.

*Одной из самых больших сенсаций Римской олимпиады была победа в марафонском беге Бикилы Абебе — солдата императорской гвардии Эфиопии. Однако стоило ли удивляться — ведь Абебе пристрастился к бегу на длинные дистанции, гоняясь за козами в родных горах.

Рисунок на обложке Ю. Мезерницкого

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Буценок, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юрман (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-44648.

Тираж 278 100 экз.

Подписано к печати 19/IX 1964 г.

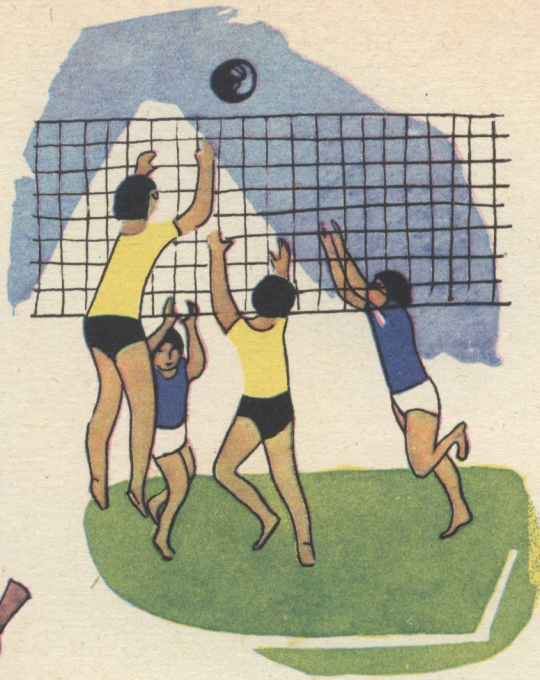
Формат 84×108^{1/16}.
Заказ № 630.

Печ. л. 8+1 вкл. 6,56 усл. печ. л.

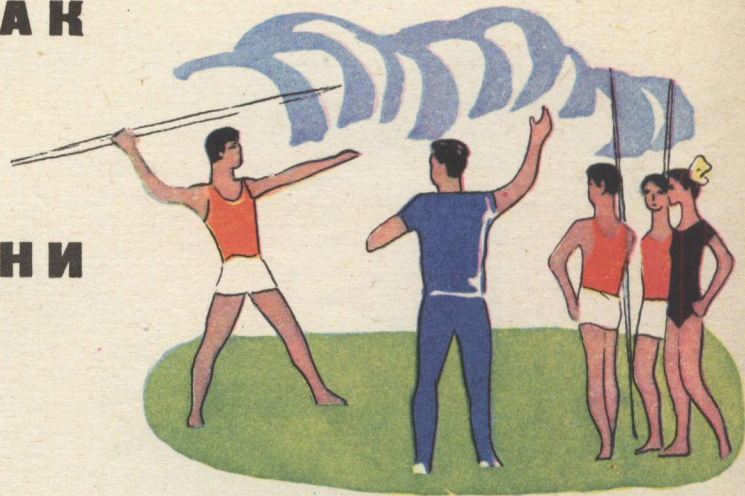
8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Главполиграфпрома»
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

ТИРО

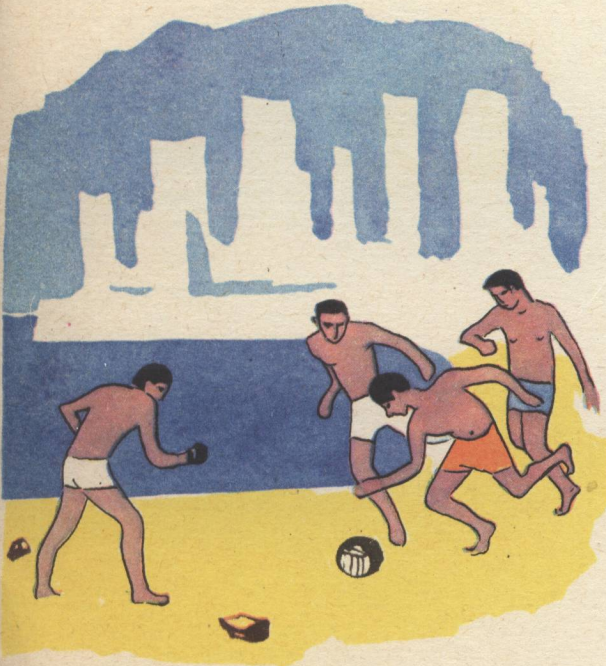

ТАК

ОНИ

НАЧИНАЛИ

ЗВЕРЬ НА БУКВУ „Ю“

слова А. Чельцова

музыка С. Сахарцева

Одик

Хор

f *tr*

Жил-был зверь на бук-ву «ю», чистил мор-доч-ку сво-ю. Бе-ге
 мот на бук-ву «б», а пе-тух на бук-ву «п», кро-ко-дил на бук-ву
 «к» и ка-бан на бук-ву «к», ут-ко-нос на бук-ву «у». Что за
 у не-го длинню-щий хвост? У не-го о-гром-ный
 зверь на бук-ву «ю»? Да!
 рост? У не-го густа-я шерсть? у не-го ко-пыт-а есть?
 Нет! Да! Нет!
 у не-го и зу-бы есть? Я бо-юсь е-го тог-да. Живо
 Да! Затягивая Э-тот зверь сов-сем не
 По-че-му о-на на «ю»?
 стра-шен, э-то про-сто кош-ка на-ша.
 Юль-кой кош-ку звать мо-ю.

Вожатые
 октябрятских звездочек!
 разучите эту песенку
 со своими октябрятами.

